

26.89(2)

Б 3
Н 3095

Н БОБРОВ

В СЕРДЦЕ
РУСИ
СЕВЕРНОЙ

ас
Н·БОБРОВ

в сердце
РУСИ
северной

9с

53

А 385490

Вологодское Книжное Издательство

1959

**Бобров
Николай Сергеевич**

В СЕРДЦЕ РУСИ СЕВЕРНОЙ

Редактор *В. К. Пудожгорский*
Технический редактор *С. И. Соколова*
Художник *С. В. Кулаков*
Корректор *С. Г. Меркулова*

ГЕ02814. Сдано в набор 11. 5. 59 г. Подписано к печати 21. 7. 59 г.
Бумага $70 \times 108^{1/32} = 3,625$ б. л., 9,9325 п. л., 9,5 уч.-изд. л.
Заказ 3297. Цена 3 р. 90 к. Тираж 5000.

Областная типография, г. Вологда, ул. К. Маркса, 70.

ВСТУПЛЕНИЕ

В ЗАПАДНОЙ Европе издаются тысячи путеводителей, ярких и красивых внешне. В этих книжках описаны каждый камень, каждая скала на перекрестке дороги, если они связаны с какими-либо историческими событиями. В них живописуются даже закаты и восходы солнца, красота которых считается неотъемлемой принадлежностью только данной местности. Европейские аборигены явно гордятся такими достопримечательностями, всеми этими перекрестками дорог, изгибами рек, но зачастую они ценят эти иногда сомнительные с исторической точки зрения достопримечательности только как источник дохода от туристов.

В Кенигсберге в 1925 году я видел путеводитель, в котором на отдельном листе был изображен маршрут ежедневной прогулки автора «Критики чистого разума» Эммануила Канта по улицам древнего города. Посетителям городского музея рекомендовалось совершить подобную прогулку, причем на плане «маршрута Канта» заботливо отмечены были все магазины, с указанием продаваемых в них товаров.

Вряд ли советские читатели нуждаются в подобных

изданиях, но печален тот факт, что мы мало издаем книг, посвященных достопримечательным местам нашей Родины. В частности, у нас почти нет книг своеобразного жанра «исторической географии». Нет такой книги и о Стране голубых озер, как поэтически называется иногда северо-западная часть Вологодской области.

Как рисуется на карте Российской Федерации Страна голубых озер? Каковы ее границы, являющиеся и географическими границами темы нашей книги?

Географическое определение темы книги созрело в дни, когда в небе появился Спутник. Произошло это во время беседы автора с учениками одной из московских школ.

Мы представили себя находящимися где-то в мировом пространстве. Наша планета ослепительно сияла на фоне черно-синего неба. На ее серебристом лице, словно на огромном глобусе, виднелись более темные моря. Мы легко нашли северное полушарие и характерную по очертаниям Балтику. И где-то на северо-востоке от крошечного, едва различаемого Финского залива все еще терялась воображаемая нами точка.

По мере нашего приближения к Земле эта точка расширялась, превращалась в круг. В нем появились очертания больших озер — Онежского, Белого, Воже, Лаче...

И вот уже отчетливо «видны» и Белое озеро с городом Белозерском, и голубая лента Шексны, и находящийся за пределами нашего круга городок Каргополь. На юго-востоке не менее отчетливо различались Кубенское озеро, река Сухона и центр области — древняя Вологда.

Наше внимание привлекает еле заметное белоснежное пятно на берегу Сиверского озера. Это городок Кириллов с бывшим монастырем, названным Белозерским по имени административного центра края. Именно в Белозерске была сосредоточена в древности власть над краем

в лице князей Белозерских. Так было в годы основания этого монастыря — события, имевшего место более 500 лет назад. Позднее Белозерское княжество утратило свою самостоятельность, власть над краем перешла к Москве, вокруг которой собиралось единое централизованное государство — Россия. Название же Белозерский, с добавлением имени основателя монастыря Кирилла, так и осталось прежним: Кирилло-Белозерский...

Неподалеку от этого памятника русского зодчества виден второй. Это бывший Ферапонтовский монастырь. В нем несколько древних храмов. На стенах одного из них сохранилась фресковая живопись выдающегося художника древности Дионисия...

Это край, населенный потомками пришельцев с берегов Ильмень-озера. Смелые новгородцы — первооткрыватели водных путей Севера отвоевывали у болот поля, очищали их от камней-валунов. Кровью и потом за воевывали они скучные дары природы. Новая волна переселенцев пришла сюда с юга — с берегов Клязьмы и Москвы, с верхней Волги. Здесь, на ближнем Севере, спасались они от татарского ига и боярского гнета, от язвы моровой и злых поветрий. Здесь пытались они обрести желанную волю...

Это были мужественные завоеватели суровой природы Озерного края, принесшие сюда высокую культуру своей эпохи. Их потомки сохранили эту культуру в ее самобытной целостности, и она проявляется здесь в характере прямодушных обитателей края, в их речи и песнях, в их зодчестве и прикладном народном искусстве.

Этот край и называем мы сердцем Руси Северной. Он притягивает к себе внимание многих советских граждан, и в первую очередь людей науки и искусства. Их влечут сюда сохранившиеся здесь истоки древней русской культуры, поныне питающие подлинно народное искусство нашего социалистического сегодня.

С первых дней установления Советской власти территория бывшего Кирилло-Белозерского монастыря находится под охраной Советского государства. С 1924 года здесь существует Историко-художественный музей, хранящий прекрасные образцы русского зодчества, создавший замечательные по богатству экспозиции, посвященные древней живописи и прикладному искусству, рукописным и первопечатным изданиям тех же веков.

Значимость Кирилловского историко-художественного музея состоит и в том, что он отражает не только старину, но и новизну Озёрного края, почти забытого нашей литературой.

Сейчас в Стране озер ведется грандиозное строительство — сооружается канал, называемый сокращенно «Волго-Балт».

Завершение работ по строительству нового канала повлияет на дальнейшее изменение экономики Озёрного края. Мощные гидроэлектростанции зальют потоками света всю округу. В приозерных районах, где до сих пор не изжита керосиновая лампа, засияют миллионы огней. Леспромхозы, совхозы и сотни колхозов области получат дешевую электроэнергию.

«Да, — думал я по дороге в Кириллов, — есть что писать об этом крае. Он не менее интересен, чем суровая Арктика, о которой написаны десятки книг, и куда интереснее многих «достопримечательностей» Европы. Итак, решено: буду писать об Озёрном крае. И пусть моя книга будет сыновним поклоном Родине-матери!»

—

чудо
народа-зодчего

С первых дней установления Советской власти территория бывшего Кирилло-Белозерского монастыря находится под охраной Советского государства. С 1924 года здесь существует Историко-художественный музей, хранящий прекрасные образцы русского зодчества, создавший замечательные по богатству экспозиции, посвященные древней живописи и прикладному искусству, рукописным и первопечатным изданиям тех же веков.

Значимость Кирилловского историко-художественного музея состоит в том, что он отражает не только старину, но и новизну Озера края, почти забытого нашей литературой.

Сейчас в Стране озер ведется грандиозное строительство — сооружается канал, называемый сокращенно «Волго-Балт».

Завершение работ по строительству нового канала повлияет на дальнейшее изменение экономики Озера края. Мощные гидроэлектростанции зальют потоками света всю округу. В приозерных районах, где до сих пор не изжита керосиновая лампа, засияют миллионы огней. Леспромхозы, совхозы и сотни колхозов области получат дешевую электроэнергию.

«Да, — думал я по дороге в Кириллов, — есть что писать об этом крае. Он не менее интересен, чем суровая Арктика, о которой написаны десятки книг, и куда интереснее многих «достопримечательностей» Европы. Итак, решено: буду писать об Озере крае. И пусть моя книга будет сыновним поклоном Родине-матери!»

чудо
народного зодчего

ПО КАРГОПОЛЬСКОЙ ДОРОГЕ

ОЛОГДА — Кириллов. Колеса «Победы» отсчитывают километры древнего пути. Мне эта дорога знакома по прежним, еще дореволюционным, поездкам по ней. Унылой и безлюдной была она в те годы. Сельское хозяйство в этих близких к Вологде селах было занятием второстепенным, побочным. Почти в каждом доме

Кубенского и Новленского были поставлены дворы, чайные, трактиры.

Я вижу сейчас в этих селах новые школы с садами, здания новых больниц. На дверях клубов висят афиши.

Меня удивляют в селениях яблоневые сады, спрятанные в местах, укрытых от злого северного ветра. Ведь в годы моего детства считалось, что яблони севернее Вологды не могут расти. И, право, так трогательны розово-белые лепестки цветущих деревьев на фоне темного Кубенского озера.

Это озеро тянется на десятки километров справа от нас, темно-фиолетовое, бурное сегодня. Противоположные берега его скрыты тучами. Солнечный луч изредка выхватывает из серой мутни какое-нибудь селение с белой церковкой, и снова исчезает из глаз далекий берег.

Озеро испещрено белыми гребнями валов, зарываясь в которых следует за катером цепочка рыбачьих ладей. Кажется, вот-вот зальет их водой. И, слушая тосклиевые крики испуганных непогодою вьюш (так зовут здесь чайку) и неумолчный шум ветра, легко веришь, что хоть озеро и «не море, но плавать по нему — горе!..»

Мы обгоняем автобус с надписью «Вологда-Кириллов». Нас обгоняют такси с шашечками на борту — такие же, как и в Москве. Некоторое время наше внимание привлекает белоснежный пароход, идущий по озеру.

— Это «Достоевский» топает в Кириллов, — поясняет мне водитель. — Вон там за пригорком деревушка, видите?..

— Чем же она замечательна?

— Ну, как же чем? В ней родился наш знаменитый земляк.

— Это кто же?

— Конструктор самолетный — Сергей Владимирович Ильюшин. Его «Илы» на всех наших линиях курсируют...

Помолчав, водитель добавляет:

— А молодец. Каждое лето в отпуск домой приезжает. Любит, значит, свою деревню-то! Приедет, гуляет по полям, с земляками беседует...

Снова затихает отрывочный разговор. Слышится только шум мотора и свист разрезаемого автомобилем воздуха.

А дорога уже стремится в долину, приближаясь к реке Порозовице, где над лесами стелются полотнища туманов. Кое-где на высоких местах резкими контурами долго маячат столетние ели. Слева блеснуло на мгновение Никольское озеро. На его густо заселенных берегах еще в XIV веке шел оживленный обмен товарами. Через это озеро, называвшееся в древности Словенским,

шкун-лодки добрых молодцев новгородских перетаскивались в озеро Волоцкое или Порозовицкое...

— Вон и волок Словенский!..

Этот возглас водителя заставляет сильнее биться сердце.

На фоне зари я вижу очертания так знакомой мне с детства церкви, около которой расположена моя родина — село Волокославинское... Всю зиму я получал отсюда письма моих земляков, тех, что на рубеже двух столетий учились вместе со мною в нашей сельской школе.

И, вспоминая, я видел их мальчиками, одетыми в ланти и онучи, пищущими на «аспидных» досках серыми грифелями.

В этих размышлениях незаметно прошла короткая белая ночь. Небо на северо-востоке загорелось пламенем зари. Мы ехали по лесной дороге, извивающейся по берегам блестящих, словно зеркало, озер. На дороге сумрачно от теней, бросаемых могучими елями. Константин Иванович включает фары. Неожиданно перед машиной взмывает сова. Оглядываясь на чудовище с огненными глазами, она тяжело взмахивает крыльями в неуклюжем полете. В ее лапах добыча.

— Зайца поймала, — заявляет водитель и поясняет: — Зайцы в это время паруют. Глупый зверек обязательно на дорогу, где посушке, вылезет.

И сова, и зайцы остаются вскоре позади. В пункте, называемом Поздышка, переезжаем по лавам (разводному мосту) через Северо-Двинский канал. Перед машиной открывается прямая дорога с подъемом; «Победа» легко преодолевает его, и перед нами возникают величественные, проникнутые суворой красотой, розовые в лучах зари стены древней крепости...

Но не успеваю я налюбоваться ими, как «Победа» въезжает в городок, и видение исчезает. Справа и слева

маленькие деревянные домики с садиками перед ними. В городе всюду цветет шиповник.

Еще минута, и мы останавливаемся перед двухэтажным деревянным зданием. Это — Дом колхозника.

ИЗ ВЕКА ХХ в XIV ВЕК...

УТРОМ мы отправляемся в местный Историко-художественный музей, организованный в 1924 году на территории бывшего Кирилло-Белозерского монастыря.

По дороге в музей минуем самое большое здание Кириллова — Народный дом и поворачиваем на Белозерское шоссе.

Уже издали видны высокие, кажущиеся вначале угремыми, величественные стены. Они поражают своей высотой. Их «прясле» протяжением почти в триста метров простирается от Вологодской до Белозерской башни.

Перед зрителем возвышается огромная Казанская башня — главный вход в музей.

Слева от ворот на таблице, прикрепленной к стене, четко изображены слова: «Кирилловский историко-художественный музей», а высоко вверху над воротами красуется Государственный герб СССР — свидетельство того, что и стены монастырские, и все, что они окружают, является собственностью государства, находится под его охраной.

Стоя у ворот, можно наблюдать, как со стороны города подходят сюда и одиночные посетители музея, и группы экскурсантов. Среди них из Ленинграда, Москвы, Вологды, Череповца, Белозерска, из ближайших сел и деревень и даже из Лондона и Пекина...

Всего лишь полвека назад у этих ворот стоял необычайно толстый монах-привратник с жирным и потным лицом. Он зорко всматривался узенькими заплывшими глазками в наружность богомольцев, умело определяя

их материальное положение. Слуга «божий» сердито зыркал глазами на нищих и калик перехожих и угодливо бросался навстречу какой-нибудь богатой купчихе, приехавшей в собственном экипаже.

Но вернемся из этого прошлого в наше сегодня. Начнем ознакомление с музеем с Казанской башни. Выступающая вперед, эта башня поражает строгостью своих форм и необыкновенно большими размерами ворот. В ней четыре яруса, или этажа, причем ее второй и третий этажи сообщаются с крепостной стеной, которая уходит налево — к Вологодской башне и направо — к Московской.

Ворота сделаны из толстых дубовых бревен, обитых металлическими листами. Узкие ленты из металла, прикрепленные к дверям большими гвоздями с четырехугольными шляпками на них, образуют рисунок в виде ряда ромбов. Массивные створки дверей висят на железных петлях толщиною в четверть метра!

При строительстве Казанской башни был использован богатый опыт талантливых русских зодчих. Организация защиты ворот, являвшихся наиболее уязвимым пунктом этой могучей крепости, была продумана прекрасно.

Верхний ярус башни, соединяясь с крепостной стеной, позволял осуществлять переброску воинов и средств обороны. Из башенных бойниц смотрели некогда грозные жерла пушки и дула мушкетов.

В случае разрушения нападающими тяжелых ворот, из второго яруса башни спускалась тяжелая железная решетка. Мало того, через отверстия в сводах ворот можно было обливать врагов кипящей смолой и засыпать весь проход песком и камнями. Вдоль всей стены — от Вологодской до Московской башни — шел глубокий, наполненный водой ров, следы которого различимы до сих пор. Некоторые историки предполагают, что через этот

ров опускался и поднимался на цепях бревенчатый, окованый железом мост.

Мы проходим под тяжелыми сводами Казанской башни и попадаем в век XVII — на территорию Нового города.

Перед нами уходит вдаль широкая аллея из вековых берез толщиною в несколько обхватов каждая. Ряды деревьев, окаймляющие широкую дорогу, ограниченную по сторонам невысокой каменной стеной, тянутся почти на двести метров к Святым воротам, которые ведут на территорию Старого города.

Святые ворота и надвратная церковь Иоанна Лествичника

деревьев, окаймляющие широкую дорогу, ограниченную по сторонам невысокой каменной стеной, тянутся почти на двести метров к Святым воротам, которые ведут на территорию Старого города.

Надвратная церковь Иоанна Лествичника, созданная неизвестным зодчим на средства Ивана Грозного, сохранила почти полностью свой первоначальный вид. На барабане ее главы отчетливо различим затейливый орнамент. Продолговатые окна церкви украшены красными наличниками и увенчаны кокошниками.

Внутреннее убранство церкви, за исключением царских врат, отличается суровой простотой, характерной для церквей XVI столетия. Приделы церкви — Иоанна Лествичника и Феодора Стратилата, «посвящены», очевидно, сыновьям Грозного — Ивану и Федору.

С правой стороны от входа в Святые ворота расположено высокое здание Казначейства, или Казны, в которой хранились накопленные монахами-стяжателями несметные монастырские богатства, а в неспокойные годы — и ценности Российского государства. Ряд слюдяных окон, обрамленных красноватыми наличниками, расположен на высоте второго этажа. В настоящее время в этом помещении хранятся древние иконы и богатая библиотека.

Святые ворота расписаны были в царствование царя Федора Ивановича старцем Александром с его учениками Емельяном и Никитою. Это так называемая фресковая живопись. К сожалению, произведения старца Александра неоднократно подновлялись, утратив первоначальный вид, восстановить который возможно только путем сложной реставрации.

С внутренней стороны, обращенной в Старый город, Святые ворота имеют чрезвычайно привлекательный вид. Красноватые и белые блики украшений на блекло-желтом фоне наряду с синеватыми от теней пролетами ворог создают гармоническое сочетание красок. Однако картина, которая развертывается перед зрителем в центральной части бывшего монастыря, не менее живописна...

Давайте присядем на лавочку среди огромного цветника, раскинувшегося перед зданием бывшей резиденции главы Кирилло-Белозерского монастыря — ее архимандрита или игумена. Ныне в этом здании помещается школа глухонемых детей, собранных сюда со всего Севера страны.

Мы находимся сейчас в самом центре Старого города, на территории бывшего Успенского монастыря. Следует сказать, что Кирилло-Белозерский монастырь делится на две части: Успенский, называемый так по имени центрального храма — Успенского, и Ивановский Горний, который мы осмотрим позднее...

Успенский собор находится прямо перед нами, выделяясь своими алыми стенами среди других храмов. Почти рядом с ним, за узким проездом, высится колокольня, а справа от колокольни расположена церковь архангела Гавриила. Еще правее виднеется белоснежное здание Введенского собора, который точнее можно назвать трапезной церковью, а не собором. Трапезная соединена крытым «воздушным» ходом с бывшими покоями архимандрита. Во Введенском соборе, в залах его второго этажа, размещены экспозиции Кирилловского историко-художественного музея.

Успенский собор построен в конце XV века зодчим Прохором Ростовским с двадцатью каменщиками. Кладка стен продолжалась всего лишь пять месяцев. Этот срок можно считать рекордным, учитывая примитивность тогдашней строительной техники. Собор не сохранил полностью своих архитектурных форм, так как позднее уже другим зодчим, старцем Ширшовым, пристроены были паперти, одна из которых, примыкающая с запада, сохранилась.

Внутренний вид четырехстолпного храма представляет собою большой интерес для лиц, изучающих старинную архитектуру, живопись, иконы, церковную утварь. В частности, следует обратить внимание на фрески замечательного изографа Любима Агеева, написанные им в сороковых годах XVII столетия. О высоком мастерстве Агева говорит тот факт, что позднее (в 1642 году) он принимал участие в росписи Успенского собора в Московском Кремле. «Знатоки» живописи времен Николая I не

Схема сгребий быв. Кирилло-Белозерского монастыря

○□ — башни.

— стены.

— храмы

и другие постройки.

— стены

в настоящее время разрушившиеся.

1 — Святые ворота. 2 — Водяные ворота. 3 — Наугольная башня. 4 — Святочная, или Веселая, башня. 5 — церковь Надвратная (Преображения) и Преображенские ворота. 6, 7 и 8 — башни Хлебная, Поваренная и Мережная. 9 — следы Грановитой башни. 10 — Успенский собор. 11 — церковь Кирилла. 12 и 13 — церкви Владимира и Елифания. 14 — церковь Евфимия. 15 — Введенский собор. 16 и 17 — церкви Гавриила и колокольня. 18 — настоящий корпус. 19 и 20 — быв. монашеские кельи. 21 — Большая больничная палата. 22 — быв. Духовное училище. 23 — хлебня и квасоварня. 24 — Арсенал (Оружейная палата). 25 — церковь Иоанна Предтечи. 26 — церковь Сергия Радонежского. 27 — Малая больничная палата. 28 — Котельная башня. 29 — келья и часовня Кирилла. 30 и 31 — следы некогда существовавших стен Острога. 32 — Белозерская башня. 33 — Карадульская, или Косая, башня. 34 — Московская башня. 35 — Казанская башня и ворота. 36 — Вологодская башня. 37 — Кузнецкая башня.

поняли ценности этих фресок, покрытых по их распоряжению грубейшей масляной живописью. Расчищенные и освобожденные от росписи, фрески частично предстают сейчас перед советским зрителем.

Интересно отметить, что именно в этом храме находились иконы «Смоленской божьей матери», «Успения» и другие, работы замечательного русского художника Андрея Рублева. Эти величайшие ценности национального искусства хранятся сейчас в Москве, в Государственной Третьяковской галерее.

Осмотривая украшения храма, не пройдите мимо прекрасных по выполнению царских врат, созданных, как об этом свидетельствует гравированная вязью надпись, «...повелением великого государя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца и его благоверной царицы и великой княгини Евдокии Лукьяновны... в лето 7153» (1642 г.). Эти врата являются редчайшим образцом художественной чеканной работы по серебру.

Осмотрев собор, взгляните вверх, и вы увидите довольно крупные отверстия у основания барабана главы храма. Это так называемые голосники, усиливающие резонанс храма.

Северную часть замечательного по архитектуре Успенского собора закрывают две церкви — Владимира и Епифания, поставленные первая — в 1554, и вторая — в 1645 году.

Прочтем несколько строчек истории, косвенно связанных с последующим появлением рядом с Успенским собором еще одной церкви. Царь Иван Грозный, как известно игравший огромную роль в жизни Кирилло-Белозерского монастыря, узнав о построении церкви Владимира, обратился к монахам с желчным посланием: «А вы се над Воротынским церковь есть поставили! Ино над Воротынским церковь, а над чудотворцем нет; Воротынский в церкви, а чудотворец за церковью».

Монахи, трепетавшие перед грозным властелином, в 1585 году поспешили воздвигли церковь над могилой основателя монастыря Кирилла. Впрочем, это была не отдельная церковь, а всего лишь придел к южной части Успенского собора, который разрушился в XVII столетии. Сейчас на его месте мы видим уже новую церковь, построенную в 1780 году.

Рядом с храмом Кирилла, отделенный от него лишь узким проездом, стоит храм Архангела Гавриила, построенный на средства великого князя Василия Ивановича III. Огромное здание этой церкви кажется еще больше, благодаря чрезвычайно малым размерам четырех рядов ее окон, резко контрастирующих с непомерно большими проемами самой звонницы. На верхнем, пятом, этаже колокольни висели ранее 17 колоколов, из которых наиболее крупным был колокол с оригинальным названием «Мотор». Этот колокол, весивший около 1200 пудов, был отлит здесь в мона-

Колокольня.

стые московским мастером Иваном Гавриловым. Бас тона «до» был слышен на двадцать верст в окружности.

Под колокольней существует сводчатый проход, через который можно видеть кусок крепостной стены Старого города с надвратным храмом Преображения, построенным над воротами того же названия, ведущими к Сиверскому озеру.

И еще один храм, не считая Введенского собора, находится на территории Успенского монастыря — небольшая церковка с высокой остроконечной шатровой крышей и собственной миниатюрной звонницей псковской школы зодчества, построенная в 1653 году. Этот памятник архитектуры, так характерный для пейзажа древней Руси, очень хорошо сохранился. Внутренний же вид церкви с ее позднейшего происхождения иконостасом художественного и исторического интереса не представляет.

СТРАНИЧКИ ИСТОРИИ

ЗАКОНЧИВ осмотр бывшего Успенского монастыря, направимся на территорию монастыря Ивановского. Путь туда пролегает между большим цветником и плодовым садом, разбитым кирилловским «Мичуриным» — Петром Ивановичем Архиповым, и зданием, в котором ранее помещались монашеские кельи и духовное училище.

Мы проходим ворота в стене Старого города и сразу же попадаем в царство зелени. Перед зрителем возникает высокий, ярко освещенный холм с огромными, в несколько обхватов, деревьями. Сквозь кроны деревьев видны стоящие на горе (отсюда и название «Горний») храмы Иоанна Предтечи и Сергия Радонежского. Оба эти храма заинтересуют посетителей Кирилловского музея не только своей оригинальной архитектурой, но и связанными с ними историческими событиями.

По мостику переходим через Свирягу и, оставив справа Водяные ворота, ведущие на Сиверское озеро, по аллее из вековых деревьев поднимаемся на гору.

На вершине холма, неподалеку от нас, видна часовня. Это, как повествует созданная монахами легенда, первый храм-часовня будущего Кирилло-Белозерского монастыря, построенная якобы самим Кириллом¹⁾.

Именно сюда, к горе, пришел в 1397 году из Москвы гостидесятилетний инок Симонова монастыря Кирилл якобы в поисках тишины и уединения. Вместе с ним тут же обосновался и его друг, монах того же монастыря Ферапонт. Оба они происходили из знатных родов, близких к великому князю Дмитрию Донскому. Поэтому уже в первые годы существования монастыря они получали неиственную помощь от белозерского князя Андрея (сына Дмитрия Донского).

В 1398 году Ферапонт покинул Кирилла и поселился из горы Соколиной (Цыпиной), на берегу Бородавского озера (в 20 верстах от Сиверского), где основал свой монастырь.

Помощь великих князей, а в дальнейшем и царей московских, выражавшаяся в дарении новых вотчин, способствовала быстрому обогащению монастыря.

В пятидцати «потрицах» (верстах) от нынешнего Кириллова позднее жил другой монах — Нил Сорский. Лоропю образованный, выходец из боярской семьи Майковых, он много повидал, побывал даже в далеком Царьграде (Константинополе).

Нил Сорский, по мнению историков, был «крупнейшим писателем и мыслителем XV века». Он был ярым противником собирания земель и крепостных под монастыри и использования чужого труда.

¹⁾ Историк Н. Никольский («Кирилло-Белозерский монастырь...» 116. 1891 г.) более справедливо называет эту часовню избой, в которой жил первое время основатель монастыря.

Всинствующие церковники, возглавляемые Иосифом Волоцким (а поэтому именовавшиеся «иосифлянами»), защищали противоположную точку зрения.

Партия стяжателей резко осудила взгляды Нила Сорского на Московском Соборе 1503 года. Община, основанная им, была очень бедной. Иной была судьба Кирилло-Белозерского монастыря.

Политика стяжательства, начатая при первом игумене Кирилло-Белозерского монастыря, развивалась с успехом и последующими игуменами. Если в дни смерти Кирилла монастырь имел 2 села, 13 деревень, а также «пустоши, наволоки, нивы, пожни и другие землицы», то уже в 1607 году в его собственности состояло «11 сел больших и маленьких («селец»), 607 деревень, 320 пустошей».

Расширению земель монастырских, с последующим закабалением крестьян, способствовало дарение их монастырю крупными феодалами в лице великих князей, царей и бояр. Великие князья и цари содействовали также обогащению монастыря, внося огромные по тем временам вклады. Самым щедрым вкладчиком был царь Иван Грозный, пожертвовавший монастырю 28201 рубль¹⁾.

Назначение этих средств становится ясным из краткой записи в монастырских «Кормовых книгах» за 1583 год: «В субботу сыропутную, опальных, избиенных, потопленных и сожженных с жены, чады и домочадца поминать. А имена их вписаны в Синодике. Панихиды поют соборяне». Добавим, что этот страшный «Синодик» был составлен самим Грозным...

Ширились и росли доходы монастырские, росло количество крепостных крестьян, представлявших собою почти бесплатную рабочую силу. В конце XVI столетия мо-

¹⁾ Всего же поступило в монастырь за эти годы около 140000 рублей на деньги XVI столетия.

настырь владел 20000 десятин только пашотной земли (не считая лесов и лугов). В середине XVIII столетия число крепостных крестьян достигло 21590 человек¹). Не брезгую никакими способами стяжания, Кирилло-Белозерский монастырь окончательно превратился в учреждение торгово-промышленное и ростовщическое. Разными путями монастыри захватывали крестьянские земли. Крестьяне стойко боролись за свои земли, иногда сгоняли старцев с земли, избивали лиц монастырской вотчинной администрации... Попытки крестьян судиться с монастырем не приводили ни к чему, так как классовый феодальный суд почти всегда поддерживал сторону монастыря. Крестьяне жаловались, что монахи «дают посулы судьям» и «волочат» истцов по судам.

В результате многие крестьяне бросали родные места и уходили, куда глаза глядят. К концу XVII века, по свидетельству А. И. Копанева, монастырские вотчины покинуло более четверти их населения.

Обо всем этом мы вспоминаем во время отдыха на озере, где расположен Горний Ивановский монастырь. Среди сочной травы голубеют островки незабудок, кроны вековых лип закрывают небо, ветер доносит аромат цветущего в округе шиповника.

Кругом — тишина. И снова ожидают странички истории, на этот раз связанные с постройкой храма Иоанна Предтечи, видимого сквозь густую листву кустов сирени...

В 1529 году по Вологодской дороге двигалась вереница возков, окруженная всадниками — окольничими. В переднем, ялом возке с черными гербами на дверцах, находились великий князь Василий III с новой супругой своей Еленой. Властитель Руси Московской направлялся в Кириллово-Белозерскую обитель на богомолье — по-

¹) Г. Антипин. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря, Епифанский музей. 1934 г.

молиться вместе с благочестивыми иноками о разрешении его супруги от бесчадия. Бог «услышал» жаркую молитву, и в следующем году у великокняжеской супруги родился сын — будущий царь Иван Грозный. В знак благодарности за рождение сына великий князь подарил монастырю огромную сумму денег и построил на свои средства две церкви.

Подобно своему отцу и деду, царь Иван Грозный уделял монастырю большое внимание. Семнадцатилетним юношей появился он впервые в стенах монастырских, а под старость намеревался даже дожить здесь свой век.

Царь Иван вторично посетил монастырь в 1553 году после взятия им Казани. Он прибыл сюда с супругой Анастасией, братом Юрием и любимцем своим — предполагаемым наследником престола — младенцем Дмитрием. Если верить легенде, то именно здесь и потерял царь своего любимца...

На богато разукрашенном струге катался властелин по Сиверскому озеру. Песенники и гудошники славили победителя Казани, и весел был царь. Нравилось ему здесь... А у самого берега, в тихой заводи у Водяных ворот, скользила лодка с одним гребцом. На ее корме сидела толстая мамка-боярыня в кике и душегрейке. К груди она прижимала младенца Митеньку.

Заметил их зоркий глаз властелина.

— Эй, ко мне, — зычно окликнул их царь Иван, и испуганный гребец, спеша, заплескал веслами, выгребая в озеро.

Вот уже лодочка колышется на волнах у борта царского струга. Царь в нетерпении протягивает руки... А мамка встала на зыбкой лодочке, подает ему младенца... Набежал вал, и выронила неуклюжая толстуха Митеньку. Камнем в воду пошел нареченный наследник престола...

Три дня гневно расправлялся царь со всеми, кто на глаза ему попадал. Три дня ныряли под воду пловцы, шарили по дну бреднями, да разве достанешь: глубина-то в озере больше двадцати сажен...

Такова легенда о гибели в Сиверском озере сына Ивана Грозного, легенда несколько отличная от другой — песенной. В последней сообщается о том, что якобы младенец Дмитрий умер во время обратной дороги царя в Москву...

В третий раз был Грозный в монастыре в 1569 году. На этот раз — с новой супругой и царевичами Иваном и Федором. Как и в прошлые приезды, царь подарил монастырю огромную сумму денег, а царица преподнесла в дар монастырю изумительную по сочетанию красок художественную пелену с изображением Кирилла. Эту пелену можно видеть в одной из экспозиций музея. Там же можно прочесть и известное послание Грозного Кирилло-Белозерскому монастырю, названное столь тонким знатоком русского языка, каким был Буслаев, «одним из лучших литературных произведений эпохи».

Послание Грозного имеет свою историю...

В глазах «черных людей» — крестьянства царь Иван Грозный был народным героем — покорителем Казани, прекратившим навсегда набеги «злых татаровей». Крестьяне знали, что самодержец всея Руси не жалует бояр и круто расправляется с ними. И не зря трепетали бояре перед царем. Многие из них, подвергнувшись гневу Грозного, насищенно постригались в монастырях. Более предусмотрительные добровольно принимали «постриг». Монашеское звание зачастую избавляло их от суворой кары, неизбежной для мирян.

Перед постригом монахи делали крупные денежные вклады. Это содействовало не только обогащению монастыря, но в то же время и дальнейшему разложению монашеских нравов.

В дни «великой скудости», охватившей округ, когда крестьяне ели сено, березовую кору и даже мох, а на дорогах валялись трупы умерших от голода, монахи предавались чревоугодию.

Слухи о далеко не иноческом образе жизни монашеской достигли Москвы и даже самого Грозного царя. Об этом узнал игумен Кирилло-Белозерского монастыря Кузьма. Желая предотвратить царский гнев, хитрый дипломат от имени братии обратился к царю с лицемерно-смиренной просьбой «наставить» монахов в праведной жизни.

Ответное послание Ивана Грозного считается по своему стилю ярким образцом тогдашней литературной речи. С тонкой иронией и беспощадным сарказмом бичует царь лицемерие и знатных иноков, и рядовых монахов: «Не бояре у вас постриглись, а вы у них; не вы им учителя и законослужители — они вам. Да, Шереметьева устав добр — держите его; а Кириллов устав не добр — оставьте его... Теперь у вас Шереметьев сидит в келье, что царь, а Хабаров приходит, да и иные чернецы, едят и пьют, что в миру...»

Вернемся, однако, в наше время и осмотрим в Ивановском монастыре храмы Иоанна Предтечи и Сергия Радонежского. Тропинка к ним идет мимо часовни с деревянным крестом, поставленным якобы основателем монастыря Кириллом и его другом Ферапонтом. Крест весь изгрызен, но кем?.. Оказывается, местные жители в давние времена, грызя этот крест, лечили свои зубы...

Храм Иоанна Предтечи, горящий оранжевым пламенем в ярких солнечных лучах, благодаря желтовато-белым вертикальным полосам, так украшающим его, кажется еще более высоким. Это двухстолпный храм с квадратными пилонами, с глубоким, уходящим в высоту барабаном. Иконостас и иконы значительно позднейшего происхождения.

Несколько ниже и справа от этой церкви, на самом склоне холма, расположен храм Сергия Радонежского; он состоит из двух частей — трапезной для монахов и небольшой церкви с приделом Дионисия Глушицкого — иконописца, бывшего монаха Кирилло-Белозерского монастыря. Их мы осмотрим позднее, а сейчас направимся к монастырской тюрьме...

В ТЮРЬМЕ МОНАСТЫРСКОЙ

ТЮРЬМА Кирилло-Белозерского монастыря расположена за хозяйственным двором, между башнями Каурульной и Белозерской. Это мрачное сооружение является памятником той эпохи, «когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы... преследовавшие за веру или за неверие, насиловавшие совесть человека»¹⁾.

Перед нами — приземистое здание, словно вдавленное в греческую монастырскую землю. В толстых стенах тюремных видны забранные тяжелыми железными решетками окна, почти не пропускавшие света. Внутри, под низкими каменными сводами, — тесные камеры для заключенных. В стены, носящие следы копоти и грязи, ввинчены железные кольца — орудие пыток...

Сколько тяжелых драм, безысходного человеческого отчаяния связано с этим зданием, наличие которого характерно для русских монастырей. В тюрьме томились — и многие из них «до скончания века» — «крамольники, занимающиеся волшебством, хулители престола и церкви, в вере сомневающиеся или верующие иначе...»

«... И бросили его в темницу, — читаем мы в страшной рукописи тех лет, — темницу тесну и удавну, и посадили на чап... И сидят там другие раскольники...»

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 67.

А вот еще отрывок, который больно читать и сейчас, несколько столетий спустя:

«... И бьют их шелепами нещадно, а ребенок ихний отнят и умерщвлен приставом со товарищами, чтобы не спасся из заточения...»

Приведенные строки не говорят, а кричат, свидетельствуя и поныне о монастырских извергах, мучивших многострадальный русский народ.

В тюрьме сидели и попы-расстриги, и привезенный сюда молодым неизвестный боярин, заподозренный в «волшебстве», и солдат петровских времен, и неведомый «возмутитель» — крестьянин волокославинский, поднявший «мир» на монахов, и «секретный совершиенно» арестант екатерининских времен, выбывший «неизвестно куда», и многие другие, умершие здесь безымянными.

Тюрьма помещалась в восемнадцати казематах нижнего яруса северного прясла крепостной стены. Ее начальником был сам игумен, а роль тюремщиков выполняли монахи.

Особо важными преступниками считались обвиненные в волшебстве — в занятиях науками — делом страшным в глазах монахов всего мира, ибо наука подрывала устои веры в бога. Церковь всегда боролась с наукой... Сурово расправлялась она и с людьми неверующими или «верующими иначе».

В пятидесятых годах XVII столетия в тюрьме Кирилло-Белозерского монастыря содержался присланный из Москвы князь Хворостинин. Ему предъявлено было обвинение в том, что он «в вере сомневается». Приставленный к Хворостинину «вероучитель» читал ему ежедневно келейные правила. Через год после заключения «преступник» признался в своей вине, и ему прислан был из Москвы «вероучительный свиток». «По тому свитку Хворостинин был в вере истязан» и с него «взята была запись» строго держаться учения церкви. Желая спас-

тись от дальнейших преследований, Хворостинин постригся в монахи...

В одном из казематов прикованным в стене томился вольный казак Оленин, а в соседнем с ним — «за слова и дела против царя» — посадский человек Аника Грошников.

Далее находились «немцы Локмин и Матюшка», а также присланный из Москвы некий Мишка Иванов, обвиненный в чародействе. Не щадила церковь и сомневающихся в вероучении служителей своих, расправлялась с ними жестоко.

Мало кто выдерживал суровый, даже зверский тюремный режим. Монахи жаловались однажды, что некий Алипий, присланный сюда в 1741 году «Святейшим синодом», в умे тронулся и допрос «ни в какой силе с него взять невозможно за невозможным ума состоянием».

С тридцатых годов XVII столетия в монастырской тюрьме стали появляться солдаты, например, Софронов и Бархатов, присланные сюда за непристойные слова под «крепким караулом несходно до кончины живота их».

Сидели в тюремных стенах и люди, которых еще при жизни лишили имен. Так, в 1728 году сюда привели из Петропавловской крепости, как смутно упоминается в реестре, «двоих неизвестных».

Существовала эта тюрьма и в XIX столетии. В 1856 году в каменном мешке ее содержался первый политический ссыльный Миневич, посаженный «за возмущение крестьян против правительства». И, наконец, последним арестантом в бесконечном монастырском «реестре» значился привезенный сюда в 1867 году из Шлиссельбурга секретный арестант, виновный «в сочинении бумаг возмутительного содержания». В 1871 году он якобы был из тюрьмы «неизвестно куда»...

Такова почти двухсотлетняя позорная тюремная деятельность «святых» отцов, тщательно скрываемая ими,

скудно освещенная в «трудах» благочестивых историков Кирилло-Белозерского монастыря.

...Заглянем, читатель, еще раз в темную каменную клетку с низкими сводами и толстыми глухими стенами и вспомним веющие ужасом страшные слова: «... а ребенок ихний отнят и умерщвлен приставом со товарищи...» И проникнемся чувством гнева к прошлому, чтобы еще ярче ощутить наше прекрасное сегодня...

Голубое небо простерлось над страной озер, над селами и деревнями, живущими новой жизнью, так не-похожей на прежнюю. Оно сияет над Кирилловом, над бывшим монастырем, над его центральной площадью...

СТЕНЫ СТАРОГО ГОРОДА

ПЕРВОЕ описание стен Старого города мы находим в «Описи» монастыря, произведенной по приказу Бориса Годунова в 1601 году. Дьяки Василий Нелюбов и Михаил Молчанов, делавшие опись, глухо упоминают о времени их постройки, как о не особо давнем. Можно заключить поэтому, что стены Старого города построены в конце XVI столетия.

Начнем их осмотр от Кузнецкой башни (см. стр. 17), построенной в XVII столетии на месте разрушенной башни Старого города — Угловой. Четырехугольная в плане, высотой около десяти метров, с 24 окнами по сторонам, она имела два этажа. В первом помещалась отапливавшаяся келья. В ней жил старец, «которому приказано было кузнечное дело». Здесь же в помещении, примыкавшем к башне, находилась кузница.

Старая крепостная стена, значительно более низкая, нежели новая, шла с юга на север и в том месте, где кончается Ивановское кладбище, поворачивала на запад. Она существует и сейчас. Не доходя до речки Свириги, старая стена смыкалась со стенами интереснейшего кре-

постного сооружения — Острога, сооруженного незадолго до осады монастыря. Это был «стоялый острог», то есть пежилая крепость, рассчитанная только на временную стоянку в ней войск. В настоящее время от Острога и всех его башен остались только следы фундаментов.

Далее почти разрушенная ныне стена доходила до длинного здания монашеских келий, соединявшихся со Святыми воротами. Там, где стены ограничивают Ивановский монастырь, они сохранились плохо, испещрены трещинами, изрезавшими ее, словно морщины. И неудивительно — им уже четыреста лет! Они покосились и подперты каменными, а кое-где и деревянными контрфорсами. Не верится, что эти ветхие стены в течение почти пяти лет принимали на себя свирепые удары врагов.

Пойдем по берегу озера, укрепленному на линии воды огромными валунами. Первая на нашем пути — Когельная башня. Рядом с ней расположено прижавшееся к стене здание воскобойни. Быть может, поэтому и называется иногда эта башня Воскобойной. Размеры ее невелики: при высоте около 10 метров ее стороны, выступающие наружу, равны 8—8,5 метра.

Отсюда до Наугольной башни (ныне разрушенной) идет такая же стена, а далее, к башне Свиточной, более высокая — двухъярусная, с ходом на втором ярусе. Эта стена возведена позднее, вероятно в конце XVIII столетия.

Свиточная башня — самая большая из всех других башен Старого города. Она стоит на мысу, вдающемся в Сиверское озеро, на оживленном и живописном месте. Высота этой квадратной башни около 15 метров. В нижнем этаже ее некогда жили служки монастырские, которые стирали здесь монашеские «свитки» (белье). Отсюда и древнее название башни — Свиточная. Над первым этажом возвышались еще четыре, соединенные друг с другом деревянными лестницами. В стенах были проре-

заны шестьдесят бойниц, из которых многие ныне заложены. На этой башне стояли ранее две пушки.

Далее стена поворачивает на запад по направлению к Преображенским воротам, вид которых значительно искажен многочисленными починками и поправками. Над воротами расположена надвратная Преображенская церковь. Почти сразу же за этими воротами выступает из стены небольшая башня, именуемая Хлебной. Она была предназначена, очевидно, только целям хозяйственным.

В 65 метрах от башни Хлебной расположена Поваренная башня, очень похожая на свою сестру. Второй этаж ее был рассчитан исключительно для обороны монастыря.

И, наконец, угловой башней, завершающей на севере стену, являлась Малая Мережная башня, ныне полностью разрушенная. Как свидетельствует и само название, в ней хранились, очевидно, «мережи» — сети, которыми монастырские рыбаки ловили рыбу в Сиверском, Долгом и Лунском озерах. Отметим, что верхний ярус крепостной стены от Свиточной до Малой Мережной башни имел ход, сообщавшийся со всеми башнями.

От места, где стояла Малая Мережная башня, крепостная стена круто поворачивает на север к также не существующей ныне Грановитой, или Часовой башне. На этой башне восьмигранной формы и высотой в 17 метров в старое время стояли часы. Ныне от нее остались видными только три ее грани высотой до трех метров. В той части стены, которая примыкает к Малой Мережной башне, расположены Троицкие ворота — вход на огромный хозяйственный двор Успенского монастыря с северной стороны.

Здесь, на хозяйственном дворе, стоит ныне полуразрушенное здание со следами красивых наличников на уцелевших окнах. Долгое время оно было загадкой для археологов знавших о существовании в монастыре Ору-

«Городки» крепостной стены и Вологодская башня.

жейной палаты, но сомневавшихся в том, что такое здание могло находиться в этом месте.

Сомнения разрешила археологическая экспедиция Ленинградского артиллерийского музея, работавшая в музее в 1953 году. Как пишет начальник экспедиции, «местоположение палаты было найдено». Оружейная палата находится именно здесь...¹⁾.

На этом мы заканчиваем ознакомление со стенами древней крепости, выдержавшей в 1608—1613 годах грозное боевое испытание. Эти годы назывались историками Руси «смутным временем», «лихолетьем».

На севере России появились шведы, а вслед за ними

¹⁾ Во время предварительных раскопок в этом здании обнаружены были части различного огнестрельного и холодного оружия.

и шайки польско-литовских интервентов. Иностранных грабителей влекли сюда не только обширные территории, но и богатства русского Севера. В монастырях Северной Руси: Кирилло-Белозерском, Никольско-Карельском, Ферапонтовском, в городах Вологде, Ярославле, Белозерске, Устюжне и других были сосредоточены богатые ценности и продовольственные запасы.

Помимо ценностей, имевшихся в «казне» Кирилло-Белозерского монастыря, только в его житницах одного зерна было запасено в 1608 году до 40000 мер. Сотни тысяч пудов весьма дорогой в те годы соли, хранившейся в монастыре, также явились привлекательной добычей.

Летом 1612 года вражеские шайки подошли с Уломской дороги и захватили расположенную вне крепости стен Монастырскую слободу. Действующие вразброда, они неоднократно пытались овладеть монастырем, но это им не удавалось. Между тем с юга, от Москвы, продолжали отступать разбитые там войска польско-литовских интервентов. Один из крупных вражеских отрядов, уже разоривший Вологду, направился на зиму 1612—1613 годов в Белозерский уезд. Мысль о богатствах, сосредоточенных в монастыре, разжигала страсти грабителей.

Объединив свои силы в большой отряд, враги в начале декабря 1612 года осадили монастырские стены. Глаувари отряда, некие братья Песоцкие и полковник Бобовский, в ночь на 11 декабря повели наступление с Сиверского озера.

Зашитники крепости хорошо организовали оборону. Под стенами крепости был набросан «чеснок» — металлические колючки, замаскированные сеном. Колючки эти впивались сквозь обувь и одежду, мешали продвижению нападавших грабителей. Вдоль берега озера был вырублен лед, и перед наступавшими с этой стороны оказалась широкая водная полоса. Но враги забрасывали воду со-

ломенными матами, досками, пока мороз не сковал ее льдом.

Нападавшие пускали «нарядные огненные стрелы», пытаясь поджечь монастырские строения, подкладывали под стены щиты из горящей соломы, карабкались по лестницам вверх. Но крепко обороняли северную крепость и служилые люди, и дети боярские, и молодые монахи. Женщины и старики из окрестных сел, спасающиеся в монастыре, подносили камни, кипятили воду и варили смолу в «осадных котлах». Этой смолой защитники крепости обливали врагов, карабкавшихся по лестницам.

Сотни ляхов, пораженные пушечно-ружейным огнем и камнями, полегли на снегу под стенами монастырскими; с ними был убит метким выстрелом из пушки и предводитель отряда «пан» Бобовский.

Позорная неудача не смутила братьев Песоцких, и они повторили штурм. Однако и на этот раз враг встретил упорное и гибельное для них сопротивление. Мало того, защитники крепости перешли к нападению и, сделав ряд вылазок, потопили в водах озера и порубили во время сечи немало чужеземцев.

Церковь Евфимиия
(1653 год)
Фото А. К. Ведрова.

После ряда новых еще более безуспешных попыток овладеть монастырем грабители сняли осаду и двинулись на север...

Долго не могло востановить свое убогое хозяйство крестьянское население вотчин монастырских. Только в Волокославинском «ключе»¹⁾ население деревень и количество крестьянских дворов убыло более чем вдвое...

Шли годы, и казалось, что уже позабыты были памятью народной и татарское иго, и моровая язва, и разорение смутного времени. Но спокойно ли чувствовали себя и царь, и бояре? Не ожидали ли они грозы для себя изнутри или извне государства? Очевидно да, так как в середине XVII столетия — в 1648 году было решено построить в Кирилло-Белозерском монастыре новую крепость. Такую, равной которой не было на Руси!

ПАМЯТНИК ВЕЛИКОМУ ЗОДЧЕМУ

НЕБЫВАЛОЕ по широте и размаху строительство развернулось по-настоящему с весны 1653 года. Оно захватило собою не только округу, но и Москву. Сам тишийший царь Алексей Михайлович следил за постройкой Нового города.

Огромная строительная площадь, на которой торчали редкие трубы сожженной ляхами Монастырской слободы, была похожа на развороченный муравейник. К пристани монастырской то и дело приставали суда с железом, кирпичами и камнями. Камень-известняк ломали у горы Мауры и доставляли сюда не только на лошадях, но и водою из залива Царства²⁾. Кирпич большемер-

¹⁾ В целях удобства управления ими, монастырские вотчины были разделены на особые участки, называвшиеся «ключами». В начале XVII столетия самым крупным «ключом» был Волокославинский.

²⁾ Залив Царства — наиболее близкая к горе Мауре часть Сиверского озера.

ный¹⁾) везли тоже водою из-под самого Ярославля. Огромные конки, сплоченные из восьми- и десятивершковых бревен, прибывали сюда по цепи озер.

Утопая по колено в грязи, рыли землекопы глубокие канавы, в которые буде заложен фундамент для стен.

Тут же на берегу, на местах, где посушке, пильщики пилили бревна. Впервые применяли они продольные пилы. Бревно лежало на высоких, в рост человека, козлах. Один пильщик вверху, а второй, с тряпицей на лбу, защищавшей глаза от опилок,— внизу. Спорилась работа новой пилой. С визгом ходила она вверх и вниз...

Неподалеку от озера, там, где стояла уже сломанная Угловая башня, плотники-рубленики тешут, сглаживают бревна скобелями, сверлят в них какие-то отверстия.

Еще дальше, в кузнице, выковываются скобы, петли, крюки, скрепы, гвозди. Закопченные кузнецы в кожаных фартуках, с ремешками на лбу, придерживающими волосы, сверкая зубами и белками глаз, подпеваают в такт ударам и веселому звону металла. А железо в монастыре свое. Монастырские крестьяне руду копают близ Бора Иванова, что в пятнадцати поприщах (верстах) отсюда, в Надпорожском стане. Там же и монастырский « завод железный заведен».

За кузницей углежоги уголь жгут. Эти еще чернее, на чертей из преисподней смахивают. Еще дальше — там, где теперь стоит Московская башня (иначе называвшаяся Болотной), в зыбкую почву умельцы огромные бревна копром забивают. От призыва их разудалой песни отплевываются в сторону монахи.

Мужики дрова рубили,
Рукавицу позабыли...

¹⁾ «Большемерные» кирпичи имели следующие размеры: $31 \times 16 \times 9$ (современные нам равны: $25 \times 12 \times 6,5$).

А там, где теперь возвышается Вологодская башня, наваливают в огромную яму сотни возов камня, привозимого и даже приносимого сюда со всей округи. Еще до начала строительства на ярмарках и торжках кричали бирючи, чтобы каждый путник, идущий мимо монастыря, хотя бы один камень настройку принес.

А на прясле от теперешней Кузнечной башни до Вологодской уже идет кладка. На втором ярусе работают каменщики, а выдумщики из артели подъемщиков «журавль деревянный» выдумали. Легко — не на своих загорбках — поднимают они этим «журавлем» и тяжелые каменные плиты, и кирпич, и бадьи с раствором...

Много людей погибло на стройке. Каждый день из монастырской больницы покойников вывозили. Одни умирали от лихорадки, другие — от горячки.

И все же с каждым днем и каждым годом вырастали стены, невиданные ранее на Руси!..

Но пока многое из задуманного неведомым зодчим не было осуществлено. Надо было построить четыре небывалых по размерам научольных и две других башни. Надо было соединить их высокой, широкой и мощной стенной с сотнями «городков» в ней, а длиною около verstы!..

Кому же принадлежал архитектурный замысел крепости Нового города? Кто был этот выдающийся зодчий своей эпохи?

«Книга городового дела» не дает на этот вопрос точного ответа.

Новая крепость Северной Руси завершена была постройкой только в 1679 году. В ее очертаниях отражена суровость и душевная красота обитателей Озernого края, строивших ее...

Сейчас, читатель, мы осмотрим эту крепость, совершив прогулку по ее многоярусным стенам.

Впечатление величия и красоты, возникающее при

взгляде на древнюю крепость с самолета или парохода, еще более усиливается во время прогулки по крепостным стенам.

По огромному полю, заросшему высокой травой, мы направляемся к Вологодской башне, чтобы из этого пункта начать осмотр стен Нового города. Перед нами высятся трехъярусные стены с отдельными в них «городками» (так называют их в народе). Высота стен достигает двенадцати с лишним метров, но башни, в которых смыкаются стены, куда выше (см. фото на стр. 33).

Мы у подножия Вологодской башни, перед входом в первый ее ярус — полуподвал, служивший некогда для хранения боеприпасов и для ведения (через заделанные ныне отверстия) прямого, или «подошвенного», боя по врагам.

По каменной лестнице поднимаемся на второй ярус, состоящий из сотен «городков», открытых полукруглыми арками внутрь крепостной территории. Длина галереи этого яруса, простирающейся от Вологодской к Кузнецкой башне, без малого двести метров.

А расстояние по направлению к башне Московской еще больше — почти триста метров. Но стена не заканчивается у этой башни. Поворачивая на запад, уходит она к Сиверскому озеру. Расстояние от Московской до Белозерской башни — это еще двести шесть метров.

Длина наружных стен крепости Старого города, с которыми мы уже познакомились ранее, равнялась 1246 метрам. Вместе со стенами Нового города протяжение крепостных стен увеличилось почти до двух километров (1956 метров¹).

Но поднимемся вот по этой деревянной лестнице на третий ярус стен... И здесь мы видим уходящую вдаль

¹) Для сравнения сообщаем, что окружность стен Новодевичьего монастыря в Москве равна 900 метрам.

галерею, еще более широкую, нежели на втором ярусе. «Городки», уже с четырехугольными арками, уходят в перспективу.

Ширина между стенами третьего яруса — его перекрытия шире второго яруса. Здесь свободно могут проехать две легковые машины, не задев друг друга при встрече¹⁾.

А теперь познакомимся с ближайшей к нам — Вологодской башней, вынесенной на три четверти своей окружности из очертаний стены (см. план — стр. 17). Это сделано было с целью обеспечения хороших условий для ведения флангового боя.

Спустимся к подошве башни и войдем в нее через узкую дверь. Несмотря на отсутствие больших окон, внутри башни достаточно светло. Свет проникает сюда через бесчисленные отверстия в стенах башни — «печуры». По средине башни возвышается каменный пустой внутри столб, завершающийся вверху «смотрильней» — сторожевой вышкой. Из окошек смотрильни можно было следить за всеми передвижениями врага. Даже среди густых лесов, окружавших крепость в те годы, враг мог быть обнаружен в 10—15 километрах от крепостных стен.

Толщина столба, являющегося основной опорой башни, немногим более пяти метров в диаметре. Мы входим через дверь в его средину и по деревянной лестнице поднимаемся на высоту башни.

Нас поражает тишина, царящая в столбе. Необычайно гулкий резонанс уносит ваши слова вниз и снова возвращает обратно... В одной из старых книг вычитал автор этих строк, что будто бы этот столб выполнял роль своеобразного «телефона». О приближении врага, заме-

1) Историк прошлого столетия И. Бриллиантов пишет в своей книге «Патриарх Никон» (СПб, 1899): «Галереи эти так широки, что по ним свободно можно было бы прокатиться на тройке лошадей».

ченного из смотрильни, сразу же становилось известно и в первом ярусе башни...

Из старых книг и рукописей, бережно хранящихся в библиотеке музея, можно узнать любопытные сведения о вооружении крепости. Так, например, из «Описи, учтеноной 1773 года декабря 1 числа», мы узнаем, что защитники крепости располагали множеством огнестрельного и холодного оружия. Одних карабинов — редких по бою и украшениям ружей — было в крепости 307, мушкетов 280, пистолетов 285, пищалей 354. Кроме того, на вооружении состояли протазаны, берендеры, дробовики, бердыши, топорки, луки и самострелы, рогатины и прочее оружие. Различного рода пушек — от гигантов (для тех лет), весивших более тонны, до самых небольших — было в крепости 80; из них 50 стояли на стенах и башнях.

Но продолжим нашу прогулку. Направимся к Московской башне.

Шаги гулко отдаются в перекрытиях городков третьего яруса. Отсюда, с высоты, мы любуемся видом чудесного ансамбля храмов, алыми и кремовыми бликами древних строений. Они мелькают сквозь зелень вековых деревьев.

Минуем уже знакомую нам Казанскую башню и, пройдя еще девяносто метров, достигаем самой высокой, семиэтажной Московской башни. Высота ее с крышей и шпилем равна 67 метрам. Она устроена так же, как и только что осмотренная нами Вологодская башня. Московская башня, называемая иногда в старых рукописях Болотной, имела на вооружении 25 пушек.

Отсюда, от Московской башни, стена под прямым углом поворачивает на запад. Приблизительно в 140 метрах в этом направлении находится Каравульная, или Косая, башня. Четырехугольная по форме, напоминающая по очертаниям Казанскую, эта башня несколько меньше ее. В XVII столетии здесь существовал въезд в монастырь

с Белозерской дороги. В этой башне находилось 7 пушек. Свое название она получила, вероятно, от караулен, расположенных с левой и правой сторон, у подножья стены.

Перекрытия крепостной стены Нового города на участке от Караульной башни до Белозерской (70 метров) кое-где полуразрушены; тем не менее, обходя провалы и опасные места, мы достигаем Троицких ворот. Неподалеку от них расположен конечный пункт стен Нового города — Белозерская башня.

Мы не будем осматривать эту башню, так как доступ к ней затруднен, а ее устройство, за исключением незначительных деталей, идентично всем другим башням.

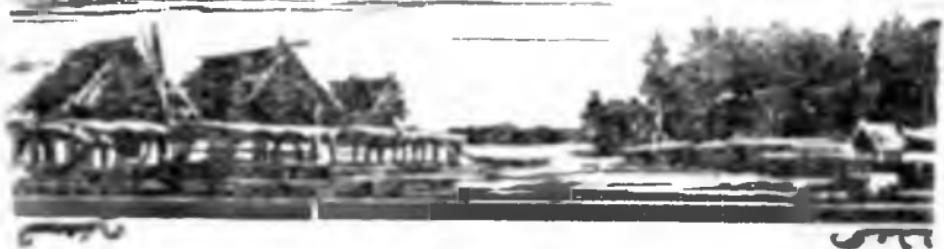
От Белозерской башни через хозяйственный двор возвращаемся к центру монастыря. Пройдя под деревянным переходом, ведущим из бывшего архиерейского корпуса в трапезную, выходим к паперти Введенского собора. На площади перед Успенским собором, украшенной цветниками и утопающей в зелени, людно и оживленно.

Художники — и учащаяся молодежь и седовласые мастера, — сидя на складных стульчиках или попросту на перенесенных откуда-то ящиках, вдохновенно работают. Изумительно прозрачный вечерний воздух позволяет видеть каждый блик, каждый оттенок цвета, тончайший рисунок натуры...

по Залам
музея

ПРОШЛОЕ СТРАНЫ ОЗЕР

ЕРЕД нами, словно приглашая войти, широко распахнуты двери. У входа табличка, извещающая о том, что музей открыт ежедневно с 9 утра до 6 вечера, а по четвергам — с 9 до 3 часов дня; выходной день — пятница. Именно в этом здании и размещены богатейшие экспозиции Историко-художественного музея.

Ранее на этом месте стояла деревянная церковь. Каменное здание было возведено в 1519 году.

Итак, мы входим в большое крыльце и по широкой лестнице поднимаемся во второй этаж. Справа и слева — фотографии; они иллюстрируют пункты рекомендуемого музеем туристского похода по интересным местам, расположенным вблизи от Кириллова. Тут же висит и карта местности с пунктами остановок и маршрутами пути.

Поднявшись на второй этаж, посетитель входит в вестибюль музея. В этом вестибюле обычно организуются очередные выставки, тематика которых меняется в зависимости от общих политических и хозяйственных задач, поставленных партией перед народом.

Мы перешагиваем через порог двери, ведущей в пер-

вый зал музея, и словно чудом переносимся на тысячи лет назад. Экспозиции этого зала посвящены истории края. И первое, что мы видим, — это предметы, найденные во время раскопок близ Стрелки на реке Перечной, при впадении ее в реку Модлону, а также на островке Сиверского озера. В этих пунктах существовали поселения еще за много веков до нашей эры. Наиболее «ранним» из них является поселение у деревни Погостище на реке Модлоне. Подобные поселения были открыты за последние годы и вокруг озер Лаче и Воже и на севере Белого озера, например на берегах впадающей в это озеро реки Водобы.

Поселение на Модлоне существовало в глубокой древности, по мнению ученых — несколько тысяч лет назад. Здесь было найдено в числе других предметов материальной культуры весло. Ученые считают, что оно «моложе» других найденных здесь предметов, так как ему всего лишь 3000 лет. Эта ценная находка экспедиции профессора А. Я. Брюсова, возглавляющего отдел полевых исследований Института истории материальной культуры Академии наук СССР, хранится в Москве. Но и здесь в Кирилловском музее демонстрируются немало предметов, доставленных с берегов реки Модлоны.

На витрине, расположенной у самого входа в зал, лежат каменные наконечники копий и стрел для охоты на зверей, костяные крючки, гарпуны и глиняные грузила для ловли рыбы. Здесь же расположены различные орудия — стамески из сланца, кремневые инструменты для работы над кожей и шкурами зверей, для резания по дереву, глиняная посуда — чашки, миски, причем некоторые из них имеют следы рисунков.

Во время раскопок, производившихся в слое торфа на глубине в полтора метра, впервые в СССР обнаружены свайные поселения, в которых жили 3—4 тысячи лет назад хозяева этих вещей. Хижины — жилища первых по-

селенцев страны озер покоились на сваях, вбитых в дно реки. Двускатные крыши жилищ были закрыты древесной корой, а пол состоял из уложенных в ряд бревен, пазы которых покрыты глиной. Стены жилищ сплетены из прутьев. В некоторых хижинах имелись очаги, иные с замысловатыми украшениями. Хижины поселка соединялись одна с другой мостками.

Около этих жилищ найдены были кучи рыбьих костей, чешуя различных рыб, а также кости лосей, медведей, бобров и некоторых других животных, исчезнувших в этих краях. О том, какие огромные звери водились в этом краю, можно судить по черепу и рогам быка, находящимся на одной из витрин. Этот череп был найден во время работ по углублению реки Шексны близ шлюза Деревеньки.

На месте подобных поселений найдены и первые художественные произведения. Эти бусы из камня вызывают у нас улыбку, но они казались верхом изящества модницам, жившим тысячелетия назад. Во всяком случае они свидетельствуют о древнем стремлении человека к красоте. Огромным шагом вперед в художественном отношении являются различные украшения, найденные в поселениях IX и X веков. При раскопках на реке Кеме, впадающей с севера в Белое озеро, найдены украшения из сердолика и горного хрусталия, бронзовые и серебряные кольца и перстни.

Украшения первого периода относятся к тому времени, когда Страна озер была населена племенем «весь», вытесненном в IX и X веках более сильными и организованными славянами. Об этом свидетельствуют древние летописи.

Славяне принесли с собою более высокую культуру, отраженную даже в их захоронениях. В гробах-колодах, найденных в могилах славянских, были обнаружены металлические предметы, более совершенные орудия охоты,

быта, украшения. Мы видим эти предметы на одной из витрин первого зала.

Тут же неподалеку расположены экспозиции, посвященные самому крупному центру края — древнему городку Белозерску. Этот город, являвшийся крупным торгово-ремесленным центром, упоминается в летописи IX века. В этом веке Белозерск входил в Новгородские земли, в свою очередь входившие в те годы в состав Киевской Руси. Возможно, что Белозерск стоял ранее на северном берегу Белого озера. Как утверждает легенда, киевский князь Владимир приказал перенести Белозерск к устью реки Шексны. Произведенные недавно раскопки подтвердили легенду. Расположение города на оживленном речном пути было более выгодным. Оно несомненно содействовало дальнейшему развитию города как политического и хозяйственного центра края. Именно на водных путях и волоках и возникали крупные поселения.

Городище Белоозера, построенное на Шексне близ посада Крохина и деревни Каргулино, стало быстро развиваться. Произведенные в 1951—1957 годах раскопки обнаружили существование здесь в прошлом города с улицами, деревянной мостовой, весьма поместительными бревенчатыми жилищами. Здесь найдены различные инструменты, свидетельствующие о развитии у белозерцев примитивной металлургии (добыча железа), кузнечной обработки металла и плавления меди. По предметам, открытым в «культурных слоях», стало возможным определить, что в древнем Белозерске существовали ткацкое, сапожное, сукно-валяльное, скорняжное, гончарное и деревообрабатывающее производства...

Результаты раскопок помогли установить, что жители Белозерского края занимались не только охотой и рыболовством, но и скотоводством и земледелием, причем ими же применялась соха. Мало того, установлено, что здесь существовали начатки грамотности, выполня-

лась художественная резьба по камню, дереву и кости. Эти свидетельства высокой славянской культуры у белозерцев отражены в экспозициях Кирилловского музея.

В этом же зале музея мы можем почертнуть интересные исторические сведения о Белозерском крае.

Белоозеро входило ранее в состав Киевского государства, а затем в Ростовские земли. В 1238 году князь Ростовский Василек Константинович во время бедственной для русских битвы на реке Ситке был взят в плен и зверски замучен татарами. Его два сына разделили отцовские земли, и князем Белозерским стал младший из братьев — Глеб Васильевич.

Это событие произошло в годы разорения татарами земли Владимира-Сузdalской. В Белозерский край, не затронутый татарами, устремился поток беглецов из центральной части Руси. Край стал быстро заселяться. Князь содействовал открытию в крае новых водных путей и строительству первых каналов, выпрямивших течение рек Сухоны, Вологды и Шексны. Глеб отчетливо представлял значение монастырей, как средства укрепления своей власти. Он основал монастыри Спасокаменный на Кубенском озере и Усть-Шехонский в истоках Шексны.

После смерти Глеба «на Белоозере сидели» его потомки. Между тем все более усиливалось влияние Москвы. С женитьбой последнего князя Белозерского Федора на дочери Ивана Калиты Феодосии самостоятельное Белозерское княжество стало зависимым от Москвы.

Во время Куликовской битвы князь Федор и его единственный сын Иван погибли. С этой поры Белозерское княжество полностью утратило свою независимость и превратилось в московский удел, управляемый назначенным Москвой удельным князем. Администрация князя — его многочисленные тиуны, волостели, пошлинники и приказные существовали за счет населения.

Помимо княжеских налогов, население давило тяжелый экономический гнет монастырей, захвативших лучшие крестьянские земли, закабаливших крестьян, душивших их различными поборами.

Осматривая экспозиции музея, мы узнаем о том, что некогда Белозерское княжество поразило тяжелое испытание. В краю появилась занесенная сюда из центра Руси чума, или моровая язва. Белозерск обезлюдел: оставшиеся в живых разбежались из города. Было решено бросить старый город и построить новый. Местом для него был выбран высокий южный берег Белого озера, где и сейчас стоит этот древнейший город.

Мы уделили так много места Белозерскому княжеству только потому, что монастырь Кирилло-Белозерский возник на земле этого княжества. Возник тогда, когда этот край уже был заселен и основатель монастыря пришел сюда в давно уже обжитую русскими людьми землю ...

Расположенные далее экспозиции первого зала посвящены истории создания монастыря.

ИСТОКИ ЖИВОПИСИ ДРЕВНЕЙ

В СЛЕДУЮЩЕМ зале посетители музея знакомятся с искусством древней Руси — живописью, резьбой по дереву, чеканкой по металлу, шитьем, рукописными книгами, предметами быта тех лет.

В Кирилловском историко-художественном музее, как мы уже знаем, нет произведений великого мастера живописи Андрея Рублева. С его творчеством можно познакомиться по ярчайшим образцам его кисти, хранящимся в Государственной Третьяковской галерее в Москве¹⁾.

¹⁾ С творчеством Андрея Рублева можно также познакомиться в музее его имени, недавно открытом в Москве, на территории быв-

Зато мы можем увидеть в Кирилловском музее произведения другого художника древней Руси, творившего в Вологодском крае, — Дионисия.

Далеко не все посетители музея смогут побывать в Рождественском соборе бывшего Ферапонтовского монастыря (село Ферапонтово), стены которого украшены фресками этого мастера. Поэтому в Кирилловском музее экспонируются фотокопии ферапонтовских работ Дионисия. Здесь же представлены работы его сына Феодосия. Это иконки-«клейма» евангелистов Иоанна, Луки, Марка и Матфея.

В двух витринах показаны образцы природных красок, использованных Дионисием для его фресок. Эти краски приготавлялись из кусочков минералов, находимых в окрестностях Ферапонтова, на Соколиной (Цыпиной) горе. Более полутораста оттенков красок можно составить, пользуясь природной палитрой Севера. Краски наносились на слой сырой, специально приготовленной штукатурки, запечатлевющей картину навсегда. И живопись эта поистине может быть названа вечной...

На одной из соседних экспозиций представлен первый на Руси портрет, или «парсун», как назывался этот жанр в те далекие годы.

Мы уже видели в первом зале музея один портрет основателя монастыря Кирилла, написанный безвестным иконописцем. Этот же портрет написан был с натуры в 1424 году монахом-живописцем Дионисием Глушицким.

Портрет находился в центральной части киота, левая и правая стороны которого расписаны малоизвестным художником Никитой Ермолиным в 1614 году. Живописец Никита Ермолин, являвшийся одним из талантливей-

шего Андроникова монастыря. Рекомендуем прочесть книгу М. Аллатова «Андрей Рублев», вышедшую в издательстве «Искусство» в 1943 году.

ших последователей школы Дионисия, изобразил на киоте четыре сюжета, посвященные основателю монастыря.

Не менее замечательной по оригинальности и теплоте изображения является экспонируемая здесь же иконка «Житие Николая-чудотворца». Она относится к псково-новгородской школе живописи.

* * *

Но вернемся в годы, более близкие нам. К этому побуждает нас увиденная в экспозициях музея одна из позднейших картин. Эта картина овеяна драматизмом, так же как и судьба ее художника. Вот его автопортрет...

Представим мысленно старый Кириллов конца восемидесятых годов прошлого столетия. Население городка, объятого волнением, встречает великого князя Владимира, совершающего путешествие по Северу России. В тот момент, когда коляска с сиятельным гостем поворачивала с Белозерского тракта к городу, на дорогу выбежал мальчик. В руках он держал картину...

Вечером горожане с оживлением обсуждали этот случай. Из уст в уста передавался рассказ о том, какое счастье привалило пятнадцатилетнему Мите Малькову, что с Обшары. Князь соизволил направить мещанина Дмитрия Малькова в Санкт-Петербург.

Прошло несколько лет, и художник Мальков, медалист, пенсионер Российской Академии художеств, должен был поехать в Италию. Но вместо Италии он приехал в Кириллов. И не творить, а умирать от чахотки.

В музее экспонируются шесть картин этого художника, скончавшегося в возрасте 24 лет. Лучшая из них — автопортрет Дмитрия Васильевича. По мастерству и выражению души оригинала этот автопортрет, несмотря на некоторые недочеты техники, может быть сравним с произведениями лучших наших художников. Юноша с Об-

шары, что расположена между двумя голубыми озерами, остался жить с нами...

Мы видим рядом с автопортретом художника еще несколько картин более ранней поры его творчества. Бережно сохраненные и заботливо «освеженные» искусством реставратора, они экспонируются ныне в музее. Две из них (очевидно, ранней работы) изображают сестру и брата автора. На другой картине мы видим скорбную фигуру женщины, стоящую у одра смерти. Рассматривая эти картины, невольно задумаешься. Грустно становится на душе при мысли о том, сколько талантов погибло на Руси. И не только в древности, но и в «доброе старое время».

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

В ЗАЛАХ Кирилловского историко-художественного музея летом царит особое оживление. Одна за другой прибывают сюда экскурсии из Вытегры и Лодейного поля, из Белозерска и Вологды, из близлежащих сел и деревень. Среди экскурсантов большинство — учащиеся. Для них музей — это ценное пособие для изучения истории нашей Родины и родного края. Здесь можно познакомиться не только с большим искусством в области живописи и архитектуры. В музее ярко и богато представлено и так называемое прикладное искусство. Это резьба по дереву и камню, украшения из металла, художественное шитье и рукоделие.

Произведения прикладного, чисто народного искусства служили, казалось, обыденным целям. Тем не менее они свидетельствуют о высоком вкусе, присущем русским людям, о их стремлении создать не только удобный, но и красивый предмет.

Сколько раз автору этой книги приходилось наблюдать восторг школьников, вызываемый обычной ложкой. Впрочем, эта ложка не совсем обычна, не такая, какие

изготавляли местные кирилловские мастера. Эта ложка-черпачок была предназначена для разливания пуншей или взваров из фруктов. Такими яствами услаждали себя в монастыре знатные иноки... Черенок ложки представляет собою рыбку. Мастер искусно изобразил каждую чешуйку рыбки, ее хвост, «перья». Но еще более натуральны ее глаза с оранжево-красными обводами.

Наш экскурсовод — потомок ряда многих поколений волокославинских ложечников Василий Иванович Зимин. Летом 1957 года он преподнес в дар музею древний токарный станок по дереву. Я помню, с каким интересом рассматривали этот небольшой из потемневшего дерева станок сотрудники музея.

— Этому станку, — рассказывает Василий Иванович, — больше трехсот лет. Десятки поколений мастеров из деревни Дорогуши, что расположена близ села Волокославинского, пользовались им.

И Василий Иванович объяснил слушателям сущность немудреного с виду станка, так облегчавшего работу ложкарей. Рассказал он и о том, как изготавлялась и до сих пор любимая в деревнях русская деревянная ложка.

Начиная свой рассказ, он спросил слушателей:

— Слыхали ли вы поговорку: «Он баклуши бьет»?.. Сейчас обозначает она бездельника. А раньше обозначала первую, так сказать, ступень мастерства, самую несложную в ложечном промысле. Что такое баклуша?.. Это чурка длиной в четыре с половиной вершка, а шириной в вершок. Ну, болванка, по-современному. Так эти болванки делали самые маленькие ребята. А которые постарше, те уже проделывали более сложные операции.

По мере рассказа становился ясным процесс изготовления ложки от строжки ее ножом, долбления емкости теслом¹), очистки резцом, вырезки черенка ложки, огла-

¹⁾ Тесло — кольцеобразный резец.

живания ребер емкости до окончательной ее отделки и окраски...

— Вставали ложкари всей семьей до света, работали допоздна, — повествовал рассказчик, — а заработка у самых опытных только до двух рублей в неделю доходил. За день-то сделаешь ложек сотню, а за тысячу всего лишь три с полтиной платили... Но еще труднее, чем ложкарям, красильщикам доставалось. Работали они в красильнях — жарких и душных избах, в дыму от пригоревшей олифы, в постоянном угаре. Вставали с петухами, а ложились заполночь. Три гриненника за тысячу ложек получали. Наводили они крап, так рисунок по-нашему называется. Чтобы пятиалтынный в день заработать, приходилось по пятьсот ложек разрисовывать. И днем в получьме избы было нелегко работать, а вечером при свете керосиновой лампы еще труднее. К ночи у красильщиков глаза кровью наливались, зрение мутилось.. А уж до чего же баские рисунки делали! Ну, ровно картинку писали!..

В Волокославинском старый ложечник показывал своим друзьям коллекцию ложек, и мы любовались рисунками, изображенными на горящих, словно золото, ложках.

— Вот городок с теремами и храмами.. Вот сказочная Жар-птица... А это — барыня-модница в кринолине. А писались эти картинки, — пояснял рассказчик, — не кистями, а гусиными перьями. Кистей и в помине не было!..

— А где же вы золото-то брали, — задал кто-то ложечнику наивный вопрос.

Василий Иванович усмехнулся и, не отвечая на вопрос, продолжал свой рассказ:

— Ложки наши скопщик забирал. Был такой — Дружинин по фамилии. Возил он ложки на окрестные ярмарки — и к Николе на Торжок, и в Новленское село, и

в Кириллов, и в Вологду, и даже в Весьегонск. Ну и, — рассказчик сделал многозначительную паузу, — везде вот спросят так и спрашивали: «А где, мол, золото берут мастера?..» А золота и в помине у нас не было. Вот как это золото получается. Сначала белую ложку соком крушинника пропитываем. Коричнево-желтой становится она. А потом поверх рисунка «сбойкой» покрывают. Это тесто жидкое из льняного масла и пшеничной муки. После этого ложки в горячей печи обжигают. Вот тут себя золото и оказывает. И краски под пленкой, словно из лаку, еще ярче выступают. Вот и весь наш секрет...

Об этом рассказе и вспомнилось в музее, когда я осматривал ложки волокославинские. Тут же стоял древний станок — ровесник стен Нового города Кирилловской крепости. «На этом станке, — вспоминал я рассказ потомка ряда поколений ложечников волокославинских, — испокон веков ложки точили...»

Резание по дереву — одно из древнейших искусств на Руси. Пользуясь самыми простейшими инструментами, вырезали резчики-самоучки замысловатые рисунки. Резьбой украшались почти все предметы домашнего быта. Русские мастера резного дела славились во всей Европе.

В Кирилловском музее богато представлены все виды резьбы от простейшего немудреного орнамента — узора из крестиков — до деревянной скульптуры. На предметах быта, представленных в музее, можно видеть, как плоская, орнаментальная резьба, совершенствуясь как вид искусства, становилась скульптурной, изобразительной.

Вот перед нами воспетая в песнях народных древняя прядка. Сколько бессонных ночей при свете лучины проводили мастерицы за этой прядкой, сопровождая работу заунывным и тихим пением. Специалисты отмечают обычно, что прядки Белозерского края изготавливались из цельного куска дерева, что они крупнее, нежели прядки других областей Руси. Резьба на прядке, представленной в

Образец народной резьбы.

музее, напоминает собою тонкую гравировку, нанесенную искусствной рукой.

А вот оконные наличники с весьма замысловатой резьбой, изображающей, очевидно, «изобилие плодов земных». Это наличники окон избы какого-то богатого крестьянина. К сожалению, они покрыты масляной краской, что явно нарушает замысел художника.

Тут же мы видим спинку саней, также украшенную резьбой, и многие вещи домашнего быта: искусно сплелиенные лапти и корзины, ларец-укладку с железными, в виде лап, украшениями, а также деревянную соху, борону и другие орудия земледельческого труда тех лет...

Здесь же можно увидеть и своеобразный вид резьбы. Это кресло опального патриарха Никона, сосланного в Ферапонтов монастырь. Патриарх всея Руси сам сделал

это кресло, а серебрянник Иона написал на кресле витиеватую надпись вязью. Она звучит как протест против низложения Никона, так как в этой надписи Никон все же именуется патриархом.

В древних деревянных церквушках восковые свечи прилеплялись прямо к иконостасу. Это служило частной причиной пожаров. В какие-то годы появились подсвечники, первое время деревянные, резные. Один из них, в виде руки, держащей свечу, очевидно, служил частью иконостаса. Мы видим его среди других предметов церковного культа.

К подобного рода предметам, но более высокого уровня исполнения и более сложного замысла, относятся царские врата из надвратной церкви Иоанна Лествичника. Это яркий образец плоской резьбы по дереву, относящийся к XVI веку. Здесь же находятся и разнообразные иконки с миниатюрными, но четкими выпуклыми изображениями святых и даже событий из жизни.

Но вот перед нами две статуи. Одна из них изображает «угодника» Нила Столбенского — согбенного летами старичка с костылем в руке; другая — деву Марию. Эта статуя доставлена в Кириллов из закрытой в деревне Власове часовни. Обе статуи вырезаны из дерева неведомыми народными скульпторами. Фигура девы Марии поражает смелым поворотом головы, выражением скромного достоинства на лице, своеобразным сиянием чистоты во всем облике. К сожалению, обе эти скульптуры окрашены.

Заканчивая краткий обзор произведений из дерева, экспонируемых в музее, добавим, что художники древней Руси почти никогда не подписывали своих произведений. И поныне «открытие» кем-либо из искусствоведов имени автора произведения, достигнутое зачастую путем весьма сложных догадок и сопоставлений, является радостным событием.

Деревянная церковь Бородавинского погоста (1486 год).

Из подписанных авторами произведений мы можем назвать лишь немногие, например принадлежащие кисти гениального художника Руси Дионисия. О том, что, например, в Вологде жил во второй половине XV века замечательный резчик Истома, мы бы и не узнали никогда. Но вот на маленькой иконке, вырезанной из камня и представляющей собою изображения царей Константина и Елены, была обнаружена подпись: «Се икона Константинова Гаврилова, а резал Истома на Вологде».

Но редко бывают такие открытия, и имена многих художников из народа, подобных резчику Истоме, так и исчезли во мгле веков. Неведомым остался и автор статуи девы Марии и Нила Столбенского.

ПОСЛУШНЫЙ МЕТАЛЛ

И ЗДЕЛИЯ из металла, экспонируемые в музее, за исключением строительных, относятся главным образом к предметам военным и церковного культа. Большинство из них представляет несомненный интерес как произведения русских художников в области литья, чеканки и ювелирной отделки металла.

Начнем осмотр с того предмета, который привлекает наибольшее внимание юных экскурсантов. Это колокол, отлитый в XVI веке. Он интересен тем, что был эвакуирован сюда из Новгорода перед занятием этого древнего города фашистскими ордами. Обычно каждый школьник считает необходимым слегка ударить по колоколу, чтобы услышать редкий по тону малиновый звон.

Не меньшее внимание школьников привлекает оружие и военное снаряжение воинов, защищавших Кирилло-Белозерскую крепость в начале XVII столетия. Кольчуги, шишаки, пищали, пики, бердыши, алебарды¹), пушки и ядра вызывают вначале у ребят усмешку. Им, уже имеющим представление о реактивной артиллерии, вначале кажется наивным это оружие.

Представив, однако, прошлое, оживив его в воображении, увидев мысленно картину боя с врагами, школьники с уважением смотрят на эти пушки, пищали, груды ядер.

«Ведь эта техника, — думают они, — вероятно, была самой передовой в те годы. Помноженная на героизм защитников крепости, помогла она в течение нескольких лет выдерживать вражескую осаду».

Следуя далее, мы еще раз можем увидеть живопись Никиты Ермолина. На этот раз мы осмотрим киот, клей-

¹) Шишак — металлическая шапка, защищавшая голову; пищаль — тяжелое ружье или пушка; бердыш — топорик в виде полумесяца; алебарда — такой же топорик, но на древке.

Ма которого, расписанные художником, отделаны басмою, то есть орнаментом по металлу, в данном случае по серебру. Этот способ осуществлялся при помощи матрицы — медной доски с отлитым на ней рельефным рисунком. На матрицу накладывался тонкий лист серебра и придавливавался свинцовым прессом. При этой операции рисунок переводился на серебро.

В этом же зале находятся и замечательные по мастерству «царские врата» из церкви Кирилла — подарок первого царя династии Романовых, Михаила (1643 г.). Врата покрыты чеканным золоченым серебром с матовой поверхностью и отделкой из дробниц (металлических пластинок). Чеканка и чернь являются довольно сложным и кропотливым видом художественной обработки металла. Чеканка производится при помощи ударов по поверхности металла специальным орудием — канфарником. Чернью, состоящей из порошкообразной смеси красной меди, серы, буры и поташа, заполняются выгравированные на металле углубления. После термической обработки в жаркой печи изображение закреплялось.

Огромный раздел музея посвящен предметам церковного культа. За стеклами витрин виднеются эти предметы, словно принесенные из какого-то забытого, чуждого современности мира. Однако не назначение этих вещей, а их выполнение влечут к ним наше внимание. Почти каждая вещь является шедевром мастерства безвестных художников Руси, зависимых в своем творчестве от вкуса и потребностей заказчиков.

Среди церковных предметов демонстрируются в музее и немногие «светские». Это литые оловянные «тарелки» с выгравированными на них изображениями, блюдо, принадлежавшее некогда семье Воротынских, литая кружка с крылатой женщиной на ее ручке, чарка с гравировкой, изображающей человека, разрывающего львиную пасть, лампада, украшенная чеканным прорезным

орнаментом, драгоценный подсвечник, украшенный способом чеканки и гравировкой орнаментом из листьев и цветов...

Но более всего хранится в музее предметов, составлявших церковную утварь. Здесь и тяжелые, богато украшенные оклады богослужебных книг и церковные сосуды. Сколько труда и искусства положили на их изготовление и гравировщики, и чеканщики, и резчики, и литейщики, и басменного дела мастера.

Несомненно, что к художественным произведениям должны быть отнесены и изделия монастырских кузнецов. Выкованные ими решетки не уступают по своеобразию знаменитой кованой решетке Новодевичьего монастыря.

РУССКИЕ ХУДОЖНИЦЫ

ПОЧТИ в каждой княжеской и боярской семье существовали при их поместьях собственные мастерские. В этих мастерских силами холопов изготавлялись обувь, одежда, предметы повседневного быта. Мастерицы-девушки, набранные в вотчинах боярских, шили белье, вышивали полотенца, наволочки, покрывала. Они изготавливали кокошники, вышивали боярскую одежду золотыми и серебряными узорами, цветными шелками, бисером, драгоценными камнями.

В этих же мастерских изготавлялись и вклады в церкви и монастыри. Радея о спасении души, бояре и князья делали вклады — подарки в различные монастыри. В XVI веке славились по всей Руси мастерские царицы Анастасии Романовны (первой жены Ивана Грозного), князей Голицыных, Новодевичьего и Горицкого монастырей и другие. Среди них наиболее выделялась по художественным достоинствам своих произведений мастерская княгини Ефросиньи Старицкой — матери двоюродного брата Ивана Грозного, Владимира Старицкого. Заме-

шанная в политических интригах, связанных с борьбой за престол, она была сослана в соседний с Кирилловским Горицкий Воскресенский монастырь, ею же построенный. Из мастерской Ефросиньи Старицкой вышли замечательные произведения художественного шитья.

Мастерством вышивки русские мастерицы владели издревле. Прирожденный вкус позволял им оперировать предельно скромной цветовой гаммой.

Они оригинально и умело примиряли, казалось бы, самые непримиримые тона, вроде светло-коричневого с фиолетовым и белым, красного с синим.

Пройдемся, читатель, по экспозициям музея, отражающим мастерство русских художниц. Все эти вещи являлись в свое время вкладом в Кирилло-Белозерский монастырь, а поэтому носят церковный характер. Лишь в конце этого музейного раздела мы встретимся с предметами светского быта.

Итак, мы осматриваем предметы первой группы — церковного назначения.

В XVII и XVIII веках на Руси получил широкое распространение цветной бархат, доставляемый из Персии, Турции, Италии и даже Испании. Толстая бумажная основа его являлась очень удобной для вышивки. Бархаты были гладко-узорчатыми (с плоским рисунком), узорчатыми, орнаментальными, а также с выпуклыми изображениями, главным образом, цветов.

В Кирилловском музее экспонируются полученные из Горицкого женского монастыря стихарь из турецкого золотого «аксамитного» бархата и епитрахиль из желтого с красным рисунком испанского золотого бархата. На оправе¹⁾, лежащем рядом с епитрахилью, вышиты золотом и зеленым шелком фигуры серафимов и архиђако-

¹⁾ Стихарь, епитрахиль, оправа — предметы священника, надеваемые им во время церковной службы.

нов, держащих в руках кадила. Одежды проработаны золотом и зеленым шелком, а лица и волосы — желтым.

Здесь же можно видеть воздухи, на которых повторяются, несколько разнообразясь, два сюжета: изображение божьей матери и младенца Христа.

Несколько покровцев малинового атласа изображают архангелов Михаила и Гавриила, апостолов Павла и Петра. Лицо и тело этих фигур шиты так называемым атласным швом.

Познакомимся также с двумя покровами последней четверти XVI века. Оба эти произведения посвящены основателю монастыря Кириллу. На первом покрове малинового штофа фигура Кирилла изображена во весь рост. Она вытянута, подобно фигурам художника Дионисия. Очевидно, что вышивальщицы — мастерицы из Горицкого монастыря были знакомы с живописью этого художника в Ферапонтовском монастыре.

Второй покров с тем же сюжетом является даром жены Грозного Марии Нагой, насильственно постриженной в Горицком монастыре и вскоре утопленной в реке Шексне.

И, наконец, нельзя пройти мимо хоругви по сюжету иконы Андрея Рублева «Троицы»¹⁾. Мастерицы тщательно воспроизвели на плащанице рублевскую композицию.

В перечисленных выше произведениях церковного характера экскурсанты находят несомненный художественный элемент, свидетельствующий о высоком вкусе русских вышивальщиц. К сожалению, и они были подчинены владельцам мастерских и духовным лицам, зачастую

¹⁾ Во многих случаях контуры (рисунок) будущих произведений шитья «зnamенили», т. е. намечали, иконописцы, беря за образец уже известные произведения — иконы. Упоминаемая икона «Троица» хранится сейчас в Третьяковской галерее.

не обладающим художественным вкусом. Увлечение золотом постепенно изгнало цветные шелка, и позднейшие работы вышивальщиц превратились в сплошное золотое шитье, пестро украшенное цветными камнями. В то же время умелое, художественное применение золота дает поразительный эффект. Недаром славились издавна русские золотошвеи.

В Кирилловском музее демонстрируются и образцы интересной разновидности шитья — вещи, украшенные жемчугом, цветными камнями и блестящими металлическими пластинками. Подбор и умелое сочетание жемчужных зерен, требующее незаурядного мастерства, обеспечивают создание весьма эффектных и подлинно художественных произведений.

В залах музея, посвященных отделке тканей, можно увидеть и образцы украшения тканей методом ручной набойки. Этот метод, известный на Руси в XVI—XVII веках, достиг уже в то время большого совершенства. В музее представлен образец из льняной ткани, на которую набита узорчатая дорожка, состоящая из продольных полос с фигурками стреловидных очертаний. Этот узор печатается на ткани при помощи доски, на которую нанесен рельефный рисунок.

Набивная ткань пользовалась уже в XVIII—XIX веках большим спросом у населения. Этому содействовало и то обстоятельство, что на ткань набивались самые разнообразные рисунки; их существовало до пятидесяти с лишним вариантов.

В музее представлены и образцы крестьянской одежды из белого холста с ярко-красными полосами как вышитыми, так и вытканными на ней. Это и есть «пестрядь», тканная дома и не только полосатая, но и клетчатая. Весьма интересны также образцы кустарно производившейся в селе Ферапонтове сардинки. Рисунки этой ткани разнообразны и красивы по сочетаниям.

Огромный вкус, вложенный в предметы женского одеяния, при исключительной простоте материалов — местного льняного полотна и окрашенных природными средствами ниток — поразителен. Столь же интересны и старинные головные уборы, отделанные зачастую золотым шитьем, цветными камешками и даже жемчугом.

Большой интерес представляет и вышивка бисером и стеклярусом, производившаяся монахинями Горицкого монастыря. Искусно распределяя на ткани крохотные бусинки, мастерицы достигали большого эффекта.

Не меньшее внимание посетителей привлекают художественные произведения талантливых вышивальщиц полотенец. Это одно из древнейших видов прикладного искусства, что явствует даже из тем, используемых в рисунках. Вот, например, изображение языческой Берегини, олицетворявшей в Стране озер берег, землю. Какой седою древностью веет от этого рисунка, на котором богиня изображена оранжево-красным, любимым на холодном севере, цветом. Символизируя власть Берегини над природой, художница изобразила богиню управляющей тройкой коней...

Мы видим на полотенцах фигуру женщины, воздевшей руки к солнцу, различаем узоры из птиц, звезд, цветов. К сожалению, вологодские полотенца, богато представленные в музее, нынче почти не производятся, и древнее мастерство может быть забыто.

Еще больший интерес представляют прославленные вологодские кружева. Мы посвящаем им дальше отдельную главку, а пока осмотрим кустарные изделия из глины.

Эти изделия изготавливались в Кирилловском уезде и в начале нашего века. Все они, от простой кринки до вазы для цветов, носили на своей поверхности красивый радужный полив. В музее можно видеть древний станок для изготовления глиняной посуды, свидетельствующий

о своеобразной механизации этого производства. В Кирилловском уезде центром изготовления глиняной посуды являлось село Сицкое близ Никольского озера. Подобные изделия народного быта и украшения жилищ состоятельных людей удовлетворяли последних вплоть до появления отечественного фарфора.

На одной из музейных витрин показаны образцы изделий из фарфора завода Гарднера, построенного в России в первой половине XVIII столетия. Фарфор Гарднера, конечно не доступный простому народу, пользовался большим спросом помещиков. Судя по представленным в музее образцам, продукция завода отличалась достаточно высоким художественным вкусом.

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКИХ КРУЖЕВНИЦ

О СМАТРИВАЯ экспозиции Кирилловского музея, можно проследить весь трудоемкий процесс выращивания льна, превращения его стеблей в куделью, а затем в нитку и, наконец, в кружева. Здесь — в сердце Северной Руси, как свидетельствует Ипатьевская рукопись, еще в XIII веке существовало кружевоплетение. В музее собраны образцы кружев, сплетенных из шелка и цветной нити. Представлен и кружевного плетения «позумент» из металлических или золотых нитей. Эти изделия служили украшением боярской и княжеской одежды.

В избах крестьянских плелись, однако, кружева и «про себя». Это были кружева из неотбеленной льняной нити. И все же они носили в себе зачастую следы несомненного и яркого творчества.

Кто же их создавал?.. Вероятно, читателей заинтересуют эти люди. Нам трудно, однако, восстановить картину творчества кружевниц в те далекие времена. А поэтому ограничимся рассказом о жизни и быте кружевниц в более позднюю и близкую нам эпоху.

Возьмем три поколения кружевниц, и перед нами пройдет вся история кружевного искусства в дореволюционные годы и в наши дни.

— Поезжайте в деревню Лахмино, — посоветовали мне сотрудники музея, — и найдите там старую кружевницу Исакову. Кажется, ее зовут Анна Федоровна...

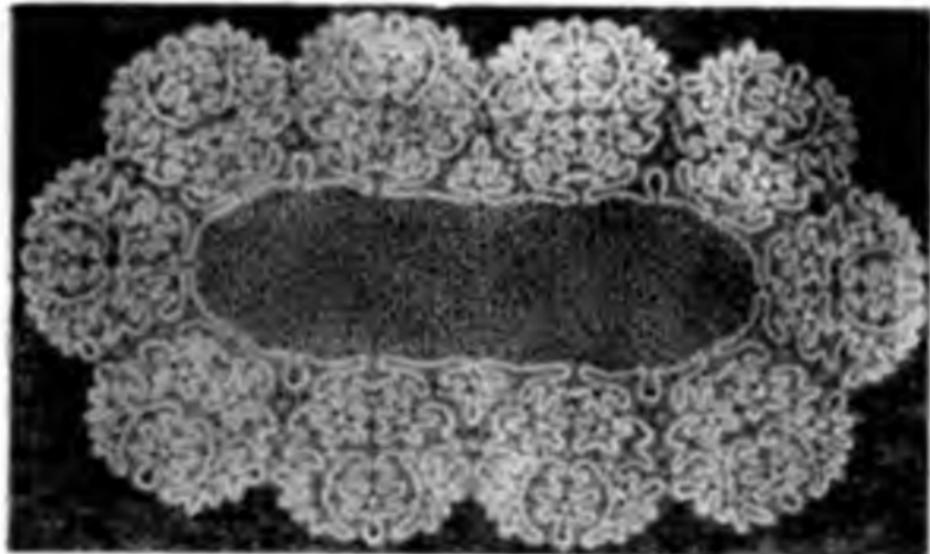
Не буду описывать поисков Анны Федоровны. Скажу только, что я нашел ее не в этой деревне, а в Вологде, где она жила в то время у своей дочери — тоже кружевницы — Капитолины Васильевны Исаковой...

Я сидел у нее в гостях в комнате, на дверях и окнах которой висели кружевые портьеры и занавески, на комоде лежало красивое покрывало, а стол украшен тончайшей работы скатертью.

Анна Федоровна, еще бодрая, сохранившая свое зрение старушка, рассказывала мне о себе. Да, она действительно потомственная кружевница. В деревне Лахмино испокон веков кружева плели. Земли было мало, да и та плохая. Мужчины — те больше отхожими промыслами занимались, в Питер на заработки ходили, в рыбных артелях промышляли, лесорубами работали. А женщины всей округи сами и пахали, и сеяли, и скучный урожай убирали, а зимами кружева плели...

Хорошо тем, у которых добытчики мужья были. А Анна Федоровна рано мужа потеряла. Поехал Василий Исаков на Белое озеро за рыбой, чтобы купцу ее по зимнему первопутку перевезти, и помер в дороге.

Осталась Анна Федоровна вдовой с двумя дочерьми на руках. И годы, последовавшие со дня преждевременной смерти ее мужа, были годами суповой борьбы со страшным явлением тех лет — нуждой. Эта нежеланная гостья частенько хозяйничала в избе вдовы. Немало морщин наложили эти годы на высокий лоб все еще молодой тогда женщины. Ее труд ради спасения семьи был подлинно героическим.

Салфетка. Композиция М. Фигуркиной (1958 год).

Представим мысленно крестьянскую избу... Ночь. Пропели петухи, а все еще сидит за пяльцами кружевница. Проворные пальцы быстро перебирают коклюшки¹), переставляют булавки. На сколке, плотном куске бумаги, приколотом к круглой подушке, изображен рисунок. Это — елочки, паутинка с паучками, цветы, белочки с грибком в лапах. А фоном для них служит тот же морозный узор, что написан на окошке избы, за которым воет вьюга.

Тускло освещена подушка. Рисунок то исчезает, то снова появляется в слипающихся от усталости глазах. Неярко горит крошечная керосиновая лампочка с жестяным резервуаром. Керосин, покупаемый у лавочника, дорог и плох.

¹) Коклюшки — круглые точеные палочки, в верхние углубления которых наматывается нить.

А в конце месяца понесет Анна Федоровна кружева скупщику Буракову. Любуется мастерски сработанным кружевом купчина, а сам хитрит: «И тут вот брак, и здесь изъянец». Это чтобы поменьше заплатить. А зашелк в тридорога вычетет, и получать кружевнице нечего! Отсюда и пословица пошла: «В долг, как в шелку!»

...Наблюдая за работой матери, пятилетняя дочка Капа уже понимала, что в доме недостатки. Пытается и она помочь семье. Подойдет к пяльцам и начнет коклюшки перебирать. Заметят взрослые, скажут: «Ну, куда тебе. Маленькая еще!..»

Не унималась Капа. Вбила однажды гвоздики в косяк, опутала их старой ниткой. Кончики ниток к палочкам привязала. Быстро перебирает ими, вроде и плетет.

— Что ты плетешь, Капа? — смеясь, спрашивают ее взрослые.

— Воротничок плету... Вот кому бы его только продать? Буракову, что ли? Тогда бы и сахару и чаю купили...

Платил Бураков дешево. За шарф, например, который отнимал месяц работы, самая опытная мастерица получала всего лишь три-четыре рубля.

Но подрастали девочки — Капа и старшая Лара — и стали помогать матери. Обучаясь в школе, в селе Кубенском, по вечерам плели они кружева. В доме стали теперь чаще улыбаться, появились некоторые признаки довольствия, создающего скромные радости крестьянской семьи.

Свершилась Великая Октябрьская революция, и первым исчез с горизонта купец Бураков. В районе были организованы артели кружевниц. Теперь материалы для плетения предоставляло государство и по государственным ценам. Готовую продукцию кружевницы стали сдавать промысловой кооперации, и заработка их значительно увеличился.

С каждым годом все радостнее жила семья Исаковых. А в 1925 году семнадцатилетнюю кружевницу Капитолину Исакову вызвали в Вологду. Здесь сообщили юной мастерице радостную новость. В числе лучших производственниц ее направляли в Ленинград, в техникум кустарной промышленности!..

И вот я беседую с самой Капитолиной Васильевной Исаковой. Мы сидели с ней в ее кабинете — кабинете директора Вологодской кружевной школы. На столе лежали рисунки кружев, фотографии, изображающие жизнь школы, образцы работ учащихся.

Я знал уже, что Капитолина Васильевна — автор ряда талантливых кружевных композиций, неоднократно премированных. Знал я и то, что Капитолина Васильевна — автор книги по истории кружевоплетения, член Союза советских художников. Вот уже шестнадцать лет она руководит школой художественного кружевоплетения...

— Еще подростком, — рассказывала Капитолина Васильевна, — часто бегала я в соседнюю деревню Болсуново. Там жила бабушка Саша — знаменитая в округе кружевница Александра Михайловна Налимова. Была она прирожденной художницей. Сама даже рисунки составляла. Наблюдая, как набрасывает она контуры будущего произведения, мечтала и я научиться рисовать. А как она плела! Коклюшки у ней так и порхали. Глаз, бывало, не свожу, за каждым ее плетешком наблюдаю. Дорого ценились знатоками ее изделия!.. До девяноста лет проработала Александра Михайловна в артели!..

— Благодаря этому знакомству, — продолжала Капитолина Васильевна, — мне довелось еще в детстве хорошо познакомиться с мастерством предшествующего нам поколения кружевниц. Вместе с моими коллегами мы творчески освоили наследство наших бабушек и ма-

терей, развили его и передаем теперь новому поколению мастерниц.

— Ну, а кто же они, представительницы этого нового, третьего поколения кружевниц?

— Да, пожалуй, все наши ученицы — это и есть третье поколение.

— Но все же, с кем вы рекомендуете побеседовать?

Капитолина Васильевна на минуту задумалась. Было очевидно, что она затруднялась ответить.

— Кого же вам рекомендовать? Галю Янову, Зину Бахвалову, Лену Москвину, Нину Макарову... Все они сейчас мастерицы, все потомки старых вологодских кружевниц.

В это время приоткрылась дверь, и стройная, просто, но со вкусом одетая девушка спросила:

— К вам можно, Капитолина Васильевна?

— Да, пожалуйста! Что вы хотите, Зина?

— Я по поводу эскизов. Они уже закончены.

— А ну, покажите, Зина! Интересно... О, да это целая картина!.. Вот, смотрите, — обратилась она ко мне. — Это эскизы к новой работе Зины Бахваловой. Часть ее рисунков уже принята в производство... Вот вам и третье поколение вологодских кружевниц. Знакомьтесь. Побеседуйте с ней. Съездите в молодежную мастерскую. Посмотрите, как живут молодые мастерицы...

Но прежде чем я побывал в «молодежном цехе» Вологодской кружевной артели, мне показали школу.

Я видел просторные светлые классы, но без обычных парт. Юные кружевницы сидели за пяльцами, обучаясь основам плетения кружев. Заведующая учебной частью Валентина Николаевна Логинова рассказывала мне об истории этой школы:

— Создана она была в 1928 году. Ей уже тридцать лет! Целью подобных школ является подготовка руководящих производственных кадров для кружевных артелей.

Из дальнейшей беседы я узнал, что в школу принимаются рекомендованные артелями юные мастерицы в возрасте от 14 до 17 лет, с образованием не ниже семилетки. Обеспеченные буквально всем: и одеждой, и питанием, и жилищем, получая стипендию, — они приобретают в школе специальность. Ныне почти во всех артелях области председатели, заведующие цехами, инструкторы, бракеры и мастера имеют специальное образование.

Добавим, что Вологодская художественная профессионально-техническая школа считается по праву лучшей в РСФСР. Она была награждена недавно дипломом Первой степени Министерства культуры РСФСР.

В одном из коридоров школы я снова услышал музыку коклюшечного перебора.

— Что это? — спросил я. — Мастерская?

— Да, — ответила мне Валентина Николаевна. — Это экспериментальная мастерская Вологодского кружевного союза. Здесь же помещается и кружевная лаборатория. Ими заведует одна из опытнейших производственниц — член Союза советских художников Мария Николаевна Груничева. Она автор многих уникальных произведений.

Сейчас художницы лаборатории работают над бытовыми вещами, такими, которые украшали бы нашу жизнь.

На одной из улиц Вологды находятся общежитие и цеха молодежной мастерской Вологодской кружевной артели. Там мы и встретимся, читатель, с третьим поколением вологодских кружевниц. Это воспитанницы Вологодской художественной кружевной школы, которую мы только что посетили.

— Кто у вас тут самое главное начальство? — спросил я веселых девушек.

— Самое главное-преглавное? — переспросила меня

карглазая насмешница. — Самое главное — это Нина Дмитриевна Бодунова, но она в отпуске. Заменяет ее сейчас Нина Павловна. Пойдемте, я провожу вас к ней.

И вот мы вместе с Ниной Павловной Евдосеевой пришли в мастерскую, где работали десятки девушек.

— Янова Гая, Макарова Нина, Валя Исакова, Семенкова Аля, — называла мне Нина Павловна. — А это... это Зина Бахвалова... Наша Зина — автор многих рисунков, уже одобренных художественным советом и принятых в производство. Она одна из энергичнейших участниц нашей творческой группы. Учтите, что группа эта трудится только по вечерам, в свободное от работы в цехе время. А свободного времени у Зины очень мало. Она учится в вечерней школе — заканчивает среднее образование. А закончит — и в художественный институт поступит!.. Над чем работаешь, Зина?

— Занавес выполняю.

— Вот видите, новая Зинина работа на областной, а затем и на республиканский смотры. На смотре 1957 года ей была присуждена третья премия!.. Разве это не успех?

— За какую работу? — спросил я Зину.

— За салфетку с растительным орнаментом.

Разговаривая, девушка быстро перебирала коклюшки. Они у нее буквально порхали. И узорный рисунок вырисовывался над сколком, являющимся фрагментом будущего занавеса. По окончании всей работы, производимой частями несколькими мастерицами, занавес будет «сшит».

— В цехах, — продолжала свои объяснения Нина Павловна, — изготавливаются уже утвержденные советом вещи: думки, накидки, покрывала и другие «бытовые» вещи. А создаются они творческой группой...

Звон коклюшечного перебора (а коклюшки звенят, словно металлические пластинки ксилофона) и лукавые

Лучшие производственницы группы мастеров (1958 год).
взгляды юных кружевниц, украдкой бросаемые на гостя,
сопровождали объяснения художественного руководите-
ля артели.

Вечером я постучался в комнату общежития, где жи-
ли девушки творческой группы. Вошел. В светлой, про-
сторной комнате стояли аккуратные кровати. На стен-
ках висели хорошие копии Левитана. Две девушки скло-
нились над книгами. Третья — я узнал ее сразу же: это
была Зина Бахвалова — с увлечением что-то рисовала.

Я мог наблюдать за процессом ее творчества. Вот
она нанесла какие-то линии на ватман... Нет, они не нра-
вятся ей... Невидящим взором посмотрела она куда-то в

окно... Затем стерла только что нанесенные штрихи, нанесла новые и снова задумалась.

Я не хотел мешать ей и повернулся, чтобы уйти, как вдруг одна из девушек нарушила тишину:

— Зина, это, наверное, к тебе!

... И Зина, вначале смущаясь, рассказала о себе. Она потомственная кружевница. Ее мать Елизавета Ивановна и бабушка Надежда Осиповна, уроженки крошечной деревушки в районе Кубенского озера, с детства плели кружева.

Зина не знала в детстве нужды. Немного помогала матери в колхозе, училась в средней школе. И мечтала стать кружевницей! Еще крошечной девочкой подходила она к пяльцам, но бабушка пугливо отстраняла ее: «Избави боже, запачкаешь или порвешь!» А с семи лет Зина уже выполняла кружева, которые под силу были и взрослым.

В 1952 году, по окончании семилетки, Зина услышала о существовании в Вологде кружевной школы. Свезла туда свои документы, ее приняли.

— Ох, и трудно же было вначале, — рассказывала мне Зина. — Особенно композиция рисунка не давалась. В сельской-то школе у нас мало рисовали...

— Так вот, — уже совсем задушевно рассказывала Зина, — сначала мы простые рисунки пытались сделать, а плели только по готовым образцам. А на втором году я уже выполнила свою первую оригинальную работу — салфетку по своему рисунку. Из Москвы сообщили, что это очень хорошая работа.

— Над чем вы трудитесь сейчас, Зина?

— Ох, задумала я большое дело... Не знаю, что выйдет. Трудно оно дается... Готовлю на выставку большую вещь... В ней я хочу старое мастерство наших матерей и бабушек — их народные мотивы увязать с новизной советской. Трудно мне это вам объяснить...

Осмотревая комнату, увидел я учебники и раскрытые страницы «Физики», объясняющие спектральный анализ, чьи-то фотографии, стоящие на полочке... Позвольте, да эта спортсменка — сама Зина! Не удержавшись, я спросил ее об этом.

— Да, это я, — тихо ответила девушка, — сфотографирована на прошлогодних лыжных соревнованиях на станции Лоста... На пять километров...

— И какое же место заняли?

— Первое, — скромно, но с оттенком радости в голосе ответила девушка. — Поддержала честь нашего спортивного общества «Спартак».

В комнату вбежали подруги Зины.

— Бахвалова! — крикнули они, не замечая меня. — Зина, — ужетише продолжали девушки, — иди читать. Письмо от немецких девочек получено.

Это было, как я вскоре узнал, письмо от кружевниц города Шнееберга, из Германской Демократической Республики.

История оживленной переписки вологжанок с немецкими кружевницами восходит к 1952 году, когда кружевницы из Шнееберга прислали первое письмо в Вологду. Они адресовали его ученицам школы. Но теперь немало выпускниц школы работает в цехах молодежной мастерской. А поэтому каждое письмо немецких девушек читается и в школе, и в мастерской.

Такие же письма получают вологодские кружевницы и из других кружевных школ Германии, и из Чехословакии (например, из Летовицкой на Мораве школы по производству кружев в Тылеке). Вероятно, вологжанки скоро побывают в гостях у своих зарубежных коллег.

Потомки третьего поколения знаменитых вологодских кружевниц — ныне творцы своего счастья... Не то, что их бабушки, обреченные на беспространное существование, на тяжкий, невеселый труд, на эксплуатацию со сторо-

ны хищников, вроде кубенского купца Парамонова! И зачастую только песня, полная тоски, скрашивала их безрадостный труд....

И сегодня девушки-кружевницы поют. Я любуюсь ими, их работой и с восторгом слушаю их любимую песню:

Над селом всю ночь метель клубится.
Дом уснул и улица темна.
Только ты с восторгом, мастерица,
Всё глядишь на красоту окна.
Словно чудо сказку-небылицу,
Ту, что восхитительна до слез,
Для тебя, дивчина-кружевница,
Расписал старательно мороз...

В этих строках песни отражены поэзия творчества кружевниц, рождение их замечательных произведений, словно списанных с натуры у чудесной художницы — природы Севера.

там, где творил
Дионисий

«АФИНЫ» БЛИЖНЕГО СЕВЕРА

ОДОБНО Афинам, влекущим и лоныне своими изумительными сооружениями и мраморными скульптурами, Ферапонтово является ныне памятником древней живописи и зодчества; тысячи художников, зодчих и ученых приезжают сюда, чтобы изучать великое наследие древней русской культуры.

И в самом деле, нигде больше не сохранились фрески Дионисия, мастера, имя которого мы называем обычно вслед за Андреем Рублевым. Оба эти художника дороги нам, как предтечи эпохи Раннего Возрождения на Руси, как провозвестники большого русского искусства.

Мы приближаемся к Ферапонтову. Слева от дороги тянется Бородавское озеро с его живописными заливами и островками. А справа рисуются на пригорках поля, перелески, и всюду, куда ни взглянешь, видны характерные приметы этого края — огромные валуны.

Вечером, после прогулки на лодке по спокойному сегодня озеру, мы сидели в гостях у одного ферапонтовского старожила, бывшего учителя, отдыхающего сейчас после долгой трудовой жизни. Как много знает этот моло-

дой сердцем, оживленный и бодрый седоусый человек! Его рассказ о прошлом слушался нами, словно увлекательнейший роман.

СТАНОВЛЕНИЕ И БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ МОНАСТЫРЯ ФЕРАПОНТОВСКОГО

ФЕРАПОНТОВСКИЙ монастырь основан «преподобным» Ферапонтом. Ферапонт был знатного рода, неискусен в грамоте, но энеричен, смел и опытен во всякого рода путешествиях «на потребу монастырскую», то есть в делах, выгодных для монастыря. Путешествие его на Белоозеро, весьма трудное в те годы, совершено было в качестве «соглядатая». Монахи, обладая «здравым умом», видели в этом краю не только болота и леса, но и «мед и млеко». Предприятие в виде монастыря сулило монахам материальные выгоды. К тому же это были годы, когда уже назрела и осуществлялась идея централизации Руси.

Ферапонт вырубил лес на холме, расчистил место, обнес его оградой, построил часовню и келью. Скоро к нему стали собираться монахи. Об этом узнал князь Можайский и Белозерский Андрей Дмитриевич. При его помощи началось быстрое расширение монастырских земельных угодий — лугов и лесов, пашен и пожинок,сел и деревень.

Но вот, организуя новый Лужецкий монастырь в Можайске, князь Андрей вызвал туда Ферапонта¹⁾. Хозяином монастыря стал игумен Мартиниан. Под его руководством монастырь быстро расцвел, заняв второе место после Кирилловского монастыря во всем Белозерском крае. Позднее Мартиниан был назначен в игумены Троице-Сергиевского монастыря, и настоятелем Ферапонтов-

¹⁾ Ферапонт умер в этом монастыре в 1426 году.

ского монастыря стал молодой монах Иоасаф, в мире князь Иван Оболенский.

В записях семейного рода князей Оболенских, хранящихся в списке у одного кирилловского старожила, рисуется история превращения в «чернеца» этого юноши из знатной семьи¹).

Будучи игуменом Ферапонтовского монастыря, богатый князь построил в 1486 году в селе Бородаве ту самую церковь, которая ныне находится на территории Кирилловского музея.

Как сообщают упоминаемые нами записи, именно Иоасаф Оболенский и пригласил сюда Дионисия. Вероятно, Оболенский был знаком с работами Дионисия в Успенском и Благовещенском соборах Московского Кремля и высоко ценил его кисть²).

Приглашение гениального мастера в Ферапонтово явилось самым выдающимся событием в истории монастыря. К сожалению, это событие стало известным лишь в начале текущего столетия.

Первым, кто «открыл» здесь произведения Дионисия, был искусствовед В. Т. Георгиевский, побывавший здесь в начале XX века. Он и утвердил авторство этих фресок за Дионисием в своей книге «Фрески Ферапонтова монастыря», изданной в Петербурге в 1911 году.

С Ферапонтовым монастырем, помимо уже упомянутых выше, связан ряд исторических событий и лиц. Здесь находился греческий князь Константин, один из защитников Константина Поля, переживший горечь сдачи его туркам. В Ферапонтове в 1528 году молился князь всея

¹) Эта же легенда с незначительными отклонениями напечатана местным историком И. Бриллиантовым в журнале «Странник» в конце прошлого столетия.

²) Игумен Иоасаф умер в 1513 году и похоронен в Ферапонтовом монастыре. Могила Дионисия, умершего на несколько лет ранее, вероятно, находится там же.

Руси Василий III. Иван Грозный был дважды в Ферапонтове: в 1547 году, когда царю было всего лишь 17 лет, и уже зрелым покорителем Казани — в 1553 году.

Так же, как и Кирилло-Белозерский, Ферапонтовский монастырь служил тюрьмой главным образом для духовных лиц. Здесь находился в заточении с 1666 по 1676 год патриарх Никон.

Развивая политику освоения ближнего и дальнего Севера и закрепощения населения края, великие князья и первые цари Руси всемерно содействовали организации все новых и новых монастырей. Так, в XVI веке только на ближнем Севере было двадцать монастырей!

Ферапонтовский монастырь в области стяжания благ земных не отличался от своего все же более удачливого собрата — монастыря Кирилловского. В 1435 году князь Белозерский Иван Андреевич подарил монахам посад Крохино, стоявший в истоке реки Шексны, а поэтому ценившийся очень высоко. Это было началом накопления земельных угодий монастыря, получившего вскоре и другие села и деревни, первое время на территориях крупных в те годы местных волостей. Князья московские подарили монастырю в последующие годы около 50 деревень. Уже в начале XV века в распоряжении Ферапонтовского монастыря находился ряд озер и рыболовных тонн, причем монастырь был освобожден от «рыбного оброка». Наконец, в целях дальнейшего административного закрепощения населения, монастырю предоставлено было право суда над своими крестьянами. Помимо дарений, монастырь покупал земли не только в Белозерском крае, но и в Дмитровском, Костромском и Галичском уездах.

Ферапонтовские монахи, подобно кирилловским, не брезгали никакими средствами в целях приобретения земель и крестьян. История о том, как монастырь «оттягал» за три рубля крестьянскую деревню Шуклино, получила даже отражение в документах тех лет.

Пользуясь дарованной князьями властью «судить и миловать» своих крепостных, однако «опричь душегубства», монахи безжалостно закабалили население. Среди крестьян назрело сильное недовольство, вылившееся в 1650 году в восстание карелов, переведенных сюда из Олонецкого края.

В 1684 году около пятидесяти семей «бунтовавших» карелов, поселенных в деревне Вазерницы и других, были «за то ослушание выдраны, а пятеро заводчиков ихних биты кнутом, а пятеро батогами нещадно».

«Собирая землицу под монастырь», монахи все более усиливали экономический гнет крестьянства. Они лишали крестьян права ловить рыбу в озерах, например, в Уломском озере. Крестьяне подали жалобу на монахов, но князь Белозерский Михаил Андреевич жалобе этой «не внял».

Монашеская алчность простерлась даже до захватов издавна принадлежавших крестьянам пожен. Самовольный выкос крестьянских лугов заканчивался зачастую кровавыми столкновениями, как это произошло близ деревни Фефелово.

Мало того, безуспешно соперничая с Кирилловским монастырем, Ферапонтовские старцы пытались урвать кусочек угодий и у монахов кирилловских. В 1450—1451 годах на пожнях, «что тянули», по мнению монахов-ферапонтовцев, к их деревне Вазерницам, происходили настоящие сражения. Старцы кирилловские сражались с ферапонтовскими. Обе стороны «кололи и сметали в воду» не только живую силу, но и амбары противника.

Основной причиной процветания кирилловского монастыря было наличие собственного «чудотворца» — Кирилла Белозерского, пользовавшегося большой известностью в округе. В 1514 году такой «святой» объявился и в Ферапонтове.

В 1514 году скончался игумен Иоасаф (Оболенский).

Копая для него могилу, монахи по странной небрежности повредили гроб Мартиниана. И вдруг из гроба полилась вода. Но не простая, а, как сообщает монастырский летописец, «несть ее вид, яко же есть земным водам естество, но чиста бяше всяко и светла, якоже слеза некая».

Но самое поразительное — это то, что труп покойного настоятеля оказался «нетленным!». Так объявились в монастыре свой собственный святой и его «моши».

На хлынувшие вместе со «святой» водой доходы монахи построили на месте часовни и гробницы «святого» церковь. Она стоит и ныне. После великого «чуда» и появления в списках православной церкви нового святого начались годы процветания Ферапонтовского монастыря. Однако его благосостояние было подорвано в дни «лихолетья», или «смутного времени». Монастырь был разорен, двери храмов выломаны, в помещениях стояли лошади «ляхов поганых», заполнивших монастырские окрестности.

С тех пор монастырь уже не мог поправить свои хозяйствственные дела и занять прежнее место среди северной группы монастырей... Последний удар финансовому благополучию монастыря был нанесен его игуменом Афанасием и келарем Макарием Злобиным.

В 1671 году обнаружили, что наличность в казне монастырской упала до 4 рублей 9 алтын и 2 денег. Сумма эта, вполне достаточная в те годы для прожития населения целой деревни в течение года, была явно недостаточной для существования игумена, келаря, житчика, конюшего, двух священников, 38 монахов братии, 18 служек монастырских и «служебников» (то есть рабочих) в количестве 61 человека.

Желая укрепить бюджет монастыря, игумен Афанасий и келарь Макарий Злобин решили съездить в Москву просить царя Алексея о вспомоществовании. При-

хватив с собою остатки казны и нагрузив несколько подвод хлебом и мясом, оба путешественника отправились в путь. Едучи в Москву,— сообщает документ, отражающий похождения этих монахов,— взяли они в Вологде на дужечном дворе 15 ведер вина и дали на него кабальную запись.

Неторопливо продвигаясь к цели, веселые путешественники гуляли и в Ярославле, и в Ростове, и у Сергия Радонежского, и в Хотькове. Прибыв в Москву, келарь и игумен стали распродавать хлеб и мясо, а «деньги брали себе и вино покупали». Не добившись приема у царя и прогуляв все запасы, стали они занимать деньги направо и налево. Когда же кредит иссяк, келарь Злобин «заложил двор монастырский в Москве за 85 рублей...»

Эта история дошла до наших дней в виде жалобы братии Ферапонтовского монастыря царю Алексею Михайловичу... Поведение духовных пастырей монастырских являлось ярким свидетельством паразитической сущности монастырей.

В конце XVIII века монахи обратились в высшее духовное учреждение Российской империи— Святейший синод со слезным прошением о помощи. Они указывали на разрушение многих храмов и невозможность их «подновления» за отсутствием средств. В своей «слезнице» монахи обращали внимание синода на малые доходы монастыря. Ответ, полученный монахами, поразил их, словно громом. Синод сообщил свое решение, принятое 28 апреля 1798 года:

«... тот штатный Ферапонтов монастырь, яко требующий на возобновление в нем ветхостей великих казенных издержек, в отвращение оных, упразднить и обратить в приходскую церковь, братию же перевести в другие монастыри».

Так, через четыреста лет после основания, закончил свои дни Ферапонтовский мужской монастырь.

Период времени от закрытия монастыря до шестидесятых годов прошлого столетия был периодом дальнейшего разрушения всех архитектурных сооружений, находившихся здесь.

В 1904 году монастырь снова был восстановлен. В эпоху революционного движения, охватившего Россию, царское правительство стало усиленно поддерживать монастыри, как несомненные оплоты самодержавия. На этот раз в Ферапонтове был организован женский монастырь. Здесь поселились около сотни «сестер».

В мае 1918 года, когда по декрету молодого Советского правительства все монастыри были взяты на учет, в момент приезда из Кириллова комиссии по описи монастыря раздались звуки набата. Быстро собралась толпа, состоявшая из кулацких прихвостней и монахинь. К этой толпе обратились с кликушеской и провокационной речью игуменья и приближенный к ней «пастырь духовный».

Но вскоре около монастыря снова собирались жители окрестных деревень. Они требовали, чтобы монахини, следя учению Христову, поделились изобилием хлеба, спрятанного в монастырских кладовых. Благочестивые сестры клялись господом-богом, что они сами голодают и у них нет хлеба. Но крестьяне ворвались в монастырь и обнаружили не только запасы зерна, которого быхватило на всю округу, но и много выпеченного и уже покрывшегося плесенью хлеба. В постановлении крестьян по этому поводу было сказано: «Надо гнать всех монахинь из монастыря!..»

ХРАМЫ МОНАСТЫРСКИЕ

ВЪЕЗД на территорию бывшего Ферапонтовского монастыря расположен с севера, а вход с запада — от озера.

Церковь Благовещения (1530—1536 гг.).

Фото А. К. Ведрова.

С галереи, находящейся перед Святыми воротами, расстилается вид необычайной красоты. Внизу шумит Бородавское озеро. В просветах мчащихся с севера туч все чаще и чаще показываются куски прозрачной синевы... На юге уже изумрудными в лучах солнца кажутся леса. Где-то там находится древняя Ильинская, или Цыпинская, церковь, а за нею — озера и озера...

Внизу под нами группа домиков. Здесь в старину расположена была монастырская мельница, колеса которой вращались силой извилистой ранее речки, ныне текущей в предписанном ей русле. На островках посредине Бородавского озера — группы высоких деревьев. На берегах, уходящих к западному горизонту, — деревни, «мельницы крылаты», рощи, поля.

Две полукруглые арки, словно придавленные громадой камня, — это и есть Святые ворота. Между арками — доска с напоминанием о том, что весь комплекс сооружений бывшего монастыря ныне является собственностью государства.

В 1925 году здание Рождественского собора, имеющее наиболее художественное значение, было передано в ведение Главнауки, монастырь же закрыт только в 1930 году. С тех пор вся территория бывшего Ферапонтовского монастыря вместе со всеми его храмами стала филиалом Кирилловского историко-художественного музея.

Над арками расположены миниатюрные храмы Богоявления и Ферапонта с оригинальными шатрами удлиненной, почти готической, формы, обшищие панцирными плитками и увенчанные небольшими главами.

К сожалению, до сих пор не открыты заделанные монахами окна храма и круглые «верхние светы» над ними. Это обстоятельство, несомненно, искажает облик входного ансамбля.

Справа от входа в монастырь виднеется каменная

Рождественский собор (1491 г.). Слева — церковь Мартиниана (1640—1641 гг.), справа — колокольня.

Фото А. К. Ведрова.

двухэтажная пристройка. Комната нижнего этажа служила сторожкой, а в помещении над нею, в мрачной тесной клетушке с крошечным окном, жил некогда в заточении патриарх Никон.

Еще правее этой довольно уродливой постройки тянется огромное здание — Сушило, построенное в 1554 году и игравшее важную хозяйственную роль в жизни монастыря. Здесь сушились сети, которыми монахи ловили рыбу, а также стояли жаровни для заготовления рыбы впрок.

Но пройдем Святые ворота и выйдем на территорию монастыря. Отсюда мы можем подняться по лестнице в надвратную церковку, построенную в 1649 году. Цер-

ковь эта разделена внутри аркой. На северную сторону выходит придел Богоявления, на юг — Ферапонта. Длина обеих церквушек равна всего лишь 10 метрам, а их ширина от иконостаса до западной стены — только 3 метрам. Алтари церкви, расположенные рядом, — и того меньше. Клиросов в обеих церквях нет.

Следующей церковью, которую мы осмотрим, является Благовещенская, с трапезной, примыкающей к ней с западной стороны. Это небольшая зимняя церковь, постройка которой была завершена в 1534 году в царствование Ивана Грозного. Она имеет в плане вид прямоугольника. В главе церкви ранее находилось казнохранилище, ход куда ныне замурован. Церковь Благовещенская соединена каменным ходом с холодным Рождественским собором. Посредине хода расположена колокольня, построенная в XVI веке.

На колокольне ранее стояли башенные часы, бой которых регулярно оглашал окрестности. Шатер колокольни, обшитый так же, как и надвратные шатры, увенчан небольшой главой. В самой звоннице — восемь проемов, по два в каждую сторону света. В середине упоминавшегося хода устроена арка, ведущая в северную часть монастырских владений. От нее идет ряд ступеней налево — в паперть Благовещенской церкви и направо — в Рождественский собор. Здание Рождественского собора с трех сторон окружено папертю-террасой.

Несмотря на некоторую суровую прямолинейность очертаний, Рождественский собор производит теплое радостное впечатление. Этому содействуют, вероятно, и скромные, но подлинно художественные украшения в виде узорного кирпичного кружева, красноватых изразцов и баллясин¹).

¹) Точно такие же изразцы и баллясины украшают храмы в Угличе и Москве, что свидетельствует о наличии их стандартного изготовления.

Узор Рождественского собора.

А теперь войдем в Рождественский собор, где ожидает нас самое главное, что влечет в Ферапонтово тысячи экскурсантов. Это — всемирно известные фрески «Дионисия иконника со чады».

Предпошлем осмотру краткое вступление, в котором еще раз вспомним имя великого художника древности Андрея Рублева.

Нам, советским людям, известно, как высоко ценил русское искусство Владимир Ильич Ленин. Вскоре после победы Великого Октября он подписал исторический декрет о «монументальной пропаганде». В списке «великих людей в области науки и искусства», упоминаемых в этом декрете, почетное место занимает и имя Рублева.

Ныне на территории бывшего Андроникова монастыря в Москве создан музей-заповедник имени Андрея

Рублева. В этом монастыре жил, творил и здесь же похоронен величайший мастер мировой живописи, каким почитается в наши дни «чернец» Рублев.

Столь высокое уважение советских людей к памяти Рублева вызвано не только тем, что это был выдающийся сын народа. Этот живописец дорог нам как один из основоположников подлинно народного искусства Руси. Рублев ценен нам и тем, что в годы, когда существовать могла только церковная живопись, он смело откинул аскетически холодное, безжизненное направление ее, придал ей черты народности.

Вторым именем, по праву называемым нами после Рублева, является Дионисий. Лучшие из его произведений, созданные в период наибольшей зрелости творчества, можно видеть только здесь — в Ферапонтове.

В те годы, когда творил Дионисий, редкий художник подписывал свои произведения. Но сохранилось бесспорное утверждение принадлежности ферапонтовских фресок Дионисию. Это надпись, выполненная вязью над северной дверью Рождественского собора¹⁾.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ ХУДОЖНИКА

ПЕРВОЕ упоминание имени Дионисия как живописца (так называли на Руси особо «изящных и хитрых» иконописцев) относится ко второй половине XV века. Как сообщает об этом архиепископ Ростовский Вассиан, распись новой церкви Боровского Пафнутьевского мона-

¹⁾ ...«В лето 7008 (1500) месяца августа в 6 день на Преображение Господа нашего Иисуса Христа начата бысть подписывать церковь и кончена на 2 лето месяца сентября в 8 день на Рожество пресвятые Владычица нашея богородица Мария при благоверном великом князе Иване Васильевиче всея Руси, и при великом князе Василие Ивановиче всея Руси и при архиепископе Тихоне, а писцы Дионисий иконник со своими чады. О Владыко Христе, всех Царю, избави их, Господи, мук вечных».

стыря производилась живописцами Митрофаном и Дионисием (мастерами, «пресловущими в таком деле») и выполнена, по оценке архиепископа, «чудно вельми».

То обстоятельство, что имя Митрофана поставлено Вассианом первым, говорит о том, что Митрофан был старшим и, очевидно, более опытным мастером. Есть основания предполагать, что именно он и являлся учителем Дионисия и что оба — и учитель и ученик были последователями славной школы Рублева.

История не сохранила нам почти никаких биографических сведений об этом замечательном художнике древней Руси. Известно только, что Дионисий — «мирянин», что он был женат, имел двух сыновей — тоже художников — Феодосия и Владимира, что во время росписи Пафнутьевского монастыря ему было около 25—30 лет от роду.

Роспись в Пафнутьевском монастыре привлекла к себе внимание великого князя Ивана Васильевича, и он «дивился», то есть восхищался ею. Вассиан, архиепископ Ростовский, был в это время личным духовником и советником великого князя. Вероятно, именно по настоянию Вассиана и был в 1482 году приглашен Дионисий к работе над иконостасом нового Успенского собора в Московском Кремле, воздвигнутого зодчим Фиоравенти.

Восьмидесятые и девяностые годы творчества Дионисия почти не отражены в документах эпохи. Лишь отрывочные, зачастую косвенно относящиеся к его биографии факты найдены были историками после долгих и упорных поисков.

В эти годы иконы Диописиева письма были предметами, обладать которыми стремились и князья, и знатные бояре, и монастыри. Дионисий с сыновьями выполнял заказы не только для Москвы, но и для ряда монастырей Руси. Его иконы появились и в далеком Спасо-

Каменном монастыре, что на Кубенском озере, и в Кирилловском, и в Павловском Обнорском близ Вологды, и в селе Городище — вотчине епископа Коломенского, и во многих других местах.

Что же побудило Дионисия бросить столицу, где жил он, окруженный почетом? Какая причина содействовала решению, в результате которого шестидесятилетний старик оказался здесь, на Севере?

История не дает объяснения этого вопроса, а поэтому призовем на помощь одну из легенд, бытовавших в округе Ферапонтова.

Дионисий лишился близкого человека — Екатерины, матери его детей. Это потрясло художника до потери способности творить. Все в Москве напоминало ему о невозвратимой утрате. И художник уехал на Север. Полная свобода творчества была предоставлена ему здесь. Он не ощущал за своей спиной настороженного взгляда монаха, придирчиво проверяющего работу живописца. С просветленной душой творил здесь, вдали от шумной Москвы, великий художник. И рядом с ним, на соседних подмостках, работали его сыновья — любовь и гордость Дионисия, которым мечтал передать он свое мастерство.

Фрески великого мастера в большинстве посвящены светлому образу Матери.

Над вратами, ведущими в церковь, изображена богоматерь, молящаяся перед престолом сына за все сущее на земле — за весь мир. Ниже этого произведения, полу-закрытого, к сожалению, лесами, перед зрителем открываются еще две фрески, также посвященные богородице.

Еще ниже, справа и слева от дверей, написаны ангелы со свитками. Один из них записывает имена входящих в церковь, другой — художник. Под ними два знаменитых дионисиевских круга с орнаментом. Как ут-

Образцы орнамента с фресок Ферапонтова монастыря.
Копия работы художницы Казанской.

верждают некоторые источники, Дионисий, рука которого и в шестидесятилетнем возрасте была уверенной и твердой, наносил их без циркуля — на глаз.

Став в середине храма, мы увидим в куполе его огромное изображение грозного ветхозаветного бога Саваофа. Ниже купола, на «парусах» сводов храма, видны фигуры евангелистов. В «замках» сводов рисуется жизнь Христа по содержанию церковных притч — рассказов о нем.

Во «лбах» арок изображены беседующими «богословы»: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. На самих же арках — в медальонах — различные святые православной церкви.

На втором снизу ярусе столбов, поддерживающих своды, и стенах храма располагаются фрески, посвященные основной теме Рождественского собора. Эти фрески, прославляющие жизнь Марии-богоматери, — своеобразная серия иллюстраций к церковным песнопениям лирического акафиста «О тебе радуется». Диони-

сий прославляет в этих фресках не абстрактную церковную богородицу, а святую для каждого человеческого сердца мать. Стесненный рамками церковных канонов-штампов, художник преодолевает их силою своего огромного таланта. Перед нами женщина, страдающая, ходящая по мукам, глубоко человечная, любящая людей, жалеющая их. Эта тема в толковании Дионисия овеяна грустной любовью к своей героине.

Круг картин (иначе мы не можем назвать эти произведения) начинается в алтаре. Здесь изображены два «Благовещенья», сюжетом которых является первая весть деве Марии об ожидающем ее великому предназначении. Семнадцать монументальных фресок — лучшие из ферапонтовских работ Дионисия — посвящены образу Матери. Это лебединая песня стареющего художника, в которую он вложил всю свою душу.

Продолжая ознакомление с живописью храма, мы увидим в первом ярусе столбов, над фризом из медальонов, украшающих их, фигуры «воинов церкви». Никитамученик, Федор Стратилат, Федор Тирон — это прекрасно выписанные, снабженные всеми аксессуарами эпохи помпезные фигуры. Однако в них нет ничего воинственного, кроме, например, тонкого символического копья у Никиты и не менее условного меча у Федора Тирона. Нет у них и изображения креста — обязательного в церковной трактовке этих образов. Единственным признаком «святости» является нимб — круг над головой. Да и тот написан не в манере Дионисия, а подчеркнуто резко, очевидно, в угоду благочестивым заказчикам.

Не будем перечислять всех произведений Дионисия, украшающих Рождественский собор. Их около сорока. Но мы несомненно остановим наше внимание на ряде монументальных фресок. Это «Брак в Кане Галилейской», «Причта о неключимом рабе», «Причта о неимущем одеяния брачна» и другие.

В алтаре, точнее в его «диаконнике», мы увидим поясное изображение Николая Мирликийского. По обычанию церковных иконописцев, Николай изображался грозным стариком с суровым взором, вселяющим страх. В изображении Дионисия — это старец с высоким лбом мыслителя, мудрым и теплым взглядом, смотрящим в упор на зрителя. Чем-то неуловимо напоминает он стариков, каких и сейчас можно встретить в окрестностях Ферапонтова...

Было бы непростительно покинуть храм, не увидев ангелов Дионисия. А они, как и подобает небожителям, находятся очень высоко, и путь к ним сложен и даже опасен.

С этой целью надо подняться на колокольню, спуститься на конек железной крыши собора и через окно проникнуть в храм. Но это только первая часть пути. Вторая еще труднее. Для того, чтобы попасть в барабан купола, надо пройти по узкому настилу из двух гнувшихся досок...

Ангелы, интересующие нас, изображены в простенках между окнами барабана. Вначале они кажутся совсем одинаковыми. Оба с густою копью темных волос, чуть перехваченных лентой, оба в одинаковых туниках.

Голова ангела.
из Ферапонтова монастыря.

Но присмотритесь к ним, и вы обнаружите резкое несходство, несмотря на идентичность деталей обоих. «В самом деле, — думал я, — эти ангелы или написаны разной рукой, или один из них исправлен более опытным мастером».

Возможно, что правы те, кто утверждает, что сам престарелый художник, а ему уже было шестьдесят с лишним лет, писал только наиболее «видные» фрески. Все остальное написано было его сыновьями. Предположение моего знакомого художника состояло в том, что обоих ангелов писал не Дионисий, а его сын Владимир, но к лицу второго ангела явно прикоснулась потом кисть самого Дионисия. Чуть-чуть поправил мастер это лицо, и оно ожило!..

Я стоял в пустом предвечернем храме, и мне очень хотелось увидеть мысленно Дионисия за его работой...

... Да вот он, этот старичок в сером холщовом балахоне, с черной шапочкой на голове. Художник долго стоит в раздумье перед сырой ровной поверхностью стены и, словно увидев будущее изображение, уверенной и сильной рукой наносит первый штрих, второй, третий. Что-то подправив, он берется за кисти и быстро покрывает пространство, ограниченное контуром, легкими трепещущими дионисиевскими тонами.

«Свеша», прикрепленная к лестнице, опирающейся на легкие леса, горит, колеблясь, и так же колеблются, словно живые, фигуры, появляющиеся на стене. Пользуясь отсутствием блюстителя-монаха из Москвы, художник допускает вольности в пейзаже. На картине, действие которой развивается в Палестине, появляются здешняя ферапонтовская сосенка или чуть покосившаяся избушка. Вспоминает виденное в окрестной деревне лицо мужика и эти запомнившиеся черты отражает на лице «святого»...

Перед уходом из храма еще раз остановимся в центре его и бегло осмотрим фрески, изображенные на его стенах и столбах. Обратим внимание на то, как владел Дионисий чувством соразмерности фигур и удаления их от глаз зрителя. Качество это отсутствовало у многих мастеров тречento и квадроченто Италии, подобно Дионисию расписывавших храмы и дворцы. Но самое поражающее, что волнует в творчестве художника, — это чудесные переливы его изумительных красок. Вспомним, что взяты они у великолепнейшей художницы — у природы любимого нами Севера.

Великий Рублев мог видеть за стенами осажденного татарами Андроникова монастыря ненавистного монгола-кочевника, скачущего среди лесов, окружающих Яузу; он знал, что Владимир, где недавно творил он, уже разрушен врагами. И суровая тень эпохи скорбной печалью легла на живописные произведения Рублева.

Другой, более радостной, была эпоха Дионисия, жившего в более счастливые для Родины годы, и это повлияло на его творчество — лирически спокойное и радостное, однако с легким оттенком затихающей с годами личной грусти. Это направление ярко выражено в лебединой песне, созданной Дионисием на склоне его дней.

МЫ СОХРАНИМ ИХ!

ПРОГУЛИВАЯСЬ, я дошел до заросшего травою заброшенного кладбища. Там, где устало склонились серые от старости кресты, расположились трое художников. Они изображали на полотне девочку в пионерском галстуке, которая сидела на скамейке и плела венок из незабудок.

Я наблюдаю за мазками, наносимыми еще юным художником.

Неожиданно над нами с беспокойным криком проно-

'сится стая галок. Птицы явно обеспокоены чем-то, совершающимся на куполе Рождественского собора...

Взглянув на купол, мы заметили человеческую фигуру на церковном кресте.

— Это наш любитель-верхолаз... — слышу я голос директора музея, незаметно подошедшего ко мне...

Познакомимся, читатель, с товарищем Янусовым. Это высокий, худощавый, прихрамывающий пожилой человек. Нога у него была прострелена на фронте первой империалистической войны. Местный уроженец, в прошлом рабочий-лесоруб, плотовщик, затем учитель глухого села на севере Кирилловского уезда — такова биография Николая Полиэвктовича до революции.

Участник революционного движения, он с первых дней Октябрьского переворота содействовал становлению Советской власти на его родине. Долгое время работал председателем волисполкома, сельсовета, неустанно учась и жизни, и наукам. Старый член партии, он долгое время редактировал кирилловскую районную газету «Ленинское знамя» и вот уже более пятнадцати лет возглавляет историко-художественный музей. Срок это немалый, тем более, что за предыдущие двадцать лет в музее сменилось 15 директоров...

Все это молниеносно проносится в голове, а Н. П. Янусов уже заканчивает начатую фразу:

— ...Клепает раскачавшийся в основании крест... А потом еще нужно укрепить его перекладину и установить громоотвод.

Да, многое дается областными и районными организациями для спасения народных памятников зодчества и живописи. К сожалению, Министерство культуры РСФСР пока не принимает в этих работах почти никакого участия.

Просматривая «книгу посетителей» музея, можно встретить очень резкие записи. Зодчие, художники, педа-

гоги возмущаются по поводу состояния увиденных ими памятников живописи и архитектуры. Резкость тона этих записей вполне понятна, так как эти памятники, принадлежащие народу, имеют мировое значение.

Равнодушные к искусству, невежественные монахи не берегли памятников зодчества и живописи. Замечательные памятники русского древнего зодчества стали подвергаться разрушению.

В конце прошлого века художник-вологжанин В. В. Верещагин, отмечая эти разрушения, писал: «Страна наша бедна памятниками родной старины, и намеренно уничтожать их — значит осмысленно налагать руку и на русское искусство и на русскую историю».

В начале текущего века известие о разрушении памятников архитектуры и живописи в Кириллове и Ферапонтове дошло до сведения «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». Однако лишь в 1911 году была организована комиссия, в задачу которой входило выяснение вопроса о помощи монастырю по реставрации разрушающихся зданий и изыскание соответствующих средств на работы. Был организован комитет по сбору пожертвований, перешедший вскоре в руки предприимчивой игумении монастыря. Пожертвования стали поступать на ее имя и расходовались по ее усмотрению. Итогом деятельности комиссии и комитета явился ремонт главным образом зданий хозяйственного значения.

Вывод из этих фактов напрашивается сам собою: современному состоянию памятников архитектуры и живописи в бывших Кирилло-Белозерском и Ферапонтовском монастырях мы обязаны главным образом нерадивым монахам, их покровителям и равнодушию к произведениям искусства со стороны правительства и общественных организаций царской России. Комплексы строений и живописи обоих монастырей были унаследованы совет-

ским народом в состоянии хаоса и разрушения. Но это не снимает с нас обязанности приведения в надлежащее состояние произведений, созданных народом и являющихся сейчас собственностью трудящихся.

В ближайшие годы будут проведены большие работы по реставрации живописных и архитектурных памятников в Ферапонтовском историко-художественном музее. Государство отпустило на эти цели большие средства.

Каким же мыслится посещение Ферапонтова в недалеком будущем?

...Вы прибываете к цели на комфортабельном автобусе, по прекрасной дороге, затратив на это путешествие из Вологды всего лишь три часа. Вас ожидает в Ферапонтове гостиница, устроенная в двухэтажном здании бывшей школы. Заметим, что школьники учатся уже в новом здании в самом Ферапонтове. При гостинице работают столовая, буфет, имеются душ, ванна.

Территория архитектурного ансамбля обнесена восстановленной недавно оградой. Все строения полностью реставрированы, на каждом висит табличка, рассказывающая кратко о данном памятнике архитектуры.

Вы входите в Рождественский собор и с улыбкой отмечаете, что леса, безобразившие храм, уже убраны. По гладкому полу легко скользят легкие металлические раздвигающиеся лестницы. С их помощью можно увидеть любое из произведений Дионисия вблизи. Мало этого, по вашей просьбе любая из фресок может быть залита мощным потоком света.

Все фрески «освежены», с их поверхности удалены на слоения пыли, а грунт, на котором написаны фрески, навечно закреплен. Храм снабжается и зимой и летом воздухом такой температуры и влажности, которые наиболее содействуют сохранности живописи...

Расположенная здесь же туристская база организует походы по живописным окрестностям Ферапонтова, и вы

сможете побывать и на Соколиной горе и на волоке Словенском, совершив поездку в легендарную Чаронду...

Возглавляет художественный заповедник (подразумеваем под этим весь архитектурный и живописный ансамбль) известный советский ученый. В числе его сотрудников — молодые художники, будущие зодчие, искусствоведы...

Об этом мечталось в гулкой тишине Рождественского собора во время последнего посещения его, а глаз любовался в этот миг не частностями, исключающими иногда целое, а радостными бликами, смутно рисующимися в голубоватом полумраке храма. Бирюзово-синие, алые с огненным, оливковые с «прозеленью», золотисто-охристые, они создавали радостное, с легким оттенком заснувшей грусти настроение... Именно таким и ощущалось мною в минуты прощания с этим храмом творчество Дионисия, создавшего незабываемый, всегда волнующий душу народа, святой в его сердце образ Матери.

на горѣ
Соколиной

ВДАЛИ ОТ ПРОЕЗЖИХ ДОРОГ

П

ЩЕТНО искал я спутников для задуманного путешествия: желающих не оказалось. В тусклом небе неслись на юг серые облака. Волны, разыгравшиеся за ночь на Бородавском озере, с шумом выбрасывали грязную пену на берег. Ветер, однако, менял направление и, когда я переходил через плотину, подул мне справа — с запада. Но дождь все еще моросил.

На повороте большой дороги к Кириллову я свернул на проселок с размякшей после дождя глиной. Идти трудно.

Но по мере подъема на гору дорога становилась суще. Да и погода налаживалась. На западе показалась полоска голубого неба; ветер усилился, отгоняя облака на восток. Когда я подходил к лесу, с неба брызнули лучи солнца. Сразу же, казалось, повеселело все в природе. Огромные сосны, такие хмурые во время дождя, заулыбались, увидев редкого прохожего...

Слева на высоком плато, окруженном какими-то особенно разлапистыми елями, увидел я пустое место с еле заметными следами давно уже исчезнувшего жилья. Здесь еще полвека назад стояла усадьба местного исто-

рика Бриллиантона, автора многих книг о Кирилловском и Ферапонтовском монастырях.

Тропинка повела меня к Ильинскому озеру, на берегу которого стоит деревянная церковь, построенная еще в бытность Оболенского игуменом Ферапонтовского монастыря. «Интересно, — думал я, — какой она окажется?.. Мне говорили, что она никем не охраняется, стоит забытая в лесу... Впрочем, все ценности из нее, а в их числе и замечательная икона пророка Ильи, писанная красками на смоле, находятся в Кирилловском музее...»

Я сворачиваю с тропинки направо и, раздвигая кусты, цепляясь промокшими ботинками за высокую траву, выхожу на большую поляну. Вокруг высокие деревья, за ними какие-то каменные руины. А вот и деревянная громада Ильинского храма.

Присев на траву, я осматриваю церковь с западной стороны... Передо мной высокий восьмиугольный храм с крытыми папертями западного, южного и северного входов. При детальном осмотре я убеждаюсь, что построена она не при игумене Оболенском, а значительно позднее. Та стояла на возвышенности, возможно на том холме, где расположена была усадьба Бриллиантона, называвшемся ранее «церквищем». Этой же церкви не более двухсот лет, и все же она является замечательным памятником деревянного зодчества XVIII века. Ее западный крытый вход с папертью величествен по своим очертаниям. Над ним зияет черный провал круглого окна. Рама в нем отсутствует...

Я подошел к двери церкви. Массивная, тяжелая дверь висела на одной петле, упираясь своим низом в камень паперти... Церковь заброшена.

Отсюда я пошел к берегу Ильинского озера. Ветер совсем утих, и поверхность озера была зеркально чистой. Несколько островков с высокими елями были освещены ярким и теплым солнцем. На том берегу желтели ржа-

ные поля. Где-то на
глади озера видне-
лась лодка рыбака.

Просматривая
свою карту-двуихвер-
стку, я узнал, что в
это озеро впадает
речка Сапыга, теку-
щая по каменистому
руслу с горы, выте-
кает же из него реч-
ка Каменка, владаю-
щая в Пасское озеро.

Отсюда снова в
путь. Я иду по не-
уловимо петляющей
тропинке. Изредка
мое внимание при-
влекают алые пятна
среди травы. Это до-
спевает душистая ко-
стянка. На каждой
веточке пять-шесть
рубиновых ягодок-
огоньков. Как давно

я не пробовал их!.. Раздвигая траву под березами, ви-
жу оранжевые шляпки молодых векшарей. Отламываю
несколько из них, с хрустом отделяющихся от корня, но
мне их не в чем нести. Тогда я отделяю шляпки и нака-
зываю их на высокие сучки елей. Векши найдут их тут!

ЭТО — РОДИНА МОЯ!

ВСЕ труднее и труднее подъем.

Проселок убежал куда-то в сторону, к деревне Леуш-
кино. Я иду по еле заметной тропинке. Раздвигая кусты,

Ильинская церковь.

с трудом отыскиваю ее следы, теряю, снова нахожу тропинку. Изредка оглядываясь, я замечаю, как раскрывается, уходит вдаль горизонт. Вон уже заблестело на севере и Бородавское озеро, и снова стали рисоваться далекие шатры Ферапонтовских храмов. А внизу — за озером, среди леса — серой громадой возвышался Ильинский храм.

Лес становился все гуще и гуще. Наводя солнечную дремоту, одуряюще пахла хвоя. Изредка склон горы переходил в площадки, и легче становился путь.

Упорно, несмотря на усталость, продолжал я подъем на гору, точнее на ее хребет, тянущийся километров на восемь с северо-востока на юго-запад. Это — последнее ответвление и самое яркое проявление Олонецких возвышенностей на юге.

Высота возвышенности двести с лишним метров. Самая высшая точка расположена в густом лесу, выросшем за последние полвека. До этого здесь была часовня, поставленная купечеством во исполнение вины Озерного края. Ведь Рысаков, убивший царя Александра II, был здешним уроженцем...

Я пробираюсь к южному склону горы и ищу поляну среди лесов, откуда раскрылся бы во всю свою необъятную ширь далекий горизонт...

Но трудно отыскать такую поляну. Высокие деревья и кустарники всюду закрывают горизонт. Приходится отказаться от мысли увидеть всю картину целиком. Зато вот с этой, например, полянки раскрылся вид на север. Я вижу пройденный мною путь и Ильинское озеро. Вдали, на самом горизонте, открылась полузакрытая дымкой вершина. Сверяя направление по карте, я узнаю, что это гора Раменье, подобная той, на которой я нахожусь.

В поисках лучшей точки для обозрения родного края, я вышел на склон горы, обращенной к западу, с которого открывался великолепный вид на Кириллов. Белокамен-

ные стены крепости со всеми ее башнями виднелись вдали. Несмотря на двенадцатикилометровое расстояние, в прозрачном воздухе отчетливо вырисовывались храмы монастыря. Блестящие на солнце зеркала так знакомых мне озер: Лунского, Сиверского и Долгого — были ясно различимы. Я нашел и канал, и Поздышку, а вдали за Кирилловом и узкую ленту Шексны.

И всюду, куда ни взглянешь, мерцали воды озер в живописном обрамлении берегов с лесистыми островками на их глади. Несколько правее возвышалась гора Маура.

Лента Шексны убегает на север, туда, где скоро разольется новое «море», где волею народа-строителя зашумят вырабатывающие электроэнергию мощные турбины. Вся видимая на западе местность перемежается площадями, которые могут быть изображены на картине только при помощи кроны и светлой охры. Это — хлебные поля кирилловских колхозников.

За горой Маурой на берегу Шексны раскинулся небольшой поселок Горицы. Правее его синеет небольшая возвышенность Федосына городка, а еще правее, на северо-западе от горы, где я стою, еле угадывается взглядом мутное пятно Белого озера. Но Белозерск не виден отсюда даже в бинокль...

Пробираясь сквозь кустарник, я иду по горе, отыскивая новую полянку, откуда бы виден был юг. Не так-то легко найти такую. Приходится, жертвуя высотой, спускаться с горы, пока не окончится лес. И вот передо мною открылся широкий, идущий с востока на запад, пологий склон горы. Теплые массы воздуха, двигающиеся с юга, охватили меня.

Еще не глядя вперед, я постелил пальто, положил сумку на траву и растянулся. Усевшись поудобнее, взглянул вперед. Внизу виднелась огромная низменность. К ней опускались каменистые скаты горы. За долиной

раскинулся лесок, а за ним я угадывал Северо-Двинский, или по-старому канал «герцога Виртембергского»... «Что за дикое сочетание, — подумал я, — герцог Виртембергский в Белозерском крае!..»

Наведя бинокль, я проследил видимый мною участок канала и быстро нашел белое пятно, чуть ползущее среди деревьев. Это был пароход, идущий в Кириллов...

Впереди расстилалась огромная низменность, уходящая к Вологде. Я видел одновременно и туманное пятно далекого Кубенского озера, и Благовещенскую церковь села Волокославинского, и Никольское озеро, из которого вытекает река Славянка, и сельцо Сицкое за ней.

Только одна возвышенность разнообразила картину — это гора Рукинская. Сверяясь с картой, я быстро отыскивал в бинокль знакомые с детства селения: Талицы, Колкач, Дорогушу, Осаново, Кудрино, Закозье, находил знакомые озера и реки, а среди них и родную Порозовицу...

Все видимое — и озера и поля, и села и деревни, и леса и перелески, — уходя на юг, постепенно закрывалось голубоватой дымкой.

Это была картина древней Волокославинской волости, того самого Волока Словенского, который упоминается во многих рукописях прошлых столетий. И мало кто знает, что этой древней волости, оригинальнейшему уголку нашей родины посвящались еще в прошлом столетии специальные монографии, подобные труду Павлова-Сильвинского¹⁾.

Чем же замечательна эта волость, занимавшая прежде все видимое мною пространство? Прежде всего тем, что именно здесь лучше сохранились, чем в других местах, и древняя русская речь и старая песня. В этих селах и деревнях встречаете вы потомков свободолюбивых

¹⁾ Павлов-Сильвинский. Соч., т. III «Феодализм в Удельной Руси». СПб, 1910.

новгородцев и псковичан, покинувших далекую родину после уничтожения ее вольности. Поэтому именно здесь и оказывало население особенно упорное сопротивление монахам Кирилловского монастыря. В районе горы, на вершине которой я нахожусь, вспыхнуло восстание карелов против Ферапонтовского монастыря.

А там, в селе Волокославинском, в 1903 году возник первый в России революционный кружок из крестьян, учащихся и учителей, ставший вскоре отделением РСДРП Вологодско-Ярославской группы.

Не замечая времени, любовался я картинами природы родного края.

Темнело. Далекие села и леса окрасились багровым пламенем заходящего за горой солнца. В долинах легли синие тени, а кое-где в низинах показалась кисея тумана.

А когда еще темнее стало, вспыхнул «пожог» (так называется здесь костер), и в пламени его затрепетали верхушки деревьев. А там вверху, в необъятном космическом пространстве, ярко загорелись и не только серебряные, но и зеленоватые, и красноватые, и золотистые звезды. Соперничая с ними, вдалеком Волокославинском блестали электрические огни.

Я спускаюсь с горы, чтобы найти родник. Их много на этой горе. Камешки осыпаются при каждом шаге... Но вот и журчанье ручейка. В неглубокой ямке с белым известковым дном отражает ночное небо вода. Мой видавший виды плоский чайник, прошедший со мной на шлюпке весь Амур, побывавший и на Енисее, на самом Казачинском пороге, и в низовьях Ангары, захлебывается целебной, кристалльно чистою водой.

Довелось ли вам, читатель, пить чай, приготовленный на костре? (Я спрашиваю горожан — мои земляки засмеются в ответ на подобный вопрос). Ох, и вкусен же он!..

А долина уже вся покрылась белоснежным пологом тумана. Не спали еще только какие-то птицы, звонко щелкая и заливаясь тонким свистом. Но и они постепенно замолкли. Лишь изредка нарушал тишину дальний хруст ветки. Костер догорал...

Ночь была теплой, а сон — крепким и здоровым. Рано утром я проснулся от холода, но с ощущением бодрости во всем теле. И вместо того, чтобы идти по намеченному пути, я решил удлинить свой маршрут.

В ГОСТЯХ

ВОТ уже несколько лет собирался я побывать у своего земляка, местного мичуринца-садовода Николая Силантьевича Коновалова. «Очень бы желательно Вас увидеть у себя,— писал мне в последнем письме Николай Силантьевич.— От деревни Лещево до нас три километра, когда сухо, то дорога хорошая...»

И вот я еще раз просматриваю мою карту. Почти рядом со мной расположена деревня Леушкино, за ней Северово, а рядом с ней и Плахино. Тут же где-то и Лещево. Но карта моя, составленная еще в прошлом столетии (на ней нанесены даже такие пункты, как «господский дом» и т. д.), зачастую подводит меня. Поэтому я решаюсь в ближайшем селении тщательно проверить маршрут.

По тропинке, усыпанной мелкими камешками, иду мимо древних пещер. В них якобы «спасались от мира» какие-то схимники-монахи. Называлась эта часть горы Нестеровской. Немного выше пещер бьет ключ с необыкновенно чистой «как слеза» водой. Предполагалось использовать этот ключ как источник воды и устроить водопровод на ближайшую колхозную ферму. Почему-то это намерение пока не осуществлено.

Вхожу в деревню, прихотливо разбросавшую свои до-

мики по южному склону горы. Всюду пусто в домах. Колхозники, очевидно, в поле. Из окон одного из домов, около которого прислонены к забору два велосипеда, слышатся звуки марша.

Подхожу к окну. Окликнул хозяев.

Из окна появилось лицо этакого древнего пророка, какими изображают их в церковной живописи. Слегка выющаяся, пышная седая борода, тонкий орлиный нос, высокий лоб, испещренный морщинками, взгляд пронизывающий и строгий.

— А ну, входи, товарищ! — пригласил хозяин дома.

Широкое крыльце ввело меня в просторные и светлые сени, а оттуда я прошел в небольшую светлую переднюю; вешая пальто и мешок на вешалку, я успел заметить двери: одну на кухню, вторую — в просторную горницу.

— А ну, входи, товарищ! — послышался голос из горницы. Музыка прекратилась.

В горнице за праздничным столом сидели трое молодых людей, старушка, а в переднем углу — у открытого окна сам «пророк», которого уже я видел с улицы.

После обычных приветствий я занял место за столом. Рядом на полке стояли книги, кожаные старинные корешки которых сразу же привлекли мое внимание, и висела на полузацурченном шнуре электрическая лампа. Заметив мой взгляд, хозяин с гордостью воскликнул:

— Уже пятый год зимами лампочка Ильичева светит.

— А летом у нас светло круглые сутки, — добавила старушка и спросила меня: — Матушка-то ваша жива?.. Бывала я у нее в Волоцком-то. — Так по старинке называла она мое село Волокославинское. — Ведь у меня вишня-то из ее черенка и сейчас растет. Остальные-то вымерзли в позапрошлом году. Мороз больше сорока градусов ударили...

— Да, — подтвердил ее муж, — климат у нас стро-

гой!.. Ну, чего же вам налить? — предложил он мне. — Чистого или с настоем?.. — И, наливая рюмку, пояснил:— Давно уж в помине у нас этого не бывает, а тут сыны приехали.

— Какие сыны, старой. Путает все с сынами. Правнуки наши. Вот кто!

— Правнуки и то! Студенты. Этот вот инженером по железным дорогам будет... А чей ты будешь-то: Кириллов али Гришкин?

— Вот путаник старый, — возмутилась старушка. — Своего потомства не знает. Какой же он Гришкин. Гришкин в театре в Москве работает. А это Кирилла питерского сынок.

— Так разве всех упомнишь. Сколько ты сыновей-то нарожала?.. Шестеро! Сколько внуков-то было? Двадцать один! А правнуков — сколько?.. Вот и сама не упомнишь, старая, а тоже критику наводишь! Где наш альбом?

Один из внуков бросился в соседнюю горницу и появился с альбомом.

— Вот вся наша генелогия. Постарались мы с Анишей Мартемьяновной...

— Тыфу ты, греховодник. Каким в молодости был — таким и остался... — отплонулась хозяйка.

— Это вот, — не смущаясь, показывал мне глава дома, — этот ординарец при самом Семене Михайловиче Буденном был...

На фотографии с маркой воронежского «Ателье Шанцера» изображен был лихой всадник с обнаженной шашкой.

— А сейчас он где?

— Сейчас большой человек: совнархозом на Дальнем Востоке заворачивает... А этот — уж и не упомню именито его... Аниша, радио-то кто нам из Питера прислал?

— Ну, Кирька. Кто же?

— Кирилл, значит...

Я перелистывал альбом с семейными фотографиями, а хозяин пояснял: «Это моряк с Дальнего Востока... Это учитель, в Каргополе ребят учит. Это агроном...»

Студенты переглянулись.

— Дедушка, — воскликнул один из них, как я потом узнал, студент-кораблестроитель. — Может, про флот нам про старый расскажете?.. Дедушка, — пояснил он мне, — фельдшером в старом флоте служил.

— «Когда мы на конверте «Ковыряла» мыс Горний огибли...», — воскликнул самый смешливый из молодых людей — студент Московского литературного института.

— Чего, чего? — усмехнулся глава рода, — «Конверт Ковыряла»?.. Это ты, внучек, о корвете «Калевала» болтаешь. Так это, милый, ты о паруснике говоришь. Парусный-то флот уже скончался, когда я во флоте служил. Думаешь, подденешь деда-то, «писатель»?.. — И в отместку насмешнику-внуку, смеясь, продолжал: — Вот учат тебя на писателя. Кем же ты будешь — Толстым или Некрасовым?.. Не пойму я что-то, как это на писателя учить можно. Вон Лесков-то Николай Семенович, что сказал?.. Слыхал ты, писатель?.. Лесков-то говорит, что он сам научился писать, себе только обязан... А вы что смеетесь?.. — напустился вдруг старик на своих внуков. — Учиться-то вам теперь одна забава. Вон вам платят даже за это. Стипендия... Так вот, молодежь, — уже строго обратился старик к студентам, — вот кончайте ученье, да и приезжайте в свою деревню.

— А что же я тут буду делать? — воскликнул будущий «литератор».

— Как, что? В «Ленинском знамени» будешь писать! Вот возьму, да и затребую тебя к нам после экзаменов. В нашу газету!

Я не успел подметить реакцию на эти слова смешли-

вого литератора, так как за окном раздались задорные девичьи голоса:

Я любила троечку:
Петю, Ваню, Толечку,
А из этой троечки
Нет милее Толечки.

Студент-литератор — его звали Анатолием — покраснел. Молодые люди заулыбались, заерзали на сиденьях.

— Ну вот и невесты до вас пришли. Подите, погуляйте, — предложила хозяйка. — Проводите девушек!

И Толя и студент-железнодорожник (его звали Петей) ушли. Скоро их голоса раздались вперемежку с девичьими возгласами. Ваня-кораблестроитель остался было, но и он вскоре ушел к девчатаам.

Некоторое время мы сидели молча. Альбом перелистывала теперь хозяйка. Рассматривая без очков родные лица, она пришептывала и вздыхала о чем-то...

Скоро хозяин и хозяйка ушли отдыхать, а я, сидя один у открытого окна, с жадностью перелистывал пожелтевшие страницы редких книг...

За окном вечерело. Группа молодежи — девушек и парней с баяном — прошла по направлению к Ферапонтову. Я продолжал читать... Большинство книг были из библиотеки местного историка. Их бережно хранил наш хозяин.

Я ночевал в горнице, соседней с хозяйской. Меня поразило в ней обилие книг. Это были преимущественно русские классики, изданные в свое время А. Ф. Марксом как бесплатное приложение к журналу «Нива». Книги носили следы любовного к ним отношения, но отнюдь не играли роли украшения, судя по бесчисленным закладкам с пометками хозяина — их главного читателя. Самыми любимыми им были, очевидно, книги Н. С. Лескова.

Тут же в комнате стоял на почетном месте радиоприемник с батареями питания к нему. Из него и лились

вчера звуки марша при моем подходе к этому дому. Я уже знал, что с «питанием» приемника дело обстоит плохо — нигде в округе нет этих самых батарей. Поэтому летом, когда нет электричества, приемник включается только в 7 часов вечера, когда передаются последние известия из Москвы. Вчерашняя музыка была исключением, допущенным по случаю приезда правнуков...

Я читал, пока не наступила темнота и я перестал разбирать буквы. В ночном прозрачном воздухе сиреневой глыбой рисовалась за окнами Соколиная гора.

ПОЧЕМУ ЖЕ ОНА СОКОЛИНАЯ?

СОКОЛИНАЯ гора. Откуда пошло это название, упоминаемое в рукописях Бриллианта, в рассказах стариков и в старинных песнях?

Слоны этой горы, возвышающейся над местностью, некогда покрыты были густым лесом. Лес служил пристанищем для сокола — птицы самой сильной, самой «вооруженной» в птичьем мире. Здесь и ловились соколы для царской охоты. Особые чины — сокольники — приручали привезенных с Севера соколов, выучивали их ловле и добыче птиц во время царской охоты. Историк Забелин в книге «Преображенское» дал полную картину этого забытого ныне вида охоты.

Охота с соколами была особенно распространена при царе Алексее Михайловиче, когда существовал даже специальный Соколиный двор на Сокольничьем поле под Москвой. Сокольничим тогда был «весъма сведущий в этом деле» Афанасий Матюшкин. Он посыпал целые экспедиции для поисков и ловли соколов. Немало соколов ловилось и здесь, близ Ферапонтова на Цыпиной, или Соколиной, горе.

Откуда же пришла в древнюю Русь соколиная охота, какова ее история и может ли она возродиться у нас?

Колыбелью ее почитаются Китай и Индия, откуда через Персию еще за триста лет до нашей эры перешла она на Балканский полуостров. Там во время Александра Македонского занимались ею фракийцы. Оттуда этот вид охоты в IV и V веках, эпоху великого переселения народов, перекочевал на самый запад Европы — к кельтам. В эпоху крестовых походов (1096—1270 гг.) соколиная охота распространялась по всей Европе и на Руси. О существовании этого вида охоты упоминается и в законах Ярослава Мудрого, и в известном поучении Владимира Мономаха. Первенствующего в Европе положения соколиная охота на Руси достигла в царствование Ивана Грозного.

Уже в те годы соколы ловились на севере Руси, начиная от побережья Белого моря и до северной части теперешней Вологодской области. Здесь, на Соколиной горе, соколы жили на круtyх каменистых склонах. Ныне, после уничтожения леса, эти склоны сладились, ранее они были круче и менее доступными.

Цена соколов, добываемых здесь, доходила до необычайной в те годы цифры в 600 рублей. Эти соколы служили только царям да великим князьям, а также являлись ценными подарками зарубежным властителям.

Перед Цыпиной горой простирается до цепи озер, через которые проходит ныне Северо-Двинский канал, большая низменность. Она служит и сейчас местом гнездования разной водоплавающей птицы — обычной добычи сокола.

Наиболее распространенный вид сокола — сокол-сапсан, обладающий изумительной скоростью и дальностью полета. Одновременно сапсан отличается редкой маневренностью и мощным вооружением, делающим эту птицу опасным врагом даже для огромного по сравнению с ним гуся-гуменника.

Вооружением соколу служат не только мощный клюв, но и когти. Сложеные, они образуют еми — так назы-

щется в стариных книгах этот своеобразный нож. Он кренок, как сталь, и остр, как бритва. Сокол бьет птицу только на высоте. Заметив жертву, он набирает «большой поверх» — так определяют стариные книги превышение высоты. Подобно летчику-истребителю, идущему на таран, он пикирует на жирного голубя или на утку сверху и сзади по линии их полета.

В этот момент сокола не видно — слышен только смист разрезаемого полусложенными крыльшками воздуха. Эта живая пуля мчится на птицу со скоростью около 360 километров в час!

Ударом емей сокол разрезает и травмирует жертву и, схватив ее, уносит к себе в гнездо.

Живут соколы обычно недолго, погибая от удара при внезапном изменении полета их жертвы или во время брачных боев.

Самым могучим видом сокола является наиболее редкий в природе красный кречет. Эпитет «красный» применялся в народе как синоним определения «прекрасный». У сокола-кречета обтекаемой формы грудь, могучий клюв и острые еми. Крыльшки его коротки и, сложенные вместе, не достигают кончиками хвостового оперения. Это своеобразный прототип самолетов-истребителей — тех, что боролись в воздухе в дни Отечественной войны.

Мало кто знает, что и сами соколы воевали в дни минувшей войны, что существовало у наших союзников-англичан боевое соединение соколов-перехватчиков.

История этого соединения такова.

Еще до войны некий артиллерист запаса Боб Бромлей познакомился с сокольником Стивенсом¹). Стивенс имел собственного сокола и охотился с ним на птиц в прибрежных скалах Ла-Манша. Когда началась война и

¹⁾ В Англии и сейчас развита в народе охота при помощи прирученных (приносящих добычу хозяевам) соколов.

Бромлея призывали в армию, он узнал, что через Ла-Манш регулярно перелетают чьи-то голуби. Было очевидно, что фашистские шпионы отправляют таким путем свои донесения.

Как же перехватить этих голубей? Бромлей подает рапорт в Министерство авиации, предлагая использовать в качестве перехватчиков соколов. Предложение было принято, и Бромлей вместе со Стивенсоном принимается за ловлю соколов и обучение их перехвату. Прошло некоторое время, и соединение соколов приступило к «боевой» работе.

За три года этой работы соколы сбили над Ла-Маншем и доставили в штаб соединения немало голубей. У большинства из них были привязаны к шее шифрованные донесения вражеских шпионов. Так соколы содействовали борьбе со шпионажем.

О соколах можно говорить бесконечно, но вспомним в заключение о любви народа к этой птице, ставшей в народном творчестве эмблемой отваги и мужества.

Вспомним прекрасные русские песни, сказы, былины, посвященные соколу. Все они проникнуты любовью к этой неуемной и страстной птице. И не только мы, русские, но и другие народы посвящают соколу прекрасные песни и стихи...

— Но, — спросит иной читатель, — для чего автор отвел так много места соколу?

Да потому, что мы можем возродить соколиную охоту. Она может стать замечательным видом добычи птицы, которой так богат наш Север, новым и увлекательнейшим видом спорта...

ПЕРВЫЙ САДОВОД В ОКРУГЕ

ЗАМЕЧАЛИ ли вы, читатель, что у каждого жилища существует особое, присущее только ему лицо? Лица жилищ, как и людские, носят характерные для них вы-

ражения. Есть угрюмые и мрачные дома, есть напыщенные, с претензией на важность, есть жалкие и даже убогие.

Домик Николая Силантьевича Коновалова, казалось, улыбался приветливой улыбкой. Сад перед домом небольшой — только 12 соток, но каждый кусочек его использован разумно и умело... Все это заметил я, стоя у дверей жилища первого в этом краю садовода.

А вот и он. Выше среднего роста, статный, несмотря на свои 66 лет. Он в белой рубашке, заправленной в темные разглаженные брюки. Во всем его облике чувствуется простая и изящная аккуратность, свойственная людям его профессии — садоводам.

И вот мы в комнате, очевидно, парадной, предназначенней для гостей. За окнами видны румяные яблоки, красиво выделяющиеся среди пышной зелени сада.

За чаем с различными сортами ягод и варений льется задушевная беседа двух сверстников. Вначале Николай Силантьевич был несколько разочарован. Он иначе представлял внешность писателя. У его гостя, с которым он уже был знаком путем переписки, не оказалось ни седой бороды Тургенева, ни грифы черных волос Бальзака, ни проникновенного сурового взгляда Толстого...

Поулыбавшись по этому поводу, начали мы нашу беседу. По моей просьбе Николай Силантьевич рассказывал о себе.

В 1891 году в бедной семье крестьянина деревни Плахино Силантия Кузьмича Коновалова родился второй и долгожданный сын. Между первым и вторым рождались только дочери. Их было в семье пятеро.

«Вот и еще мужик на подмогу в хозяйстве родился», — порадовался Силантий Кузьмич. Но нерадостным было полуголодное детство крестьянского мальчика. Единственным светлым воспоминанием этих лет была школа. В школу «бегали» плахинские ребята очень да-

леко — в Цыпино. И в студеную зимнюю стужу, и в осеннюю непогоду, и в разливы ручьев весенних два раза в день совершались эти зачастую опасные путешествия.

Но в 1903 году ученье прекратилось. Мальчик стал работать с отцом. Еще будучи в школе, поддался Коля страсти сажать разные деревца возле дома.

— Гуляю я с мальчишками где-нибудь в поле, около овинов, в чащице лесной, — рассказывал Николай Силантьевич, — увижу рябинку молодую или черемушинку, и захочется мне ее с собой взять. Возьму лопату, выкопаю осторожно, принесу домой и на огород. И столько насажал, что отец стал меня бранить: «Довольно, Колька, всякую чепуху таскать — некуда скоро и картошку сажать!..» А Колька, — смеется Николай Силантьевич, — свое продолжает творить... Нашел я в лесу дикую яблоньку. Посадил ее в местечко теплое, от ветра укрытое. Холил ее, берег, и взялась моя яблонька! И вот однажды сорвал я с нее первое яблоко. Понес его в подарок маме. Прихожу, а она с отцом чай пьет. «Нате, говорю, первый плод из моего сада!..» Расцеловала меня мать, отец первый раз похвалил. Смеялись родители ласково... А яблочко-то кислое было — «кислицей» звали такие.

Понемногу из диких яблонек и ягодных кусточек развел мальчик сад. И со всей деревни приходили к нему попросить яблочка или ягодок для больных детей. Признали его как садовода!..

И вдруг произошло несчастье. Сухое лето, жаркое стояло. Дождей давно уже не было. Страшный враг деревни «красный петух» словно выжидал такого лета. Вспыхнул ночью пожар, ветер поднялся. Головешки огненные по всей деревне ветром раскидало. Загорелась деревня, и более сотни построек не стало к утру. Уничтожен был и Колин садик.

— Печальные дни наступили для нашей семьи, — слышу я голос человека с упорным выражением глаз. —

Надо было хозяйство восстанавливать заново. А силы-то у родителей уж нету былой. Всё на мои плечи легло... Работаю, а садик не идет из мыслей. Сколько радости он давал!..

После краткого, так понятного молчания Николай Силантьевич продолжает:

— И решил я садик восстановить. Только по-новому... Услышал, что живет в деревне Балуево садовод-любитель. Пошел к нему, познакомился. Много нового узнал!..

По совету Василия Павловича Бычкова (так звали любителя) посадил Николай Силантьевич осенью несколько семечек от дичков. А когда выросли леточки, привил их Бычков. Операция прививки была тогда откровением для будущего садовода. Стали расти и укрепляться молодые яблоньки. Ухаживал за ними Николай Силантьевич, забывая о пище и о сне.

— Приду, бывало, с сенокоса. Усталый, голодный. И прежде всего к своим «культурным» яблонькам схожу. Полью их, сорную траву выщиплю. Оторваться не могу... Рассадил их по порядку рядами, уход установил. Ягод всяких насажал... В деревне с насмешкой относились к чудаку. «Какие тут яблони, — говорили соседи, — сроду этого не было!..»

И вот настало лето, когда появились на яблоньках плоды. Счастливое, радостное, незабываемое лето! Кончились насмешки... Появилось желание подражать, учиться у соседа. Николай Силантьевич охотно помогал и советом, и делом. И у других скоро зацвели первые яблоньки.

Узнали о начинании Коновалова в Вологде. Получил он оттуда вызов. В Вологде впервые побеседовал любитель со специалистом — с ученым-садоводом. Он предложил Николаю Силантьевичу учиться. И вот в 1938 году 47-летний крестьянин уселся за школьную парту. Это произошло в городе Кадниково, на курсах по садовод-

ству, овощеводству и цветоводству. Сколько знаний дали ему эти курсы! Здесь, в Кадникове, и услышал садовод-любитель имя — Мичурин.

Это имя стало символом к дальнейшему повышению знаний, к вершинам любимого дела. И он достиг своего. Вскоре после окончания курсов Коновалова назначили межрайонным инструктором по садоводству. Реально ли было это, но в задачу молодого инструктора входила организация садов сразу в трех районах: Белозерском, Кубено-Озерском и Кирилловском.

С энтузиазмом взялся за дело Николай Силантьевич. Прежде всего он организовал межрайонный питомник, затем объехал ряд колхозов, и в некоторых из них были заложены сады. Настала суровая зима 1939—1940 годов, и часть молодых садов погибла. А в следующем году началась Отечественная война, когда уже не до садов было.

Пострадал зимой 1941—1942 годов и личный сад Коновалова: в нем осталось только десяток, да и то искалеченных морозом яблонек. Все остальные пришлось спилить и выбросить. И снова выращивал упорный садовод культурные яблоньки, подсаживал их, омолаживал ягодные кусты. Едва удалось спасти сад в 1955 году, когда мороз доходил до 42 градусов...

За окнами виднелась сочная зелень деревьев, выходящих, заботливо взращенных. Румяные, невиданные здесь плоды и ягоды, бывшие ранее только предметом роскоши в редких оранжереях помещиков, радовали взор. Заметив мой взгляд, хозяин произнес восторженно:

— А если бы вы видели его в цвету!..

Немного погодя, мы шли по саду, а его хозяин, заботливо подправляя что-то на ходу, ласково поглаживая некоторые ветки и, очевидно, не замечая этих привычных движений, одновременно объяснял мне:

— Это вот «красная сахарная». Не смотрите, что

невеличка: по шестьдесят килограммов дает... Это, — он указал на ярко-красные яблочки, густо осыпавшие ветви деревца, — это моя «китаянка крупноплодная». А рядом — тоже «китаянка», но «мелкоплодная». А вот и шаменитая «антоновка мичуринская», — сказал Николай Силантьевич, поднимая тяжелую ветку, усыпанную янтарно-желтыми плодами. — Этую я назвал «местной Бычковской» — в честь учителя моего... Есть у меня и «аркад зимний мичуринский», и «боровинка»... Всего двенадцать сортов яблок.

— А как урожайность?..

В молодом саду Горицкого дома инвалидов.

Фото А. Подосенова

— Да в прошлом году дали мне более шестисот килограммов.

«И это, — подумал я, — на неполных двенадцати сотках!.. Какие же доходы могут дать колхозам сады! Сколько богатых витаминами лакомств получали бы дети Озерного края...»

— А ягоды мои хотите посмотреть?.. Они уже созрели!.. Вот, попробуйте черную смородину. Это мой сорт «Лия плодородная». В прошлом году тридцать пять килограммов взято. А вот и моя земляника. Это номерная — в Вологодском плодоягодном питомнике достал.

В ягоднике пышно распустились кусты, усеянные огоньками словно светящихся ягод, похожих на чудо, созданное человеком на глинистой «тяжелой» почве.

Мы побывали и на том участке сада, где, подчеркивая бедность нашей природы, горели огнями далекие выходцы тропиков, яркие цветы, все еще чужды жилищу колхозника, не ставшие украшением его быта.

Между кустами летали пчелы, по поводу которых Николай Силантьевич, улыбаясь, заметил:

— Говорят, где сад, там и пчелы. Вот и я завел свою пчелопасеку. Всего двенадцать семей, а как оживляют они все кругом!

Вечером Николай Силантьевич рассказывал мне о своей жизни.

Нашего плахинского садовода знают все, кто интересуется садоводством и пчеловодством. Берут у него книги о садах, номера журнала «Сад и огород», который он выписывает вот уже двадцать лет подряд. Немало у него учеников в Кирилловском районе — начинающих садоводов, и всем он охотно помогает.

— Труды мои представлены были, — рассказывал мне хозяин, — на сельскохозяйственной выставке в Кириллове. — Любознательных людей, которые садами интересуются, там немало было. Подходит ко мне инженер

Соловьев — он постоянно живет в Горицах. Познакомились. Помог я ему яблоньками привитыми, кустами ягодными. Теперь у него на приусадебном участке сад хорошие урожаи приносит. Каждый год благодарит меня. Помог я и многим другим гражданам района и кирilloвским жителям. В Вологде в питомнике тоже имеются мои воспитанники.

— Ну, а в колхозах? — спросил я.

— Неважно в колхозах. Заинтересуются делом, горячо начнут, а потом охладевают. Сады без призора остаются... Нет еще правильного понятия о садах.

Самовар допел свою песню и замолк.

А я уже знал, что этот 66-летний энтузиаст, увлеченный идеей, до сих пор работает физически. Вся «механизация» его сада состоит из тяпки и лопаты. Знал я и о том, что у него нет зачастую дезинфекционных средств для борьбы с вредителями яблонь и извести для стволов. Борьба с вредителями ведется только при помощи печной золы.

* * *

Снова — в дорогу. Передо мною развертывается пейзаж родного края. Я верю, что скоро и здесь произойдут большие перемены. В связи с реконструкцией Волго-Балтийского пути исчезнут болота, прорыты будут новые каналы, по которым пойдут пароходы. Изменится и пейзаж. В колхозные села явятся красивые и удобные жилища, а в центрах их будут красоваться новые Дома культуры, школы и больницы, окруженные садами...

НА СЕВЕРО ДВИНСКОМ КАНАЛЕ

В ЭТИХ размышлениях я незаметно приблизился к Цыпиной, или Соколиной, горе, все еще полускрытой в утреннем мареве.

Перевалив через нее, я отдыхал близ деревни Гора. Отсюда виден был весь край от Шексны до Кубенского озера. Некоторые читатели усомняются: «Разве можно видеть так далеко?..» Но, зная чуть ли не наизусть каждый извив Северо-Двинского канала, пройдя по нему десятки раз еще полвека назад, я и в самом деле «видел» его...

Древний путь по воде из Шексны в озеро Кубенское (и в Северную Двину) использовался уже в XIII веке. Еще в 1242 году, как об этом свидетельствуют документы, белозерский князь Глеб Васильевич приказал спрятать Сухону. В 1260 году он совершил путешествие из Белозерска в Вологду. Буря, захватившая княжеские насады (лодки) на Кубенском озере, прибила их к Каменному острову. Здесь организовал князь Спасо-Каменный монастырь, призванный по его мысли содействовать колонизации дикого в те годы Заозерья — огромных пространств, расположенных за Кубенским озером.

Ныне здания Спасо-Каменного монастыря разрушены, но автор этих строк помнит их. Угрюмые и серые стены монастыря, казалось, парили над озером, словно оторванные от воды.

В прошлом столетии этот монастырь служил тюрьмой, но только для лиц духовного звания, подверженных запою.

Видя с Соколиной горы белесое пятно на горизонте — таким казалось мне оттуда Кубенское озеро, — я вспоминал пароход «Кубену». Это был одноэтажный, однопалубный пароход, ходивший между Вологдой и пристанями Кубенского озера. В Порозовицу он заглядывал редко. Общие каюты первого и второго классов и крохотное помещеньице, называемое громко салоном, помещались впереди. Одна из этих клетушек, вделанная отдельно, являлась «литерной каютой», предназначенной для знатных путешественников. Над этими помещениями

ми нависал потолок, по которому все время барабанили каблуки сапог.

Третий и четвертый классы находились в трюме, и попасть туда можно было только по узкой винтовой лестнице. Двое пассажиров не могли разминуться на ней. В третьем классе были нары, в четвертом пассажиры лежали вповалку на полу. Оба эти помещения освещались мутными, никогда не открывавшимися, полускрытыми водой иллюминаторами.

Был на пароходе и буфет, в котором продавалась главным образом водка, а на закуску вкрутую сваренные яйца. Из горячих блюд подавалась «солянка сборная» мясная, которую с горьким юмором описал Глеб Успенский, путешествовавший в конце прошлого века по Шексне.

После того как «Кубена» пришла в ветхость, между Вологдой и Топорней куцировал столь же небольшой пароход «Кириллов». Но и он ходил от случая к случаю, почти не соблюдая расписания.

Рейс «Кириллова» начинался в Вологде у пристани, стоявшей в те годы напротив здания реального училища. Медленно упывала назад горка с домиком Петра Великого; за ним тянулись однообразные здания села Турундаева, а далее — пустынные и низкие, поросшие ивняком берега, казалось, подчеркивающие пустоту и серое уныние тогдашней жизни.

Единственное, что удивляло в те годы на этом речном пути, был шлюз «Знаменитый» с плотиной, построенной в 1834 году. Плотина эта предназначена была для поддержания воды в Кубенском озере, но ее гидротехническое назначение не было совершенным. При переполнении озера водой зачастую нельзя было открыть плотину без опасения, что долина Сухоны с ее знаменитыми лугами не будет залита водой.

Около суток длилось в те годы прохождение парохо-

дом Кубенского озера с заходами в Устье Кубенское, Уфтигу, Новленское и в другие пристани. Ныне на это тратится только полдня.

Миновав озеро, пароход входил в Порозовицу, подолгу простоявал в ее шлюзах и, наконец, прибывал к пристани Благовещенье — цели моего сегодняшнего пути.

В наши дни рейс от Топорни до Вологды занимает около суток...

Продолжая путь, я быстро шел по болотисто-низменной местности, лежащей между горой и шлюзом Васняково. Где-то вдали у Кириллова изредка раздавались гудки парохода «Папанин».

Я перешел по лавам реку Итклу и увидел шлюз, обсаженный по берегам высокими деревьями, с аккуратными домиками служащих близ него. Как чисто и красиво здесь! Работники водного транспорта любят свое сооружение — свой «пятый» шлюз. Немало послужил «старик», пропустив через свою камеру десятки тысяч судов.

Шлюзы пользуются любовью и у населения. Вот и сегодня здесь людно и оживленно. Много встречающих пароход, уезжающих в Вологду пассажиров.

Медленно иду я на горку, возвышающуюся над местом, где Порозовица вытекает из озера. Над озером ласковое небо, за водной гладью знакомые с детства деревни, поля, далекий лес.

Положив сумку на лавочку, я смотрел вдаль, вспоминал вечера, когда впервые зазвучали над Порозовицей революционные песни. Их пели молодые в те годы учителя Волокославинской школы, и я знал, что почти всех их уже нет в живых...

Памятью зрения я видел череповецкого семинариста Георгия Павловича Деньгина — сердце и душу кружка, ушедшего отсюда в далекую ссылку на берег Карского моря; пылкого юношу, каким был его неуто-

мимый помощник и друг, — Виктора Сергеевича Боброва; организатора первой забастовки сельских рабочих в имении купца Маркелова — Николая Алексеевича Попова; юную Токареву из Суховерковской школы; учителя моего, внешне нескладного, всегда веселого Константина Федосеевича Белова; беловолосого подростка из деревни Сяминской — Ваню Хропова...

Вспомнил я и последний вечер, когда покидали родные места члены революционного кружка. Организация была разгромлена. Товарищи Деньгин и Попов находились в тюрьме. Мы стояли на борту парохода, медленно шедшего Порозовицей, и мысленно прощались с нашей родиной, многие — навсегда.

Так же, как и сегодня, ровно через пятьдесят лет, прошедших с тех пор, над Волокославинским сияло теплое и ласковое небо, так же звенели ласточки...

Долго сидел я на лавочке над Порозовицей. Напротив меня зеленело Колесо — островок, который полвека назад мы объезжали кругом на лодке. Сейчас он соединился с берегом, а на пустынном некогда поле виднелись ворота футбольной площадки. Гудок отвалившегося от пристани парохода развеял мои воспоминания.

Я встал и вышел на широкую улицу села Волокославинского. В воображении я видел его таким, каким оно было в последние годы прошлого столетия — в дни моего детства.

на волоке
Ловенском

ВЛАСТИТЕЛЬ ОКРУГИ

А ВОСТОК от Кириллова в 25 верстах,— сообщается в труде известного географа Семенова Тян-Шанского «Россия» (т. III — Северо-Западный край), — расположено волостное село Волокославинское... Неподалеку от него лежит селение Благовещенье с винокуренным заводом Маркелова, выкуривающим спирта почти на 40 тысяч рублей.

Мы совершим сейчас, читатель, воображаемое путешествие по этому селу, увидев его таким, каким было оно полвека назад. Начнем нашу экскурсию из Благовещенья.

...Мы обошли каменную ограду кладбища и, миновав двухэтажный серый дом, принадлежавший местному главарю черносотенцев Потанину, увидели дом владельца округи Зосимы Ивановича Маркелова.

Этот (и поныне стоящий) дом представлял собою особняк барского типа с большим мезонином над ним и застекленной верандой, обращенной в сад. К дому примыкала пристройка — еще один дом для женившегося недавно сына Ивана, устроенный с невиданным в округе комфортом. Окна дома выходили и в сад, и на

улицу, и во двор, в котором размещались склады товаров, конюшня, каретник, здание конторы и даже собственная баня.

«Сам», как по-купечески зовут главу дома, живет в мезонине, откуда виднеются кладбище и озеро, а также и вход в кирпичное здание — склад товаров и магазин. Другие окна выходят во двор. Ничто не ускользает от внимания хозяина: ни похороны на погосте, ни работа дворовых или складских рабочих, ни даже случайный покупатель, зашедший не в маркеловский, а в соседний магазин. Таким не будет больше кредита у Маркелова, их ждет немилость хозяина волости.

В зале маркеловского дома красовались портреты царя, царицы, игумена Кирилло-Белозерского монастыря и собственный портрет, исполненный кирилловским живописцем.

В то время, как округа зачастую голодала, столы у Маркелова ломились от яств и питий. Здесь угощали не какой-нибудь лежалой треской и костлявой зубаткой, что продавалась в маркеловском магазине.

«Хозяин» — так звали его на селе — со всяким находил, о чем поговорить, что пообещать, а то и кредит в магазине открыть. Любил он и детей крестить. Кумом был почти всему селу Волокославинскому. Правда, каждому новорожденному по обычаям надо было подарить «на зубок» полтинник, но эти полтинники возвращались к хозяину обратно.

На вывеске каменного маркеловского магазина, стоявшего рядом с домом, золотыми буквами на черном поле изображено: «Зосима Маркелов с сыновьями». Солидно и внушительно. Заведовал магазином маркеловский приказчик Афонин — лицо влиятельное в округе, перед которым трепетало крестьянство больше, чем перед самим Маркеловым.

Афонин ведал всеми расчетами с должниками. Хо-

зяин вроде и не вникал в эти дела. Если обратится к нему какой мужичок за деньгами, то ласково отвечал ему Зосима: «Милой, да разве я всех вас упомню. Иди к Петру Кириллычу, он по записям посмотрит. Если все в аккурате, скажи, что я приказал дать».

Но почти у каждого расчеты были не «в аккурате», и Афонин в деньгах отказывал, предлагая взять товаром. Но знали все в округе, что товары, отпускаемые в долг, — второсортные, а цены на них — повышенные. Потому — кредит!

Население всей волости Волокославинской было «на приколе» — в долг у Маркелова. «На кол» — на долг начислялись каждый год в декабре большие проценты, и «кол» превращался в «бревно». Не оторваться никогда от этого «бревна» сельскому хозяину, рабочему или служащему бесчисленных предприятий Маркелова. С каждым годом нищала и должала хозяину вся округа.

И в других волостях были тогда свои Маркеловы. Это разные Громовы, Сизьмины, Вальковы, Парамоновы, Разины и многие другие, однако масштабами помельче.

Аппетит у Маркелова куда больше. Даже в самом Питере он торговал. Там, где-то на Фонтанке, был молочный славящийся на всю столицу магазин: «Вологодское масло Маркелова».

Масло выделявалось в Фефелове — в бывшем имении уездного предводителя дворянства. Это поместье с поэтическим названием «Красные зори» давно уже принадлежало Маркелову. Здесь на месте грота, в котором некогда красовался мраморный купидон с колчаном, построен был маслодельный завод.

С тех пор дети окрестных деревень перестали видеть молоко. Нужда в деньгах на неизбежные крестьянские расходы была так велика, что все молоко отвозилось Маркелову.

На заводе платили за молоко от 30 до 40 копеек за пуд, причем сыворотки — «обрату» возвращали сдатчикам. Эту обрату и пили теперь вместо молока крестьянские дети.

Цена эта на молоко считалась хорошей, но беда заключалась в том, что крестьяне забирали обычно деньги вперед. Став долгниками, зависимыми от купца, они принуждены были брать дальнейшую плату уже не деньгами, а товарами.

На этом, пожалуй, и закончили бы мы рассказ о Маркеловском доме и его обитателях, да вспомнилась еще одна история о том, как Матвей Хропов компаньоном у купца Маркелова был. Про это со смехом рассказывали в те годы и в селе Волокославинском и в деревнях окрестных.

Жил в деревне Дорогуша старик Матвей Хропов — глава большой семьи. Крепкий бы старик, кряжистый. За девяносто перевалило, но все еще в церковь каждое воскресенье ходил.

Вот уже и правнуки у него подростками стали, а все не хворает старый дуб. Далеко запрятана кубышка с восемью «катеньками», как звали в те годы сторублевую бумажку по изображеному на ней портрету царицы Екатерины II.

Но как ни берег старик свои деньги, а прошел про них купчина Зосима Маркелов. В церкви после службы с праздником поздравлял Матвея Хропова. А однажды и к чаю старика пригласил...

Сколько рассказов после этого чаепития было в Дорогуше: «Старик-от наш у самого Зосимы Иваныча в гостях был!» Не думали, не гадали тогда в семье Хроповых, к чему дело клонится и как оно обернется...

Мало кто знал в деревнях, что Маркелов деньги в оборот капитала у зажиточных мужиков брал. Возьмет сотню на год или на два, а вернет с процентами. Про-

центы эти товаром по записке выдавал, а кто «настырно» приставал — тем и наличными.

Однако не у всякого мужичка Зосима Иваныч брал. Просить его об этом приходилось.

Короче говоря, оказал Маркелов Матвею Хропову честь — принял его «катеньки» в оборот. Заважничал Матюша, говорит — «канпаньон» он теперь Маркелову. Не зря, значит, хребтом своим полвека капитал сколачивал, во всем себе отказывал, — вот под старость и обеспечил семью! Сыновья, те полегоньку (крутенек был отец) выведывали: «Заключил, тятенька, условие с хозяином?» Оказывается, все как быть следует сделано и у нотариуса в Кириллове в реестре прописано. Успокоились наследники.

А Хропову Матюше почет еще больше. Как обедня кончается, Маркелов к себе на чашку чая приглашает. В портах и рубахе домотканой сидит «канпаньон» в столовой у Зосимы Иваныча, стакан за стаканом «чай кушает». Хозяин о политике и о коммерции запросто беседует, по-дружески.

И только под конец чаепития набирается смелости Матвей и спрашивает Зосиму:

- Ну, как растет мой капитал-то?
- Растет, растет!
- И много вырос?..
- Много, Матвей Павлович!..

Довольным уходил Хропов от Маркелова. Дома он долго рассказывал домочадцам про чаепитие у «канпаньона», а на вопросы жены: «Сколько же ты стаканов чаю-то выпил?» — простодушно отвечал: «Уж и не упомню точно. Пил столько, что пар из онуч шел!»

А летом в девятом году купец «шубу вывернул». Это значило, что он объявил себя несостоятельным должником. За долги купцам разным, у кого он товар в кредит забирал, и другим, кому должен, предложил Зосима

Иванович по двугривенному за рубль. Тут же от начальства назначена была администрация. Стала она проверять дела маркеловские — дескать, злостный он банкрот или незлостный?

Вызвали в эту самую администрацию всех кредиторов маркеловских и служащих его, которые при поступлении на службу залог давали. И Хронова в Кириллов тоже вызывали.

Успокоенный приехал старик домой. «Дом да лавку продадут, всем с процентами и уплатит эта самая ми-нистрия». Только не вышло так. Дом оказался на сына Ивана давно уже записанным, а лавка с товарами — на старшего приказчика, на Афонина. Остался винокуренный завод, но на его акцизное ведомство арест наложило. Не платил будто бы Маркелов-то акцизу уж много лет. И вышло так, как сам Зосима Иванович предлагал, — по двугривенному за рубль.

Прошло пять лет, и узнали как-то в народе, что купец-то обманул всех. Дознались, что в Вятке он кожевенный завод в ход пустил, только не на свое, а на имя сына Василия.

ВОЛОКОСЛАВИНСКИЙ «ГОМЕР»

НА противоположной стороне от маркеловской лавки тянулась белая кирпичная ограда. Начинаясь напротив маркеловской усадьбы, пересекала она всю базарную площадь. Посредине ее находились ворота с тяжелой кованой решеткой. За ними красовалась церковь Благовещенья. Она была построена сравнительно недавно — во второй половине XVIII века.

Напротив церковных ворот находилась деревянная лавка, принадлежавшая церковному старосте купцу второй гильдии Мелковскому. Сам он торговал в этой лавке, а его многочисленные сыновья, рыская по округе, скупали у крестьян всяческое сырье.

Вслед за лавкой Мелковского улица «покоем» уходила в сторону, образуя четырехугольную площадь, сплошь облепленную пустыми палатками. Только два раза в году — в престольный праздник Благовещенья 25 марта и на Зимнего Николу — была оживлена эта ярмарочная площадка. Приезжие со всей округи бродящие торговцы продавали здесь иконки, лубочные картинки, книжки с приключениями Бовы Королевича, сельскую утварь, грабли и залежавшиеся сладости.

Далее виднелось старое здание «просвирни», где пеклись просфоры и белые хлебцы — «ситники» (мечта сельских ребятишек, не всегда евших досыта и черный хлеб), а рядом с просвирней возвышалось двухэтажное здание трактира «Ливадия». Как явствовало из надписи на вывеске, в чайной было и «дворянское» отделение, называвшееся так в отличие от отделения «простонародного».

В этом отделении можно было выпить не только чайку, но и водки, и не только за наличные, но и под залог, оставив здесь полушубок или сменив валенки на лапти. Здесь же всегда околачивались сельские шуты «Антошка Порт-Артур» и «Ипполит без пороху палит». Социальное положение их характеризовалось по терминологии тех лет словом «зимогоры». «Зимой горе горюет», — говорили в народе о тех бездомных людях, которые не имели своего хозяйства и работали только летом — на лесосплаве, на гонке плотов. Они зимовали в тех местах, где заставала их зима или болезнь. Потеряв здоровье, зимогоры приживались в прибрежных селах и деревнях, выполняя лишь легкие, случайные работы. Постепенно становились они деклассированными бездельниками, шутами, выступающими с нехитрым репертуаром перед загулявшими мужичками. Эти выступления, носившие всегда остро сатирический характер, квалифицировались в жалобах становому со стороны объектов сатиры как

вымогательство. Антошка и Ипполит проводили свои публичные выступления у церковных ворот, где ныне стоит проходная будка гармонной фабрики. Чаще всего острье их сатиры направлено было против волокославинских купцов. Задевались в их произведениях и кирилловские монахи.

Другим примечательным лицом села Волокославинского был слепой дедушка Пармен. Память о нем связывается также с церковными воротами, у которых он часто сиживал. Одетый в холщовые порты и рубаху, с непокрытой головой и всегда босой, повествовал он обычно о старине волокославинской. Чаще всего слушателями его были мы, деревенские ребятишки.

Сколько было ему лет, никто не знал. Всегда веселый и подвижный, он ходил по селу, как по своему дому, с детства помня каждую тропочку, каждый бугорок и канавку. Вместе с деревенскими ребятишками купался в озере и, греясь потом на солнышке, рассказывал нам о старине:

— Было время, хаживали отселе и на Белое море. Где рекой, где волоком. А теперь и дорогу-то на полночь забыли. Старики сказывали, что через Итклу да Чаронду та дорога шла...

Надевая рубаху, старик продолжал:

— Чаронда богатая была. Товаров на складах куда более, чем у Маркелова али у Валькова. А все полаты стояли в два потолка, крылечки резные, а на коньках петухи. Куда ветер дует — туда и петух смотрит... Не та теперь Чаронда.

Пармен расчесывал седую бороду деревянным гребешком и, опираясь на плечи ребятишек, шел на свое обычное место к церковным воротам. Здесь собирал он и взрослых слушателей, охочих до «баек» дедушкиных. Байки эти (так называл их сам Пармен) были занятны, запечатлевались в сознании...

Давно уже спит на сельском погосте дедушка Пармен, а иная байка его нет-нет да и оживет в памяти, одна другую позовет.

— ...Ляхи поганые, — слышу я голос рассказчика, — все деревни в те годы пожгли. Пришли они к нам — на Волок. Коней своих в церковь поставили. Деревянная церковь-то в те годы была. Разожгли в церкви-то костер. Старосту приволокли. Требуют, чтобы он им дорогу в Ферапонтовский монастырь указал. А староста отказался, и зарубили они его тут же в церкви. И вдруг объявляется тут старостина дочка Дашка: «Я, бает, вас до стен монастырских доставлю». И повела их ночью за озеро. А тогда леса-то кругом высокие были... И вела она их всю ночь. Да не к монастырю, а на полночь все заворачивала. Тропинкой ей ведомой, что среди талиц вьется, привела их на остров, что на Сокольем озере. Привела и бает: «Вот вам монастырь, душегубы проклятые. Не выйти вам теперь отсюда, не найти хода с острова». Жизнь свою молодую положила, а за отца отплатила. Вот какая девка Дашка-то была на Волоке!..

Эта легенда упорно бытовала в окрестностях Волокославинского в наши детские годы. Дед Пармен явно гордился своей землячкой, часто рассказывал нам о девушке-героине, расцвечивая и дополняя новыми подробностями это событие.

— С тех пор и островок на Сокольем озере Девичьим зовется, — так заканчивал обычно свою устную вариацию о девушке Даше наш любимец дед Пармен.

Повествовал он о старине с грустной улыбкой на своем выразительном, словно точеном лице, напоминавшем нам почему-то угодников на иконах, которое не портили даже и его не видящие света глаза. Однажды дедушка Пармен по просьбе ребят рассказал о том, как он ослеп.

— Девятый годок мне пошел, как батька мой помер.

Бревна выкатывал он из озера. По пояс в воде стоял. А сиверко дул ледяной. Ну, и простыл батько-то. Осталось нас у матки-то шестero. Самым старшим я был в семейство. Всю зиму «по кусочкам» ходил. И прослышила мать, что Симанов-купец под Череповцем спичешну фабрику открыл. Повела меня мать отдавать туда. За три с половиной в месяц, на готовых хлебах, взяли. Ребятишек там с десятка два было. Спали мы на полу вповалку. Хлеба давали слитыша, ну, ровно из глины... Работали мы с рассвсга до вечерней зари в подвале каменном. На одной половине кололи соломку осиновую. Тогда ведь, ребята, не было таких, как теперь, спичек. Спички-то были подлиннее теперешних, а назывались они «сиренками». С год проработал я на соломке, меня в другое помещение перевели. «Адом» его называли. Жарко там, душно, тесно, ну, как в аду. Там мы соломку в серу кончиком тыкали. Потому «сиренками»-то и звали эти спички. Сидишь над котлом и макаешь. А глаза плачут... Разъедает их серный дух да фосфор... И стал я примечать, что по вечерам все в тумане стало мне видеться.

— ...Кашляю, чихаю, плачу, а сам думаю: «Возьми меня, матка, отсюда. Буду снова по кусочкам ходить. Много кусочков выпрошу. Сыты будем». Да где там!

Дед машет рукой и, смотря невидящими глазами вдаль, продолжает:

— Пожили мы с год хорошо. Снова нужда пришла. Отдала меня матка нищему одному, вместе с нимходить. А сама пошла жаловаться в Кириллов. Да куда там! У купца-то хитро дело поставлено. Сказали матке-то, что глаза у меня были «с рожденным заболеванием». Сама, дескать, в этом расписывалась...

Дед Пармен вздыхает, на его чистом высоком лбу, словно облачки, пробегают морщины. Он улыбается кроткой улыбкой и с чуть слышной, но ощущаемой слу-

шателями дрожью в голосе заканчивает свою печальную повесть:

— Так я и солнышка лишился... Но что делать. Бог терпел и нам велел...

И все же, несмотря на христиански всепрощающий оттенок, придаваемый своему рассказу дедушкой Парменом, в детских душах возникало гневное чувство. Слишком ужасным казался его слушателям этот кусок подлинной жизни, чтобы не возбудить чувство протеста. Это чувство навсегда осталось в сознании, вызвав возникновение сложного процесса переоценки наблюданного нами. Рассказ о том, как дедушка Пармен лишился солнышка, впервые помог прочертить границу между детским, безоблачным восприятием жизни и жестокой действительностью. Так крохотное семя, попадая в расщелину камня, образует корни могучего дерева и разрывает камень.

Жил дед Пармен в чьей-то заброшенной бане. Посредине ее стоял грубо сколоченный гроб. В нем и дремал чутким и коротким сном друг волокославинских ребятишек. Иногда к нему заползала его любимица — соседская девочка Аксютка. Наигравшись у дедки чурочками и соломинками, легким сном засыпала она на старых овцинах.

Наш первый «просветитель» умер во сне, в своем дощатом гробу. Его провожали на погост только деревенские ребятишки, с которыми он ходил по ягоды или грибы и по-детски радовался их любимым лакомствам — душистому черному хлебу и необычайно вкусной вяленой репе...

«МИНИСТЕРСКАЯ» ШКОЛА

БЕРЕГОМ озера, заваленным бревнами и дровами, выходим к заливу с твердым песчаным дном. Волокославинские ребятишки учились здесь плавать, сорев-

новались в нырянии, при помощи удочек с самодельным крючком из булавки ловили хитрых уклеек, сорожек и окуньков.

В центре залива, у самого берега лежит и поныне огромный камень-валун. От него тянулась глубокая канава, пересекавшая болотистое поле и дорогу, соединявшую заводскую и школьную часть села с его крестьянской частью. Следы канавы видны и поныне. Нет сомнений, что она ранее представляла собою реку, окружавшую Горку с запада и юга. Это и есть начало волока Словенского, уходившего к деревне Сяминской и еще дальше — к Никольскому озеру. О древней обжитости здешних мест свидетельствовали находки на всем пути волока предметов быта, монет, древних иконок-складней...

Школьная часть села начиналась сразу же за Горкой, напротив завода и четырехквартирного заводского дома для служащих.

Школьная территория начиналась огромным огородом, обсаженным ивами и огражденным канавой, с прудом посередине. За огородом виднелась школьная баня, а ближе — небольшой двухквартирный домик. В одной из квартир жила семья учителя Матросова, во второй — холостые учителя.

За этим домом располагался сад с грядами клубники и кустами белой и красной малины, а справа зеленели посаженные учениками первого выпуска высокие сосны. Сосновый сад отделял мужскую школу от недавно построенной женской — одноэтажного здания, состоявшего всего лишь из двух классов, учительской и сторожки.

Мужская школа была куда больше. Во втором ее этаже помещались четыре класса, а в нижнем два да, кроме того, учительская, квартира заведующего и большая комната-кухня — впоследствии интернат.

Волокославинская «министерская» школа славилась как лучшая во всей округе. «Министерской» она называлась потому, что финансировалась не земством, а Министерством просвещения. И жалованье получали учителя этой школы большее, нежели земские учителя.

Славилась школа и своими спектаклями, а также хором. Спектакли ставились силами учителей, учащихся старших классов и местной интеллигенции. Волокославинский «театр» привлекал к себе внимание всей округи; сюда приезжали зрители даже из Белозерска.

Главным уездным начальством для учителей в те годы являлся уездный училищный совет, «коему предоставлено было право: открывать новые школы, назначать учителей, наблюдать за преподаванием (кроме «закона божьего»), а также удалять нежелательных учителей по неблагонадежности или несоответствию». В положении об этом совете говорилось также, что «религиозно-нравственное наблюдение» за учителями возлагается на местного священника. В случае надобности он имеет право делать замечания учителям, а если «оные не применяют замечания», то «доносит о сем уездному училищному совету».

По счастью для учителей Волокославинской школы, священник Благовещенской церкви отец Иван за их «нравственностью» не следил, так как все свободное от церковных служб и своего разваливающегося хозяйства время он проводил на озере, занимаясь рыбной ловлей. Выехав в ночь на лодке куда-нибудь в осоку (подальше от глаз прихожан), он ловил рыбу, беспрепятственно прикладываясь к солидной бутыли. «Созрев», он оглашал окрестности озера могучим рыком церковных возгласов, а потом выезжал на середину озера и с чувством исполнял ухарские семинарские песни.

Значительно опаснее и коварнее для педагогов являлся «почетный блюститель» школы купчина Вальков,

созвавший свой нос даже в интимную жизнь учителей. «Блюстителем» он был назначен по следующему поводу.

Приехал однажды из Новгорода попечитель школ; он остановился в Никольском Торжке у Валькова.

Высокий и желчный, с орденом в лацкане сюртука, попечитель, казалось, все вынюхивал своим огромным носом. Его сопровождал Вальков, поддерживая важного гостя под локоток.

Не обратив внимания на убожество оборудования школы, попечитель «поставил на вид» то обстоятельство, что школьная икона чересчур мала. Затем он осмотрел библиотеку и несколько книг изъял. Это были некоторые произведения Льва Николаевича Толстого, сборник стихотворений Никитина с его поэмой «Кулак» и журнал «Ясная поляна», издаваемый Толстым для школ.

— Но позвольте, — скромно возразил заведующий училищем. — Ведь журнал допущен Министерством пропаганды.

— Направление сего журнала вредное, — категорически заявил попечитель и направился к портрету «государя-императора». И портрет не понравился знатному гостю: «мал очень, и рамка со следами пыли»...

Он покинул школу, важно подав всем учителям и заведующему два пальца, чем выражалась в те годы снисходительная вежливость по отношению к более низким по рангу людям. Отдохнув у Валькова, персоны из Новгорода убыла в Кириллов.

Скоро в школьном коридоре появился целый церковный киот, сооруженный иждивением купца Валькова. На серебряной пластинке, прикрепленной к иконе, красовались стихи, посвященные «чудесному избавлению царской семьи во время крушения под Борками», произшедшему в 1888 году.

Преподношение дорогой иконы сыграло свою роль, и тщеславный купец был назначен «почетным блюстителем» Волокославинского двухклассного министерского училища. Трудно было ладить с ним не только заведующему училищем, но и учителям. «Блюститель» энергично вмешивался в личную жизнь учителей, в то же время игнорируя нужды школы.

Главной из них было отсутствие интерната. Детям иных деревень и сел приходилось совершать ежедневно тяжелые и даже опасные путешествия.

Так было во всей России, так было и в Кирилловском уезде! Автор этих строк помнит, как в сумраке рассвета со стороны озера показывались серые фигурки школьников. Пряча лицо от студеного ветра, шли они в школу с драгоценными книжками и ломтем хлеба в холщовой сумке. За три, четыре и даже за восемь верст гуськом, чтобы не потеряться, стремились школьники, зачастую рискуя жизнью...

Однажды учитель увидел два пустых места на парте. На улице выл ветер, и снег залеплял окна. «Не заблудились ли они, — с тревогой думал учитель. — Может быть, замерзают сейчас... Или еще хуже — волки?...»

Урок продолжался, но учитель был рассеян и тревожен. На другой день один из учеников пришел, но второе место осталось пустым. Мальчик пропал...

Об этом узнала Надежда Михайловна Гаршина — земский врач села Волокославинского, долго работавшая здесь после трагической смерти мужа.

При помощи дочери либерально настроенного помещика Богдановича Надежда Михайловна организует в голодный 1899 год первые в уезде детские ясли. Наконец, узнав о гибели школьника, деятельно вмешивается она в жизнь школы. Преодолев сопротивление «почетного блюстителя» Волокославинского училища, Надежда Михайловна организует «ночлежку» для детей.

В одном из помещений первого этажа школы устраиваются нары. На этих нарах, положив под голову свои рваные полушибки, спали в зимнюю непогоду ученики из дальних деревень.

При помощи учителей и самого деятельного из них Константина Федосеевича Белова каждый вечер для детей готовился ужин.

По воскресеньям Надежда Михайловна угощала школьников чаем с не виданным деревенскими детьми лакомством — сладким пирогом. Автор этой книги до сих пор отчетливо помнит жилище Надежды Михайловны, ее кабинет, украшенный портретом Всеволода Михайловича Гаршина. Ощущением страшной тоски пронизывал сердце взгляд писателя-гуманиста и весь его образ, созданный гением Репина...

Н. М. Гаршина чуждалась общества, собиравшегося у Маркелова. Более того, она вступила в острый конфликт с хозяином округи, конфликт, связанный с увечьем заводского рабочего. Ей предлагали даже взятку, подсовывая акт, выгораживающий заводчика...

Усталой, измученной и с несбывшимися мечтами покидала она село Волокославинское. Но это не было бегством. Еще более тяжелую работу с душевнобольными в Кувшиновском «сумасшедшем доме» приняла на себя эта благородная женщина.

Светлую память оставила она в сердцах волокославинцев — взрослых и детей. Созданный ею интернат продолжал существовать.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРУЖОК

ЭТОТ кружок возник еще в конце прошлого столетия среди учителей Волокославинского училища. Постепенно в него вливалась местная интеллигенция и крестьянская молодежь из окончивших училище.

В первые годы работа кружка носила просветительский характер и сводилась только к беседам, которые в основном были посвящены роли учителя в просвещении народа. В долгие белые ночи склонялись имена Ушинского, Бунакова, Корфа, Тулупова, Шестакова, Тихомирова и других выдающихся педагогов.

Благородство роли народного просветителя волновало молодежь, привлекало ее к себе. Чтение вслух произведений Чернышевского, Добролюбова, журнала «Ясная поляна», обсуждение высказываний любимых педагогов позволяло развивать кругозор, намечать методы просвещения.

Свою программу в те годы волокославинские учителя видели в известном высказывании Льва Николаевича Толстого: «Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти всех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе».

Толчком к переходу от просветительской работы к борьбе послужила прокламация. Это была написанная от руки листовка, привезенная в Волокославинское из Белозерска. Прокламацию под заголовком «К народным учителям и учительницам» передал волокославинцам учитель Тимонинской школы (под Белозерском) Павел Маркович Бурков¹). Прокламация проделала немалый путь из Нижнего Новгорода через Ярославль, где находилась в это время Вологодско-Ярославская группа РСДРП.

Чтение этого документа произвело большое впечатление на членов кружка. Впервые услышан был голос партии, словно раздвинувшей перед ними горизонты,

¹⁾ В 1902 году эта прокламация была напечатана в «Искре» (№ 29, 1 декабря 1902 г.). Учитель П. М. Бурков был вскоре арестован и выслан в Березов.

указавшей новые, кажущиеся дерзкими методы работы.

«... Вы можете быть истинными просветителями, истинными учителями народа, — сообщалось в прокламации. — Ежедневно соприкасаясь с ним, вы можете сеять в его среде мысль о политической борьбе, о формах ее. Вы можете распространять в деревне нелегальную литературу, столь необходимую для выработки единства действий и сознания в крестьянской массе. Через ваше посредство может создаваться живая связь между отдельными районами губернии. Вы можете руководить крестьянами в их повседневных столкновениях с местной администрацией и местными кулаками и помещиками...»

Но самым радостным и волнующим в этой прокламации было то, что в ней были четко размежеваны виды работы и жалкому культурничеству противопоставлено было гордое понятие борьба, к которой призывались учителя под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии.

Однако охваченные романтическими настроениями кружковцы не сразу перешли к практической работе. Революция ранее мыслилась многими из них театрально-эффектной, красивой, их же призывали сейчас к будничной и очень опасной работе. Бесцельные споры романтиков с практиками не приводили к конкретным решениям. По-прежнему собираясь вместе, молодые революционеры пели песни, читали стихи. Эти стихи писал местный поэт, фамилия которого утрачена памятью. Помню, что этот молодой человек был недолго в Волокославинском и вскоре переехал в Череповец. Так же смутно, отрывками запечатлелись и его стихи.

...Не устрашит нас бой суровый,
Нарушив их кровавый пир,
Мы потеряем лишь оковы,
А завоюем целый мир!..

Эти стихи, являющиеся стихотворным переложением цитаты из «Коммунистического манифеста», проникновенно читала Токарева — лучшая декламаторша кружка. Позднее, слушая известную артистку Гоголеву, я почему-то вспоминал всегда эту девушку и ее чудесный зовущий голос:

..Нам нужно ненависть борца
Вдохнуть в застывшие сердца,
Давно привыкшие к смиренью,
И в час возмездья роковой
Забить в набат и звать на бой —
К освобо-ожденью!..

Связь с группой социал-демократов Ярославля все же была налажена. Весною 1905 года к автору этих строк (в те годы ученику Вологодской гимназии) приехал из Ярославля старший брат Виктор. Уже через несколько лет я узнал, что он был в Ярославле у товарища Никодима — Андрея Васильевича Шестакова, тогдашнего руководителя Ярославской революционной группы... Брат попросил меня сходить на Екатерининскую улицу к студенту Сидорову с запиской. Мне очень понравилось у студента, жившего в старой бане в глубине запущенного двора. Стены его жилища были увешаны чучелами птиц, на большом столе громоздились какие-то загадочные сосуды, пробирки. К великому моему сожалению, студент сразу же передал мне небольшую плетеную корзиночку и выпроводил меня.

На другой день я вместе с этой корзинкой выехал из Вологды на пароходе. Поверх металлической коробки с надписью «Ореховая халва» лежали учебники и парabelлья.

Мое путешествие до пристани Благовещенье прошло благополучно. Урядник не удостоил вниманием маленького гимназистика, и загадочная коробка с «халвой» бы-

ла благополучно доставлена и спрятана на чердаке. Здесь в маленьком чуланчике, приделанном к слуховому окну, жил летом мой брат... Его исключили из гимназии за какие-то «запрещенные» книги.

Светлыми ночами он печатал здесь страшные в глазах обывателей прокламации. И я прекрасно освоил нехитрую технику печатания, с наслаждением прикладывая чистый лист бумаги к студенистой массе, разглаживая бумагу валиком, снимая и укладывая в стопку свежеотпечатанные листовки. Каюсь, что я совсем не интересовался их содержанием...

Второй mimeограф революционного кружка находился в деревне Сяминской у Георгия Павловича Деньгина — юноши, учившегося в Череповецкой учительской семинарии. Его «типография» спрятана была в бане у крестьянки-беднячки Пелагеи Хроповой.

«Помимо собственной литературы, — вспоминает И. Н. Хропов, — группа распространяла и литературу, получавшуюся из Вологды через существующие связи (студент Сидоров, Виктор Бобров и др.)»¹⁾.

От распространения материалов, получавшихся извне, кружковцы перешли к сочинению собственных листовок. В них излагались призывы к крестьянам не платить податей начальству, к самовольной вырубке леса и даже к забастовкам. Первую из них организовал революционно настроенный уроженец деревни Кудрино учитель Сысоев.

Маркелов снизил оплату за косьбу сена. Крестьяне все же принуждены были взяться за работу: нигде ведь больше не получишь работы, а деньги нужны в хозяйстве.

Сысоев беседует с косцами:

— Вот вы сено скосили? Скосили! Теперь сгребать

¹⁾ См. статью И. Н. Хропова «Кирилловский уезд в революции» в журнале «Красная летопись» за 1930 год.

надо? Надо: видите — тучка надвигается... А вы сено-то не гребите!

— То есть как это, однако? — недоумевают старики. — Мы же порядились!

— А вот так и не гребите. Идите к Маркелову. Так, мол, и так, дешево дал. Прибавляй, мол, хозяин! А не то иди и сгребай сам! Прибавит.

И действительно, хозяин прибавлял гривенник с десятины, но он знал, кто учит крестьян бастовать, и сообщал о Сысоеве уряднику.

Вспоминая этот этап деятельности кружка, волокославинские старожилы передают эпизод с забастовкой на лесопильном заводе Неворотина, находившемся близ первого шлюза на реке Порозовице.

Условия работы на этом заводе: четырнадцатичасовой рабочий день, чрезвычайно низкая оплата и постоянная угроза увольнением — все это вызывало сильное недовольство рабочих, в основном местных крестьян. Навальщики комлевой и вершинный у пилорам получали за свой каторжный труд по 60 и 50 копеек, отвозчики досок и горбов — по 40 и 30 копеек в день. Женщины же погрузчицы досок и мусорщицы — всего лишь 20 копеек в день! К тому же, как правило, заработка выдавался деньгами только частично: приказчики принуждали рабочих брать в хозяйской лавке гнилье за дорогую цену. Все эти факты использовались членами революционного кружка.

Началу забастовки предшествовало драматическое происшествие. Одна из женщин-работниц, преследуемая ухаживаниями доверенного хозяина, поздней осенью 1906 года пыталась утопиться. Рабочие остановили работу и, стихийно проявляя свою ненависть, разгромили хозяйствский дом и склады. Они сбросили в Порозовицу жернова, подготовленные для постройки мельницы, бочки с гвоздями....

Николай Алексеевич Попов — наиболее выдающаяся

личность из членов волокославинского кружка. Он явился автором письма на «высочайшее имя» от крестьян Монастырской волости. Долгое время крестьяне не знали о судьбе их письма «царю-батюшке» и, веря в царское милосердие, ожидали облегчения своей участи.

Кончилось, однако, всё это печально: автор письма вскоре был арестован и по совокупности всех его «преступлений» посажен в тюрьму. Эта наивная крестьянская затея свидетельствует о том, что даже среди бывших монастырских крестьян назрело недовольство действительностью. Однако проявлялось оно пока или обращениями к монарху, или в стихийно-разрушительной форме, вроде разгрома завода Неворотина. Очевидно, что кружковцы не смогли пока еще возглавить крестьянскую волю к борьбе, руководить ею.

ИЗ ИСКРЫ — ПЛАМЯ!

НАИБОЛЕЕ правильной тактики достигли члены революционного кружка в дни русско-японской войны. Неожиданное объявление мобилизации словно ударом грома поразило население сел и деревень Кирилловского уезда. В город потянулись подводы с мобилизованными солдатами запаса. Перед домом воинского присутствия разыгрывались раздирающие душу сцены прощания детей, жен и матерей с их кормильцами.

Где-то там, на краю света, в чужой Манчжурии, в безумных и бесцельных боях близ сопки, прозванной Новгородской, гибли солдаты-кирилловцы из 4-го, 18-го и 20-го Восточно-Сибирских полков.

В черновых записях к прокламациям, распространяемым по деревням и селам уезда, можно найти имена многих кирилловцев, сложивших свои головы на Дальнем Востоке.

Учителя округи легко доставали эти сведения, так

как именно к ним несли «похоронные» извещения неграмотные солдатки близлежащих к школам сел и деревень.

Использовали в своих листовках кирилловские революционеры и безобразное положение с помощью, «оказываемой» земством солдаткам. В дни войны в Кириллов приходили жаловаться на «помощь» земских участковых попечительств и матери, и престарелые отцы, и жены, и дети. Выдачу солдатским семьям продовольственного пайка и топлива земство возложило на волостных писарей и старост. Пользуясь беззащитностью солдатских семей, сельское начальство вымогало взятки, требовало угощения водкой и даже назойливо и нагло ухаживало за молодыми солдатками.

Все эти данные умело использовались в листовках, печатанных на гектографе или писанных от руки членами Волокославинского кружка, постепенно распространявшего свое влияние в Белозерском крае. Как сообщает об этом автор статьи «Кирилловский уезд в революции» И. Н. Хропов, исключительная и смелая до дерзости роль в распространении листовок принадлежала Георгию Павловичу Деньгину и Николаю Алексеевичу Попову.

Во время очередного призыва новобранцев в 1904 году Г. П. Деньгин наклеил листовку даже на стене здания, где помещалось полицейское управление. Жители Кириллова со смехом передавали друг другу о том, что якобы подобная листовка была найдена в кармане исправника...

Обозленные насмешками почетных граждан города, блюстители порядка еще энергичнее принялись за искоренение крамолы. В этой работе достойными их помощниками оказались и члены нового черносотенного общества «Союз русского народа».

Между тем прокламации, распространяемые в округе, то и дело обнаруживались и в крестьянских сараях, и в снопах с хлебом, и даже на возах крестьян, приехав-

ших на ярмарку к Николе. Полицейским ищёйкам не-
трудно было догадаться, что в этом повинны в первую
очередь учителя Волокославинской школы. За домом,
где они жили, началась слежка, около него очень часто
появлялся и сам урядник. Он пытался завербовать в ка-
честве своего подручного школьного сторожа Флегонта,
однако неудачно. Флегонт сообщил об этом Константи-
ну Федосеевичу Белову. В эти дни волокославинские
революционеры перешли к открытой агитации против
войны. Самовольно заняв помещение куреня (пекарни),
принадлежащего волокославинскому купцу Зайцеву, они
устроили собрание. На собрание пришли окрестные жи-
тели, крестьянская молодежь. Курень был окружен мест-
ными черносотенцами, руководимыми трактирщиком Пот-
таниным. Пользуясь бездействием полиции, они подо-
жгли курень, однако всем собравшимся удалось пробиться
из горящего здания и отбить нападение.

После царского манифеста 17 октября 1905 года мо-
лодые революционеры стали наталкиваться на еще боль-
шие трудности. Волокославинские крестьяне, принявшие
обещания манифеста за чистую монету, на время под-
пали под влияние враждебных сил. Именно в эти дни
и развернула энергичную работу молодежь, разъясняя
обманутому населению пресловутый манифест.

Для искоренения крамолы в Волокославинскую во-
лость был послан специальный карательный отряд, со-
стоявший из нескольких стражников, городовых и доб-
ровольцев из купеческих семей.

Ехали довольно шумно, с возлияниями у местных на
пути торговцев, а поэтому и медленно, так что весть о
движении отряда опережала его. Первый обыск был про-
изведен в школе села Дитятева, по дороге между Ки-
рилловом и Волокославинским, у учительницы М. В. Сте-
пухиной. Обыск не дал никаких результатов, а Степу-
хина ухитрилась послать одного своего ученика в Воло-

кославинское. Вероятно, поэтому безуспешным был обыск и в школе и в общежитии волокославинских учителей. Был предупрежден о полицейских и Виктор Борцов. Он успел зарыть в саду под вишней mimeограф, а также листовки и два револьвера с патронами.

Из Волокославинского полицейские отдельными группами направились в деревню Красново — к учителю Рыбакову, в Бураково — к Верещагиной и в Сяминское — к Деньгину... Если у Рыбакова и Верещагиной обыски не дали результатов, то у Деньгина полицейских ожидала удача. Полицейский урядник нашел спрятанные в сарае прикрыты зерном прокламации и револьвер с патронами. Арестованного привезли в Волокославинское.

Вслед за ним был арестован и наиболее деятельный член кружка — учитель Н. А. Попов.

В январе 1906 года Деньгина вызвали в канцелярию тюрьмы и сообщили, что он высылается в административном порядке в Сибирь на четыре года. У ворот тюрьмы собралась толпа, к которой пытался обратиться молодой революционер. Но затрешили винтовочные затворы, и солдаты втолкнули политического арестанта в повозку. Так начался долгий унизительный путь по этапу через тюрьмы Череповца, Перми и Тобольска в далекий Березов. Суровой и тяжелой была жизнь среди полудиких в те годы остяков. Многие из политических ссыльных не выдерживали режима ссылки. Вскоре узнал Деньгин, что его друг Н. А. Попов умер от туберкулеза.

«...Я бежал, — пишет в своих воспоминаниях Г. П. Деньгин, — и перешел на подпольную работу професионалом в Омский РСДРП(б)... Руководил ею тогда Валерьян Владимирович Куйбышев...»¹⁾.

В России наступило время жесточайшей реакции,

¹⁾ Из воспоминаний Г. П. Деньгина, переданных в Вологодский областной музей.

усиленного полицейского сыска. Часть членов Волокославинского отделения РСДРП, испугавшись репрессий, прекратила работу. Другая часть перешла на легальную и кооперативную работу. Так, например, К. Ф. Белов с товарищами организовал в эти годы первую гармонную артель. Ими руководило стремление вырвать кустарей-одиночек из крепостной зависимости от предпринимателей, вроде Парамонова, Разина и других. Артель начала успешную деятельность, превратившись в наше время в одну из лучших в СССР гармонных фабрик. В те же годы в селе Волокославинском было открыто кредитное товарищество, а немногого позднее — общество потребителей. Деятельность этих учреждений вызвала озлобленную реакцию со стороны Маркеловых, Вальковых, Разиных и прочих денежных тузов. Нелегко было работать кучке энтузиастов. Скромными были плоды их трудов, но работа продолжалась.

Остальная часть членов Волокославинско-Кирилловского отделения РСДРП, бывших на подозрении у полиции, вынуждена была покинуть родное село.

Однако великая сила живого революционного слова осталась жить в народных сердцах. Волокославинские революционеры дали лишь первый толчок. Но огромная масса народа уже приходила в движение. Ничто не могло удержать хода истории.

НОВИЗНА
Кирилловская

ТАМ, ГДЕ ЗВУЧАТ БАЯНЫ

ИВЯ в Кириллове, часто встречал я в музее высокого почтенной наружности пожилого человека. Он подолгу простоявал перед резными изделиями из дерева, восхищаясь мастерством народных умельцев.

Но особенно его интересовали образцы старых гармошек — «венок» и «тальянок», изготавляемых в прошлом веке в бывшем Кирилловском уезде.

Безвкусно «оформленные» — черные и даже мрачные с виду, они не радуют глаз посетителей музея. Я знал, что и музыкальные возможности этих инструментов чрезвычайно низки. Чем же тогда объяснить внимание, которое проявляет к ним этот посетитель кирилловского музея?..

И вот кто-то мне сказал, что это был уже достигший 85-летнего возраста «патриарх» гармонного мастерства Александр Михайлович Панов, уроженец деревни Минчаково (в 5 километрах от села Волокославинского).

Сын шкипера, «ходившего» по Мариинке в Питер, он мальчиком был отдан в ученики к гармонному мастеру. Делали тогда здесь только однорядные семиклавишные

гармоники. Одна из них, находящаяся в экспозиции музея, и привлекала особое внимание старого мастера.

«Уж не моя ли это первая работа?..» — думал, вероятно, он, создавший на своем веку сотни выдающихся «концертных» инструментов, известных даже за рубежом. Мне передавали, что этого мастера приглашали работать на всемирно известную фабрику музыкальных инструментов в Вену.

Вскоре меня познакомили с этим музыкантом (трудно назвать его иначе), и я с увлечением слушал рассказы Александра Михайловича о том, как он, будучи мальчиком, работал у мелкого предпринимателя, в свою очередь безжалостно эксплуатируемого более крупными дельцами.

Наши беседы происходили или на берегу чудесного Лунского озера, где живет Александр Михайлович, или в тихом монастырском саду. А потом мы переписывались.

Александр Михайлович рассказал мне историю гармонного промысла в бывшем Кирилловском уезде.

...Небогатый крестьянин, некий Иван Разин из деревни Гора, каждое лето уходил в отхожий промысел. То в Питер, то на Мологу, то на тихую Шексну.

И вот однажды, работая землекопом на реконструкции Мариинки, увидел Иван гармошку. Самую обыкновенную, топорной работы и всего лишь с семью клавишами.

Не пожалел землекоп целкового, купил гармошку и привез к себе на Гору. В долгие зимние вечера рассматривал он свою драгоценность. «И товару-то в ней на гривенник, — думал сметливый мужик, — а дают за нее целый рупь!..»

Решил Иван Разин изготавливать такие гармошки сам. Для начала сделал, как говорят теперь, опытный экземпляр. Сколотил из дощечек корпус. Не было красок — оклеил меха «мраморной» бумагой.

Затем запилил гриф, голосовую планку изготовил и с помощью нехитрого приспособления пробил проемы. А когда вытачивал язычки, то понял, что звук можно менять длиной проемов. О настройке он, конечно, и не слыхал.

В Ильин день вынес Разин свои гармошки на ярмарку, и в драку расхватили их покупатели!

Произошло это в начале второй половины девятнадцатого века.

Не пошел летом на земляные работы Разин. И сам за работу сел, и сыновей своих, и даже жену за верстак посадил. За осень и зиму сотни две гармошек сделали. Стали красить их корпуса, а меха цветной бумагой оклеивать.

С этого и пошла богатеть семья Разиных...

Фирсу Разину, сыну Ивана, пришло в голову раздавать работу по деревням. Но не целиком всю гармошку в одни руки, а по частям. Хитер был Фирс Иванович.

И мужики, у которых на обзаведение «мастерской» трешка или «синенькая» нашлась, стали работать на «благодетеля». Владельцы мелких мастерских стали называться «мастерами», а дети — «учениками»...

Вот передо мною письмо моего сверстника и земляка, а ныне пенсионера, живущего в Сталинграде у своих сыновей. По моей просьбе Василий Федорович Суслов вспоминает время, когда шести-восьмилетние мальчики поступали в «ученье» к мастерам.

«...Работали мы, ученики, по 17—18 часов в сутки. Пилишь, бывало, медь с утра до позднего вечера, дышишь ядовитой пылью... Несмотря на то, что мы голодали, самым мучительным был не голод. То и дело ловили мы себя на страшной мысли, что вот-вот заснешь. А тогда подзатыльников не оберешься... Первый год я работал бесплатно и на своих харчах, второй год — за рубль в месяц, а третий год — за полтора рубля и за харчи. А

харчи эти — одно название. И вот от недоедания, от недосыпания и от медной пыли заболел я фурункулезом — по всему телу чирьи пошли...»

Не радость, а горе приносил округе заработка от гармонного промысла...

Об это думал я, направляясь в контору гармонной фабрики.

Поднимаясь по крутой «парадной» лестнице в бывший маркеловский особняк, где помещается контора, я услышал детские голоса. Ряды белоснежных кроваток, о которых и мечтать не могли крестьяне-родители до революции, занимали собою маркеловский зал и даже мезонин.

Кабинет директора фабрики не имел в себе ничего лишнего. На письменном столе лежали образцы частей баянов и гармоний, материалы, наброски каких-то чертежей.

Сам директор Владимир Михайлович Малютин — худощавый среднего роста человек. Я уже знал, что он инвалид Отечественной войны. Знал я и о том, что этот скромный и простой человек влюблен в свое дело, досконально знает его, имеет большой авторитет у рабочих.

Заметив мой взгляд, мельком брошенный на стол, Владимир Михайлович произнес:

— Это — предложения наших рабочих, изложенные и в набросках и в образцах продукции. Большинство из них мы уже осуществили. Они дали нам только за один минувший год более трехсот тысяч условной экономии.

И, пододвинув ко мне толстый альбом с фотографиями, директор стал объяснять:

— Это сменивший мастера сборочного цеха Николай Алексеевич Митин. Он предложил способ использовать отходы ценного сырья — лайки...

— А это, — показал мне директор другую фотографию

фию, — заместитель начальника деревообрабатывающего цеха Виктор Григорьевич Скворцов. Он сконструировал приспособление, которое позволило нам ускорить одну из операций, так называемую «защиповку», в десять раз.

Рассматривая портреты передовиков гармонного производства, я заметил, что все эти строгие или чуть улыбающиеся лица носили выражение какой-то целеустремленности, высокой интеллигентности.

Несколько несвязно пытаюсь я выразить эту мысль, и неожиданно директор поддерживает меня:

— Именно целеустремленность, — говорит он. — Вот, например, эти трое. В содружестве с нашими инженерами они создали первые поточные линии...

Я читаю подписи под фотографиями: «Н. И. Смирнов, П. Н. Ильичев, В. А. Хренина». Здесь же в начале альбома, среди фотографий, изображающих производственные моменты, наклеен портрет Василия Сергеевича Петрова. Из подписи можно узнать, что около тридцати лет проработал он на фабрике.

— Ушел на отдых, — поясняет директор, — но тянет ветерана на фабрику, частенько заходит сюда. А в сборочном цехе работает его сын Сергей, хорошо работает.

Наш разговор переходит к образцам продукции фабрики, и директор с гордостью показывает мне новый «полногабаритный» концертный баян. Один из баянов с большим вкусом отделан густо-вишневым перламутром, второй — светло-серым.

Сыграв несколько беглых вариаций, директор мечтательно произносит:

— Эх, если бы у нас было такое дерево, как у итальянцев...

— Какое же?

— Особый вид граба... Нету его у нас!

Показывая на гармошку, изготовленную почти сто

лет назад, он продолжал знакомить меня с историей гармонного производства.

— На ней и сыграть-то можно было только одну вещь. Это бесконечно повторяемая фраза: «Фу ты, ну ты, ножки гнуты!..» И все. Однако неизбалованные потребители тех лет только за способность издавать звук ценили подобный инструмент. На смену разинским гармошкам пришла так называемая «венка», а затем «тальянка». Еще позднее в Волокославинской округе стали изготавливаться двух-, трех- и четырехрядные гармонии со срезанными углами. Назывались они «питерками», так как главными покупателями их были петербуржцы...

Но поворотным пунктом в истории производства гармоний было создание хроматических гармоний, или «хромок». Эти фортепьянного строя гармонии, называемые специалистами деотоническими, впервые появились в Туле¹⁾.

В Кирилловском уезде «хромки» начали изготавливаться только в 1911 году. Местом их производства был так называемый «гармонный класс», созданный учителями Волокославинской школы. Руководителем класса был приглашен уже известный нам Александр Михайлович Панов. Он горячо принялся за новую для него преподавательскую деятельность, создавая кадры будущих мастеров гармонного производства. Но и сам он все время неустанно учился. Можно сказать, что блестящим знанием теории Панов обязан только себе. В области же практики он опередил, пожалуй, большинство музыкальных мастеров России.

...По дороге на фабрику мы беседуем о баянах, о том, что они не только овладели сердцами советских слушателей, но и нашли признание за рубежом.

— Любовь к этому подлинно народному инструмен-

¹⁾ Хроматическая гармонь с тех пор называется баяном по имени легендарного древнерусского певца Бояна.

ту, — говорит директор, — отражена во многих произведениях поэтов. Под баян поют, отдыхают и веселятся, а в дни войны грустили бойцы об ушедших друзьях. Баян помогал смягчить горечь утрат, преодолеть фронтовые невзгоды. Помните, как у Твардовского в «Василии Теркине»:

...И сменивши пальцы быстро,
Он как будто на заказ
Здесь повел о трех танкистах,
Трех товарищах рассказ...

Грустью воспоминаний о фронтовых друзьях звучало чтение этих стихов. Ведь и сам директор был тогда танкистом, играл своим друзьям на баяне и грустил о близких друзьях...

Гармонная фабрика помещается в огромном здании бывшей церкви, видимом с парохода за десятки километров. Это самое крупное в округе промышленное предприятие, на котором трудятся сотни рабочих, создавая баяны, высоко ценимые и любителями музыки и профессио-

Хорош кирилловский баян!

Фото А. Подосенова.

налами-специалистами. Минуя проходную будку, попадем на фабричную территорию, где сразу же видим сотню-другую велосипедов в специальных «стойках»...

И я невольно вспоминаю, какой редкостью был велосипед в нашем детстве. Ребятишками ходили мы отсюда на Неворотинский лесопильный завод, чтобы увидеть «самокат». Дождавшись необычного зрелища — поездки неворотинского инженера на велосипеде, мы убеждались в том, что чудеса на свете существуют!..

Слушая объяснения опытного мастера, мы обходим все цеха от деревообрабатывающего, где визгом пил наполнен воздух, до самого интересного, очень важного цеха — предварительной и окончательной настройки. Именно здесь красивому, блестящему от лака и сияющему перламутром инструменту придается музыкальная душа, оживляющая его.

Настройка ранее была весьма опасной для здоровья операцией. Мастер прикасался губами к планке с головами, втягивая в себя воздух. Получался звук, но пыль проникала в легкие, которые быстро разрушались.

В наши дни в действие вступил особый прибор, позволяющий настраивать инструменты без вреда для человека.

Реорганизация производства — модернизация его и освоение поточных линий позволили выпускать одну единицу музыкальных изделий в течение каждого трех минут. Этим достижениям содействовала и перестройка управления промышленностью в СССР. Фабрика ныне находится в ведении Вологодского Совета народного хозяйства....

О популярности фабрики волокославинских баянов свидетельствуют сотни получаемых писем. На конвертах этих писем я видел почтовые штемпеля селений Камчатки, Заполярья, Туркменистана, Алтайского края, Кубани, Латвии и даже Москвы.

И не только любители или участники художественной самодеятельности, но и музыканты-профессионалы высоко ценят музыкальные инструменты, изготовленные в селе Волокославинском, Кирилловского района, Вологодской области.

ПОГОВОРИМ О КУЛЬТУРЕ

И ИНУЯ двухэтажное здание средней школы, магазин, сельпо, детский дом и ворота фабрики, подхожу к зданию клуба гармонной фабрики.

«Не красна изба углами, а красна пирогами», — говорит старая пословица. Не тот клуб хороши, здание которого украшено колоннами с завитками, — скажем мы, — а тот, в котором кипит работа.

Клуб гармонной фабрики помещается в простом деревянном здании. Но сюда приходят колхозники, живущие за 5—6 и более километров.

Руководит клубом председатель фабричного комитета гармонной фабрики Г. И. Игнашина. Она сумела привлечь к работе клуба и рабочих фабрики, и окрестных колхозников, и местных учителей, и специалистов сельского хозяйства.

В клубе Волокославинской гармонной фабрики проводится самая разнообразная работа: тематические вечера, вечера вопросов и ответов, читательские конференции, карнавалы, концерты, спектакли. Не забыты здесь и интересы детей, для которых организуются утренники по специальным программам, а также демонстрируются соответствующие возрасту кинокартины.

Силами клубного актива собираются материалы об участниках революционного движения 1905 года — уроженцах села Волокославинского, его первых коммунистах, о становлении здесь Советской власти.

Члены драматического кружка, созданного при клу-

бе, ставят даже столь сложные пьесы, как «Платон Кречет», причем не только у себя «дома», но и на сценах соседних клубов.

Читательские конференции проводятся на темы, наиболее близкие и родные колхозникам. Например, на одной из них обсуждался очерк Валентина Овечкина «Трудная весна». Конференция была проведена в конторе колхоза «Победа» и привлекла около сотни колхозников и живущих в этом колхозе работников гармонной фабрики.

Удачным был вечер подготовки к районному смотру художественной самодеятельности, в котором участвовало около полусотни артистов. Вечер этот привлек почти все население села Волокославинского и жителей соседних деревень от мала до велика.

Неплохо работает клуб Волокославинской фабрики, но все же лучшим клубом района считается сельский клуб села Богнема, расположенного на большой дороге из Кириллова в Белозерск, на скрещении ее с рекой Шексной. Это хорошо оборудованный, снабженный необходимым культивентарем, электрифицированный и радиофицированный клуб. При нем имеется киностационар, дающий от 10 до 20 киносеансов в месяц.

Ядром совета клуба являются учителя местной семилетней школы. Это — агитаторы, лекторы, артисты, руководители художественной самодеятельности. Умело поставлен цикл лекций — применительно к интересам местного населения.

Прекрасная работа Богнемского клуба неоднократно отмечалась почетными грамотами. На районном фестивале художественной самодеятельности он занял первое место, а на областном получил третью премию. На смотре же работы культурно-просветительных учреждений завоевал почетную грамоту Министерства культуры.

Наиболее дорогой, однако, оценкой для руководства

этим клубом является единодушно и неоднократно выражаемое мнение колхозников: «Хорошо работает наш сельский клуб!»

До революции в Кирилловском уезде почти не читали книг. Первую в уезде библиотеку для своих односельчан открыл в деревне Рамене крестьянин Егор Федорович Чернышев. Собрав у своих соседей по грошам небольшую сумму денег, он выписал из Петербурга десятка два книг и пару дешевых газет. И стали в избе у Чернышева собираться мужики послушать, как газетку читают, книжку обменять, покалывать о политике. Однако узнал об этом исправник, и крестьянина Чернышева за самовольное, без дозволения начальства, открытие библиотеки «под статью подвел...»

Но давным-давно прошли такие времена. Ныне в районе около четырех десятков сельских библиотек обслуживаются самые отдаленные пункты.

Возьмем для примера Горицкую библиотеку, которой заведует Л. И. Енишева — опытный, любящий свое дело человек, с широким политическим кругозором. «В основу своей работы положила она пропаганду решений партии и правительства, коммунистическое воспитание сельских тружеников», — так характеризует работу этой библиотеки кирилловская газета «Ленинское знамя».

Привлекает само помещение библиотеки и читальни при ней. Читатели получают любезные и содержательные советы о том, какую книгу им следует прочесть по тому или иному вопросу. А книг в библиотеке немало.

В ней проводятся интересные лекции, беседы, литературные вечера, читательские конференции. При библиотеке создан актив из книгонош, доставляющих книги в полевые станы и в соседние селения. Горицкая библиотека имеет своих читателей в каждой колхозной семье.

Очень важным участком культурной работы является радиофикация района. В 1957 году были радиофициро-

ваны 38 колхозов, и количество радиоточек в районе превысило пять с половиной тысяч. В 1958 году это число значительно возросло. Читателям-горожанам трудно представить ту огромную радость, которую приносит радио в колхозную семью.

Ну, а как обстоят дела в области спорта? Ведь физическая культура — весьма важный показатель общей культуры народа!

Кирилловские физкультурники, как и подобает северянам, сильны в зимних видах спорта. Зимою 1957—1958 годов в Вологде проводилась областная зимняя спартакиада. В соревнованиях по лыжам (гонки, слалом, прыжки с трамплина) участвовали спортсмены тридцати районов Вологодской области. Первое место и звание победителей спартакиады завоевали кирилловские лыжники. В составе команды-победительницы — учащиеся, колхозники, рабочие Волокославинской гамонной фабрики, леспромхоза. Чемпионом межрайонного и областного советов общества «Спартак» в беге на лыжах на дистанции в 15 и 30 километров на 1958 год стал кирилловский лыжник Вениамин Воронин, а среди девушек — кирилловская лыжница Н. В. Чашина.

Для дальнейшего развития легкой атлетики необходимо строительство стадионов и спортивных площадок. Но даже в самом районном центре нет пока хорошо оборудованного стадиона (с раздевалкой, душем и т. п.), отсутствует и вышка для прыжков в воду на Сиверском озере.

Нет сомнений, что водный спорт, находящийся ныне в загоне, займет достойное место здесь, в Стране озер. И я уверен, что уже в ближайшие годы кирилловские гребцы и парусники побывают на своих судах и на Чарондском, и на Кубенском, и на Онежском озерах, и на Рыбинском море, и на Волге, и на Северной Двине.

...Об этом думалось во время пребывания в древнем

селе Волокославинском. Я видел это село в старые годы окутанным черной ночью, слышал пронзительный вой студеного сиверки. Все окна были тогда темны, и люди прятались в своих жилищах. Некуда было пойти из дому, и спать ложились рано...

А сейчас и клуб, и радио, и библиотека-читальня — всё располагает к культурному отдыху. Права старая учительница Александра Селиверстовна Беляшева: «У нас теперь живут весело!»

О СЕЛЬСКОМ ВРАЧЕ И ОДНОЙ ОПЕРАЦИИ

Я ПОЗНАКОМИЛСЯ с ним в Вологде при обычных еще гостиничных обстоятельствах. «Мест в гостинице нет», — лаконично сообщало объявление в регистратуре. Молодой человек со скромным чемоданом и легким плащом на руке читал это объявление. Он, вероятно, уже был готов отправиться на поиски ночлега в Дом крестьянина. Но я располагал довольно большой комнатой в гостинице и пригласил его к себе.

За чаепитием молодой человек поведал мне историю, казавшуюся ему в те осенние дни печальной. Сын колхозника, он с шестнадцати лет работал в колхозе и в вечерней школе получил среднее образование. Мечтая стать врачом, поступил в Рязанский медицинский институт имени И. П. Павлова. По окончании института ожидал назначения в какую-либо областную больницу, где можно было бы специализироваться в хирургии. А его назначили куда-то в далекую глушь.

— Раньше, — жаловался мне молодой человек, — наш институт выпускал хирургов. Но мне не повезло: придется два года торчать на неинтересной работе... Только потом меня пошлют специализироваться на хирурга!

На другой день вечером мой гость уехал на пароходе

в Волокославинское. По дороге всё казалось ему унылым и скучным: и низменные берега Сухоны, и пустынные воды Кубенского озера, и мрачные, словно чугунные, облака, нависшие над белесоватой водой. И село не понравилось будущему хирургу.

Почтительный завхоз, плохо скрывая удивление перед молодостью врача, показал ему больничное хозяйство, а фельдшер провел его по палатам, познакомил с медицинским оборудованием.

После осмотра «своей» больницы новый врач ощутил в себе чувство некоторой успокоенности. Но, идя под дождем и пронизывающим ветром по мокрой, полузакрытой лужами дороге, снова встревожился: «А вдруг забудут меня здесь... Тогда прощай мечта стать хирургом!..»

Он шел к врачу Елене Антоновне Струсевич, чтобы услышать от нее слова ободрения. То обстоятельство, что после ухода на пенсию она не уехала отсюда, вызывало странное волнение. «Значит, можно полюбить этот край?..»

Возвращаясь от Струсевич, молодой человек чувствовал себя лучше, спокойнее. Взгляд его был неожиданно прикован к озеру. Пенные валы ритмично ударялись о берег и, рассыпавшись брызгами, образующими кружевной рисунок, таяли в новой бегущей к берегу волне. А изъеденный морщинами и полузаросший зеленовато-рыжим мохом валун, обдаваемый высокими всплесками водных каскадов, заставил даже стоять около него. И невольно любовался юноша неспокойным небом и холодной полоской заката.

Комната молодого врача, предназначенная для жилья, была убрана чьими-то заботливыми руками. С портрета над рабочим столом, чуть прищурив глаза, улыбался Ильич. Казалось, спрашивал он хозяина комнаты: «Испугались, молодой человек?..»

Вечером, когда снова завыл за окнами северный ветер, тоскливо было на душе у врача. Веселой студенческой семьи, казалось, не было никогда. А всегда было вот такое же одиночество, вой ветра, мрак за окнами, размокшие глинистые дороги.

Превозмогая это состояние, заведующий больницей пытался заносить в блокнот свои впечатления. В голове звучали слова его предшественницы Струсевич. Она предупреждала о возможных трудностях, рассказывала о врачах Гаршиной и Беркове, отдавших лучшие годы своей жизни служению народу. Шутя желала она, прощаясь с гостем, чтобы как можно скорее настало время, когда не будет ни врачей, ни больных. И еще — осторожно проверила (может, это только показалось) знания его в области родовспоможения, попутно рассказав о нескольких случаях трудных родов...

Долго не удавалось заснуть в эту непогожую октябрьскую ночь молодому врачу. А утром началась размеренная жизнь всей больницы, наложенная его предшественниками.

Чувствуя некоторое смущение, впервые знакомился с больными новый заведующий. Увлекшись «интересными случаями», он подолгу беседовал с ними. И темой бесед были не только сами больные, но и некоторые вопросы колхозного труда.

Время до полудня пролетело незаметно. Теперь в амбулаторию. А там уже ожидали приема более двух десятков больных.

«А пожалуй, — подумал к концу приема врач, — это неплохая практика!..»

Поздно вечером при свете настольной электрической лампы он перечитывал учебник. Случайно раскрытие страницы, посвященные хирургии патологических родов, надолго приковали его внимание. «Классический поворот на ножку» — так назывался заинтересовавший врача

сложный случай, могущий быть во время ненормальных родов...

В последующие три дня дожди сменились мокрым снежком. Врач ходил в такую погоду на почту. Он ожидал посылки с книгами из Рязани. Но парохода в этот день не было, а почта из Кириллова из-за бездорожья не пришла. Сказали, что где-то под Закозьем хлещет через дорогу сильный поток.

Вечером одну из свободных коек родильного отделения заняла новая больная. Врач обследовал ее и, ощущая беспокойство, отправился к своему старшему коллеге. Елена Антоновна вызвалась немедленно прийти в больницу. После тщательного ознакомления с положением будущего ребенка она констатировала, что нормальные роды невозможны.

В это время часы, висевшие в коридоре, пробили десять.

— Надо немедленно отправить больную в Кириллов, — заявила Елена Антоновна.

Молодой врач бросился к телефону и через несколько минут, волнуясь, разговаривал с врачом «Скорой помощи» в Кириллове.

— Нет, — слышал волокославинский врач, — машина ночью не пройдет. Застрянет у Закозья. К тому же и времени в вашем распоряжении всего лишь полчаса или сорок минут...

Еще через четверть часа, сжимая до боли телефонную трубку, он добивался Вологды. Лишь через несколько минут, показавшихся врачу часами, ему удалось соединиться с областной больницей. Но — увы! Ни хирурга, ни гинеколога в больнице не оказалось.

— Они уже закончили свой рабочий день... Вызвать их?.. Но это удастся не скоро!..

Так отпала надежда посоветоваться с опытными коллегами.

— А может быть, направите санитарный вертолет? — уже совсем безнадежно спросил волокославинский врач и услышал в ответ:

— Ну, что вы! Разве ночью полетит вертолет? Утром он может быть у вас!..

Но молодой врач знал, что к утру роженицы уже не будет в живых!

Холодный пот выступил на его теле, но одновременно чувствовал он и сильный жар. Выбежав на двор, сколько-то минут стоял на студеном ветру. В черной тьме виднелись где-то на горизонте яркие электрические огни.

Твердыми шагами возвратился в больницу. Спокойно и решительно распоряжался приготовлениями к операции.

Что же, однако, он может сделать?.. Первый вариант — перфорация головки ребенка, то есть убийство ребенка — извлечение его по частям из чрева матери... Второй вариант — так называемое кесарево сечение, при котором ребенка извлекают через разрез живота... Эта операция возможна лишь в соответствующих условиях. Есть еще вариант — «классический поворот на ножку». Но это очень сложное дело. У него нет опыта, а при неудаче погибнут и мать и ребенок.

Что же делать?..

Часы пробили один удар: «Прошло еще полчаса!..» И старый врач поняла молодого. Елена Антоновна сказала просто, совсем обыденным тоном:

— Наркоз я еще могу дать. Наркоз расправит мышцу ножки. Но... произвести эту операцию я уже не могу!.. Не хватит силы.. Я уверена, что вы решитесь и спасете ребенка и мать!..

«Спасти ребенка и мать» — эти слова подчеркнуты были старым врачом.

Спокойно приступил к операции молодой врач, но

операция явно не удавалась. Много раз находил он ножку ребенка, но...

Мы не будем рассказывать подробно о ходе этой операции, производимой без применения хирургического ножа. Она не удавалась молодому хирургу. Мокрый от пота, чувствуя изнеможение, делал он одну за другой новые попытки. С каменным невозмутимым лицом наблюдала за этими попытками Елена Антоновна...

Медленно тянулись минуты и, казалось врачу, складывались в часы. Его лоб перерезала вертикальная морщина. Он почувствовал слабость, охватившую его, но не оставлял попыток.

Часы пробили одиннадцать ударов... И вдруг рука молодого врача произвела классически точное движение. Это движение решило исход операции. Она удались!..

В тишине, подчеркиваемой легким стоном роженицы, услышал хирург вздох облегчения. Старый врач продолжал начатое молодым...

Медленно снянув перчатки, молодой хирург вышел в коридор. А там уже звучал из комнаты служащих бой часов далекой Спасской башни. Прислушиваясь к ним, ощутил молодой человек чувство удовлетворенности и радостного покоя. И в этот момент новая жизнь, появившаяся на нашей планете, заявила о своем существовании. Это был первый захлебывающийся крик нового волокославинского гражданина.

Долго стоял во дворе молодой врач, пытаясь привести в порядок свои мысли, охладить жар, все еще охватывающий его тело. Он не чувствовал острых иголок ледяного дождя. Вглядываясь в ночную тьму, видел он за озером редкие огоньки в деревне Ситькове...

Вернувшись в палату, поймал теплую улыбку Елены Антоновны, сидевшей у постели роженицы.

В эту ночь врач не спал, то и дело посещая больную,

а рано утром, чуть похудевший, серьезный и даже, пожалуй, постаревший, принимал больных. И в обращении к себе со стороны фельдшера и сестер отчетливо различал он оттенок уважения.

Да, на пятый день практики молодой врач завоевал то, что дается иногда годами, — авторитет!..

Обо всем этом просто, иногда смущаясь при описании деталей операции, рассказывал мне в апреле 1958 года сам Леонид Дмитриевич Казюлин. Мы сидели с ним в той же комнате вологодской гостиницы, что и во время нашей первой встречи осенью прошлого года. И, вспоминая облик того Казюлина, я не узнавал человека, беседовавшего со мной сейчас.

Передо мной был счастливый, радостный, уверенный в себе советский врач, нашедший свое призвание. Я завидовал ему: какое широкое право на свободное творчество создала ему эпоха социализма! Нашему поколению оно было не доступно.

Прошло еще полгода и, будучи снова на родине, я наткнулся в газете «Ленинское знамя» на заметку под заголовком «Сердечная благодарность за внимание и заботу». Председатель колхоза «Родина» Першин, инвалид Спирина, рабочий гармонной фабрики Рудин, колхозники Савельева и Мазин благодарили врача Л. Д. Казюлина, а 62-летний колхозник Сеничев рассказывал о том, как Леонид Дмитриевич путем длительного лечения восстановил ему зрение. «Теперь я хорошо вижу и снова хожу на колхозную работу, — пишет в газету Сеничев. — Приношу сердечную благодарность Леониду Дмитриевичу Казюлину».

Молодой врач Казюлин был допущен к хирургической практике в Кирилловской районной больнице. Мечта его стать хирургом осуществляется. Добавлю к этому, что Леонид Дмитриевич обнаружил у себя новые способности: он принимает деятельное участие в худо-

жественной самодеятельности клуба гармонной фабрики, мечтает сыграть главную роль в пьесе «Платон Кречет».

Я вспоминал об этих встречах, сидя напротив больницы, на том месте, где когда-то стояла школа. Школа давно сгорела, а новая построена в другом месте. И вдруг послышался характерный шум авиационного мотора. На горизонте по голубой воздушной дороге летел вертолет. Это был МИ-1 — вертолет вологодской санитарной авиации.

«Крылья жизни» — так называют санитарную авиацию, ярчайшее свидетельство гуманности нашего социального строя.

Расходы на дальнейшее улучшение и развитие медицинской помощи населению в Кирилловском районе достигли цифры более 4 миллионов рублей в год.

Столь же велика забота Советского правительства и о престарелых тружениках нашей Родины, об инвалидах, детях-сиротах, многодетных материах.

Выплата государственных пособий только по одному Кирилловскому району в 1957 году достигла суммы в 8 миллионов 613 тысяч рублей!

Для сравнения вспомним, что в бытность во главе Кирилловского уездного земского собрания купца Александра Валькова (девяностые годы прошлого столетия) на медицинскую помощь населению уезда было израсходовано земством 510 рублей, а на «общественное призрение» — содержание в «богоугодном заведении» пятнадцати стариков — пять рублей в месяц на каждого.

ПОЛВЕКА В ШКОЛЕ

Я СОБИРАЛСЯ идти к Николе на Торжок полями, по тем местам, где пролегал древний волок Словенский. Он соединял, как известно, реку Шексну с Порозо-

вицей и находился между озерами Словенским (ныне Никольское) и Порозовицким.

Но в самом начале пути нагнал меня черный жеребец, запряженный в таратайку. На ней сидели двое: кучер на переднем сиденье, а на заднем — директор Кирилловского музея Николай Полиэвкович Янусов.

После взаимных приветствий мне стало известно, что он приезжал за образцами новых баянов, а сейчас едет к Николе, где хочет лично приветствовать учительницу Логинову, которая полвека проработала в школе и чей юбилей отмечает на днях общественность района.

— Поедемте со мной, — предложил Николай Полиэвкович.

И мой замысел исследовать древний волок сразу же потускнел. Увидеть живого человека, да еще старого учителя, к тому же награжденного столь высокой наградой, как орден Ленина, — это даже интереснее, чем идти по волоку...

Хозяйка встретила нас в большой комнате, где уже сидели гости. Мария Васильевна Логинова — оживленная, бодрая, несмотря на свой почти семидесятилетний возраст.

За чаем она рассказывала нам о старой школе, о себе, о своих учениках.

Вначале я не совсем внимательно слушал ее, всё еще не свыкнувшись с мыслью, что передо мною одна из немногих в СССР учительниц, с кажущимся мне невероятным трудовым стажем.

Но вот в сознании отчетливо врывается спокойное повествование Марии Васильевны:

— Детство мое, — слышу я ее бодрый и веселый голос, — протекало неподалеку отсюда — в деревне со сквозным названием Кашеево...

Она продолжает рассказ, и ряд картин из ее большой жизни возникает в моем воображении.

...1907 год. 16-летняя гимназистка Мария Шангина (это ее девичья фамилия) держит выпускные экзамены. Она знает, что от исхода экзаменов зависит получение долгожданного диплома учительницы, собственный кусок хлеба и, казалось тогда, некоторое независимое положение в обществе. И надо же было, чтобы на первом же экзамене по главному предмету — закону божьему — произошла неудача...

— Учились я, — рассказывала Мария Васильевна, — по всем предметам хорошо. Не давался мне только злосчастный закон божий, который затвердить можно было только зубрежкой. Сидишь, бывало, и, стиснув руками голову, учишь очередную бессмыслицу из «Ветхого Завета». В результате нелюбви к этому предмету и отвращению к зубрежке, я получила на экзамене «четверку». Диплом мне всё же выдали и на практику послали, но постоянного места с «четверкой» по закону божьему получить не удалось. Лишь год спустя я устроилась на работу в убогой Рукинской церковно-приходской школе. Стоили эти школы правительству дешево, так как помещением для классных занятий служила какая-нибудь старая изба или церковная сторожка. Жалование учителям платили нищенское.

— Первый учебный год, — продолжала Мария Васильевна, — я начала в грязной, полутемной избе, которую мне же самой пришлось привести в относительно сносный вид. Тут же, в каком-то закутке, жила и я. Жалованье мне было настолько мизерное, что голод частенько стучался в дверь моей «квартиры». Но самым тяжелым оказался постоянный мелочный надзор со стороны моего церковного начальства. По инструкции местный священник должен был «наставлять учителей, а если оные не приемлют замечаний, то доносить о сем училищному совету». Вздохнула я спокойнее только в Ферапонтовской школе, в ее сравнительно большом и дружном

коллективе учителей. Здесь не чувствовалось тягостного одиночества. Будучи в этой школе, я вышла замуж за учителя Логинова. Здесь, в Ферапонтове, мы встретили Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Работать стало легче, радостнее. Творческие планы, отраженные в идеях славных русских педагогов, считавшиеся раньше крамольными, стали для нас реальностью.

Проработав семнадцать лет в Ферапонтовской и двенадцать лет в Уломской школе, Мария Васильевна переведена была в Николу на Торжке. Вот уже около двадцати лет и учительствовала она в этом древнем селении. Здесь вступила она в ставшую ей родной Коммунистическую партию. Здесь ведет незамечаемую зачастую общественную работу, будучи бессменным депутатом сельского Совета...

— В Николо-Торжской школе, — задумчиво добавляет она, — впервые почувствовала я радость прихода, если так можно выразиться, мастерства преподавания, — ощутила теплые, сердечные нити, навсегда соединяющие меня с моими учениками. Здесь в годы Великой Отечественной войны с горечью переживала я утрату моих детей — моих учеников, — отдавших свою юную жизнь за будущее Родины.

Мария Васильевна умолкает, задумывается и, словно очнувшись от раздумья, продолжает:

— Мою работу несказанно высоко оценило правительство, наградив в 1949 году орденом Ленина, обязав этой наградой к еще более совершенной работе по воспитанию советских граждан. Я горжусь тем, что среди них есть и писатели, и инженеры, и агрономы, и председатели колхозов, и скромные представители нашей профессии — учителя.

И еще раз подогревала хозяйка самовар. За стаканом крепкого чая с клубникой продолжалась беседа старых учителей. Темой была, конечно, советская школа, по-

литехнизация, энергично осуществляемая, в частности, в Кирилловской средней школе. Душою и сердцем школы является директор Иван Константинович Быстров. Этот приветливый, всегда спокойный педагог-коммунист еще в 1956 году совершил смелый переход от обычной программы обучения к опытной. Эта программа является сочетанием гуманитарных дисциплин с предметами технического цикла.

Как же происходил переход к опытной программе?

Из дальнейшего хода беседы, в котором деятельное участие принимала и хозяйка дома, выяснилось, что начало положили экскурсии в соседние колхозы. Темы этих экскурсий углубляли новый учебный план, связывали его с колхозным производством. Так, например, факультативные занятия по животноводству сочетались с практикой учащихся на молочной ферме, в птичнике и свинарнике. Проводились экскурсии в МТС и в сельхозснаб, где познакомили учеников с кормообрабатывающими машинами.

Будущие полеводы неоднократно посещали поля колхоза «Красный Кириллов». Учительница В. Н. Молодцова провела здесь занятие на тему «Почва и ее обработка», познакомила своих воспитанников с зяблевой обработкой почвы, с работой плуга с предплужником. Изучая тему «Подготовка семян к посеву», учащиеся побывали на зерноочистительном пункте и в семенной лаборатории. Они увидели здесь зерноочистительные машины в действии и познакомились с техникой проверки всхожести семян.

Однако самыми интересными, по мнению учащихся, были экскурсии в МТС, где учительница Л. А. Шорохова «проходила» с ними тему «Тепловые двигатели». Несколько часов наблюдали ребята за работой различных двигателей, знакомились с колесными и гусеничными тракторами. Во время одной из экскурсий некоторым

старшеклассникам посчастливилось впервые управлять машинами!

— Хотим учиться на трактористов, — заявили учителям машиноведения участники этой экскурсии.

При поддержке райкома КПСС школе были предоставлены два трактора. Мало того, колхоз «Красный Кириллов» выделил школьному хозяйству 21 гектар земельных угодий. Старшеклассники научились управлять машинами, бережно ухаживать за ними.

Работа на «собственных» землях ведется под управлением учебного совета, состоящего из самих школьников. Они работают ныне и на животноводческих фермах.

Практическая работа увлекла учащихся, позволила им по-новому почувствовать своеобразную прелест и творческий элемент, заключающийся в сельскохозяйственном труде.

Весной 1958 года сто юношей и девушек Кирилловской средней школы получили аттестаты зрелости. Это свидетельствует о том, что политехнизация школы не отражается отрицательно на усвоении общей программы. Многие из выпускников стали более подготовленными к колхозному труду. Часть из этого выпуска легко определила свой жизненный путь.

В беседе мы коснулись и другой важной задачи, стоящей перед советской школой, — воспитания.

— Мы, кирилловские педагоги, — сказал старый учитель, — с радостью должны отметить, что многие из нас успешно справляются и с этой задачей...

— Чем же вы это подтвердите нашему гостю? — осторожно спросила хозяйка.

— Как чем? — загорячился старый учитель, с которым я пришел сюда. — Как чем?.. Фактами, конечно!

И он с легкостью юноши сорвался с места.

— За альбомом побежал, — заметил кто-то.

— Это у него называется «Альбом добрых дел», —

объяснила хозяйка. — Он наклеивает туда все заметки о положительных явлениях в районе, записывает все известные ему подобные факты. Преимущественно из жизни детей и о детях...

Через несколько минут запыхавшийся от бега владелец альбома читал отрывки из наклеенных в нем заметок, пересказывал их.

— Вот, — с горячностью предлагал он, — факт из жизни Горицкой школы. Ребята заметили, что их «техничка» — простите за этот прижившийся у нас термин — часто хворает. Ей трудно работать. Чуткость, более чем мы думаем, свойственна детям. И они во время болезни их тети Маши сами убирали помещение, заготавливали дрова...

— А вот заметка из газеты «Ленинское знамя». Касается она нас, престарелых педагогов. Весной прошлого года больные супруги Ширшевы пытались вскопать свой огород, но силы у них уже не хватило. Заметили это пионеры и пришли им на помощь...

Собеседники молчали. Теплое чувство радости охватило старых людей. Не зря трудились они!

— А вот что пишет пенсионерка Кувалдина, живущая в Кириллове: «Мне идет седьмой десяток. Болезнь все чаще и чаще заставляет отлеживаться в постели. Особенно плохо я чувствую себя зимой. Пришлось бы мне лежать одиноко в промерзлой комнате, если бы не ученица 10 класса Нина Селичева. Каждый день она топила печь и приносила мне воды. А на днях приходит ко мне соседка и говорит: «Вот ты лежишь, а твои дрова пият». Кое-как встала я, вышла на двор. Смотрю — ученики 9 класса Толя Кошкин и Валя Щербаков с пилой. Распилили и раскололи мне все дрова. Большое вам спасибо, Нина, Валя и Толя, за чуткое и внимательное отношение к старой женщине. Спасибо вашим родителям и учителям за такое воспитание...»

— Заметьте, за воспитание!.. — внушительно подчеркнул старый учитель. — Да, кирилловские педагоги воспитывают молодых людей, беззаботно любящих свой родной край, учат их мечтать о великом будущем нашей Родины и осуществлять свои мечты! Разве это не свидетельство успеха нашей школы?..

Гости, сидевшие в доме престарелой учительницы Логиновой, молча слушали эту восторженную тираду...

НА ПУТИ К ИЗОБИЛИЮ

Мы снова в музее. На этот раз нас привлекает зал, в котором выделяется на стене огромный портрет основателя Советского государства — Владимира Ильича Ленина. Посетитель видит его через всю афиладу других залов. Портрет влечет к себе. Как и следует ожидать, там, в этом последнем, самом светлом жизнерадостном зале, собрана новизна.

Старый колхозник, пришедший сюда со всей своей семьей, словно в раздумье, медленно читает надпись под одной из экспозиций: «Посмотрите на карту РСФСР... К северу от Вологды... на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость».

В этом зале помещается выставка, на которой представлены материалы о развитии сельского хозяйства и промышленности Кирилловского района.

Но, прежде чем осматривать выставку, я решаю еще раз побывать в краеведческом отделе музея. Там можно получить сведения о земледелии в Озernом крае.

Площадь бывшего Кирилловского уезда равнялась 12 200 квадратным верстам или же почти 15 000 квадратным километрам¹⁾, что в переводе на более близкие к

¹⁾) Напомним, что после разукрупнения Кирилловского района его площадь равна 5438 квадратным километрам.

повседневности меры равно было 12 миллионам десятин земли. На этом пространстве находилось около 1250 селений с 21 тысячей домохозяев, распределенных в 23 волостях.

Почти половину указанной территории занимали болота и леса. Западная часть уезда, являющаяся водоразделом Белого и Каспийского морей, была каменистой, засоренной валунами, остальная часть — песчаной или глинистой.

Из 12 миллионов десятин всей территории уезда только 160 тысяч десятин были пригодны для хлебопашства. К тому же лучшие земельные массивы принадлежали Кирилло-Белозерскому монастырю, удельному ведомству, казне, городу Кириллову, помещикам, торговцам и кулакам.

Количество населения бывшего уезда, равное в 1892 году 110 тысячам, в 1913 году достигло 151 тысячи. Если верить земским статистикам, людям либеральным, но не дающим истинной картины жизни народа, то в деревне всё обстояло благополучно. По их подсчетам на каждого работника мужского пола приходилось по 2,5 десятины земли, что было бы более чем достаточной нормой.

На самом же деле земли было значительно меньше. «Куренка некуда выгнать», — говаривали крестьяне. Это выдуманное статистиками «благополучие» являлось следствием игнорирования ими классового расслоения деревни. Для земцев существовало лишь одно понятие «крестьяне», без учета наличия кулаков и торговцев. Именно им принадлежала большая часть лучших земель.

В результате безземелья хлеба деревне не хватало. Большая часть взрослых работников уходила на отхожие промысла.

Слабо было развито и животноводство. Земские справочники по Новгородской губернии (в которую входил

до революции бывший Кирилловский уезд) сообщают, что количество коров в 1910 году равнялось 37 тысячам, овец 25 тысячам, а свиней на весь уезд было всего 143.

После этой краткой экскурсии в краеведческое отделение музея вернемся в главное здание, в котором расположена выставка. Начнем ознакомление с осмотром весьма редких экспонатов, ставших в нашей стране подлинно музейными.

Вот она — соха-матушка! Это целиком деревянное орудие обработки земли, существовавшее на Руси издревле. В Кирилловском уезде соха и еще более простое орудие косуля жили и в первые дни после революции. Таких орудий было в уезде около восьми с половиной тысяч. Плугов железных и деревянных, по сведениям «Вестника Новгородского земства», было в 1913 году лишь две с половиной тысячи, борон — около двенадцати тысяч (из них семь с половиной тысяч деревянных), веялок же и сортировок — сто две на весь уезд. Все они принадлежали помещикам, торговцам и кулакам.

За минувшее сорокалетие наша Родина произвела полное перевооружение социалистического сельского хозяйства. На глазах старшего поколения исчезли соха, деревянные бороны и прочие примитивные орудия, характерные для царской России. Изменилась и двигательная сила, единственным видом которой в дореволюционной России был рабочий скот.

В первые годы после Октябрьской революции мысль о переходе к механическим двигателям в сельском хозяйстве казалась мечтой. Вспомним слова Владимира Ильича, сказанные им по этому поводу в 1919 году на VIII съезде РКП(б): «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунцию» (т. е. за коммунизм)».

В колхозе «Сталинский путь» хорошо выращивает телят комсомолка

В. Нестерова.

Фото А. Подосенова.

культиватора, дисковую борону, три фелесажалки, зерновой комбайн, молотилку и другие машины.

Немыслимый в иной социальной системе рост благосостояния тружеников в сельском хозяйстве уже очевиден. В краю систематических недородов, отходничества, с последующим за ним разорением хозяйств, появились первые колхозы миллионеры.

На 1 января 1957 года в Кирилловском районе работали 419 тракторов (в 15-сильном исчислении), 66 комбайнов, 35 льнотеребилок и 1366 других машин. Значительно окрепшая экономика колхозов позволила Советскому правительству принять закон о реорганизации машинно - тракторных станций. Многие колхозы Кирилловского района приобрели в собственность тракторы, прицепные и навесные орудия. Так, например, колхоз «Возрождение» сразу же купил три трактора «Беларусь», один ДТ-54, четыре плуга, три

Вот колхоз «Земледелец». Доходы этого колхоза в 1957 году превысили 1 миллион рублей. Из этой цифры животноводство дало 586 тысяч рублей и лен 230 тысяч рублей. Годовой доход многих членов колхоза-миллионера достигает 6—7 тысяч рублей в год только одними деньгами.

Столь высокие результаты (в местных условиях) достигнуты благодаря внедрению передовой агрозоотехнической науки и трудовому героизму самих тружеников земли.

Я помню Кирилловский уезд во всем его убожестве и нищете. Поэтому мне отчетливо видны поразительные перемены, произшедшие здесь за последние 40 лет. С каждым годом крепнут и богатеют кирилловские колхозы, а вместе с тем увеличиваются доходы и отдельных колхозников.

Кооперация Кирилловского района не успевает удовлетворять растущие потребности колхозников. Только за минувшие четыре года ее розничный товарооборот повысился почти вдвое. Если ранее все Волокославинское село обслуживали одни часы «ходики» с железкой вместо гири, то сейчас вы не увидите колхозника или рабочего фабрики без часов. Часов в 1958 году в местных магазинах продано на 81 тыс. рублей, шелковых тканей — на 885 тыс. рублей, одежды — на 1 млн. 624 тыс. рублей больше, чем в 1954 году.

Рост покупательной способности — ярчайшее свидетельство повышения материального положения и жизненного уровня трудящихся.

ЗЕЛЕНОЕ ЗОЛОТО КРАЯ

ТАК называют в Вологодском kraе леса. Это золото дороже для северянина, нежели то, что блестит.

Лесная промышленность в Кирилловском районе яв-

ляется самой главной. Поэтому основные экспозиции этого раздела музея посвящены лесу. Но здесь показаны и другие виды местной промышленности, главным образом кустарной.

Кустарное производство Кирилловского уезда представлено преимущественно предметами домашнего обихода и сельскохозяйственных орудий.

Местные крестьяне строили также барки — небольшие деревянные суда малого тоннажа. Весной эти суда нагружались товарами и отправлялись в Петербург.

Пополняя свой скромный бюджет, крестьяне драли в лесу лыко, изготавливали рогожи, плели лапти. Особо от всех других были лесные работы — выкорчевка пней, рубка леса, спложение и гонка плотов.

В Кирилловском уезде в дореволюционные годы было два завода: винокуренный в селе Волокославинском и пивоваренный в Кириллове. На обоих этих заводах количество рабочих равнялось 18. Кроме того, было 2 кирпичных завода, 4 лесопильных и 130 мелких дегте- и смоловарен, а также 5—6 мизерных по производству маслодельных заводов.

В настоящее время в Кирилловском районе имеется двадцать промышленных предприятий, на которых занято около семи тысяч рабочих. К наиболее крупным из этих предприятий относятся Шекснинский, Кирилловский и Ниловицкий леспромхозы, головной маслозавод, райпромкомбинат, разнопромартель, райпищекомбинат, кирпичный завод, Волокославинская гармонная фабрика, Кузьминские судоремонтные мастерские.

Самой значительной отраслью промышленности в Кирилловском районе является лесная. В 1958 году кирилловские лесозаготовители дали стране около 300 тысяч кубометров деловой древесины — в два с лишним раза больше, чем в 1953 году.

Знакомясь с экспозициями музея, можно легко пред-

ставить дореволюционное и современное состояние лесной промышленности не только Кирилловского района, но и всей области.

Вот макет лесной «истопки». Это курная, то есть отапливающаяся по-чёрному, приземистая бревенчатая избушка без окон, с узким, похожим на звериную нору, лазом в нее. Посредине ее разводилась «теплина» — костер, вокруг которого на еловых ветках спали лесорубы. А поднимешь голову — задохнешься от дыма, стлавшегося на небольшой высоте от земли, так как на ночь дыру, служившую дымоходом, затыкали сеном.

Вставали «лесные люди» рано — задолго до зимнего рассвета, иначе десятник не оплатит полного дня. По старинке валили деревья поперечной пилой, обрубали их ветви, перетаскивали к лесной тропе или к речке на лед.

Поздно вечером лесорубы возвращались в истопку, где целый день хозяиничал мороз. Снова разводился костер, на котором подогревался чайник со снегом, пекся замороженный картофель и оттаивал замерзший черный хлеб. Горстка соли к этому ужину и кипяток — вот все питание лесоруба. Можно ли было мечтать в таких условиях о книге или газете?

При несчастных случаях и заболеваниях медицинской помощи, как правило, не оказывалось. Так и жили предоставленные сами себе, оторванные от родных семей «лесные люди».

Кирилловский уезд имел большие лесные массивы. Принадлежали они и казне, и местным купчинам — Калачеву, Валькову, Ковалеву и другим, а также иностранному подданному Тимму. Целую зиму проводили местные крестьяне в лесу в описанных выше условиях. И что же получали они? Работая с раннего утра до позднего вечера, они зарабатывали за зиму от 30 до 50 рублей. За работу двоих рабочих с лошадью платили хо-

зяева всего лишь по 1 рублю 20 копеек в день. Мало того, при расчете надо было угостить десятника водкой, сунуть ему полтинник-другой. Не сделаешь этого — жди придиrok, а то и явных обсчетов.

В качестве «исторических» экспонатов на выставке демонстрируются топор и поперечная пила — единственные в недавнем прошлом средства для валки деревьев. Мы узнаем, что четверо лесорубов, вооруженные этими инструментами, заготовляли в течение 14—16-часового рабочего дня всего лишь 8—10 кубометров леса.

Но это уже в прошлом нашей лесной промышленности. В лесах Севера работают ныне электрические и бензомоторные пилы. Один вальщик при помощи такой пилы дает от 80 до 90 кубометров за смену.

Вывозка древесины с делянок раньше производилась только зимой, после того как мороз сковывал непролазную грязь, болота и ручьи. Да и тогда пара лошадей с трудом тащила по глубокому снегу всего лишь одно бревно. В советское время на лесозаготовках появились сначала так называемые навесные дороги, а затем узкоколейные железные. Леса оглашаются ныне гудками паровозов и мотовозов, тянувших день и ночь составы с древесиной, гулом моторов автомашин и тракторов. Все производственные процессы — валка деревьев, раскряжевка хлыстов, обрубка сучьев, грелевка и погрузка древесины — почти полностью механизированы. Помимо десятков различных мощных машин, облегчающих труд человека — бульдозеров, лебедок, тракторов специального назначения и других, — в леспромхозах работают электростанции, дающие не только свет, но и энергию для механизации производства. Так, например, погрузка леса в вагоны широкой колеи производится теперь мощными паровыми кранами.

В лесной промышленности для нужд сплава ныне применяются даже самолеты. Раннею весной 1958 года

один из них летал над покрытым льдом устьем реки Итклы. С самолета сыпался на лед черный порошок, способствующий более быстрому таянию льда. Такое «опыление» содействовало ускорению начала сплава леса.

В заключение этого беглого очерка о лесной промышленности, перейдем к рассказу о том, как живут и работают ныне вологодские лесорубы.

И в помине не осталось ныне «дикости», о которой говорил в те годы великий Ленин. Под руководством Коммунистической партии неизвестно изменилась и вологодская лесная глушь. Так, на месте, где прежде стояли барак и две истопки, в бывшей лесной даче купца Шафыгина, вырос лесной поселок. В каждом доме этого поселка электричество и радио. Через свой радиоузел ведется трансляция радиопрограммы во все лесопункты. При леспромхозе есть библиотека и клуб. В клубе работает несколько кружков художественной самодеятельности: драматический, спортивный, шахматный, фотолюбителей и танцоров. Есть и свой оркестр.

Много таких благоустроенных поселков появилось в бывшей глухомани. В каждом поселке, помимо перечисленных учреждений, есть своя школа, медпункт, почта, столовые, пекарня, магазины.

В этих новых поселках, которые постепенно превращаются в маленькие города, уже и сейчас полностью удовлетворяются духовные и материальные запросы населения. В местных клубах устраиваются вечера художественной самодеятельности, читательские конференции, лекции и т. д. Нередко приезжают сюда и концертные бригады.

Да разве мог мечтать полуграмотный отходник-лесоруб, живший в истопке, напоминавшей звериное логово, о таком будущем?

Нынешние лесозаготовители почти все являются специалистами-механизаторами. Их труд оплачивается

очень высоко. Так, электропильщики получают 1300—2000 рублей в месяц, раскряжевщики 1000—1500, лебедчики 1200—1900 рублей и т. д.

В свое время Владимир Ильич Ленин писал: «... это так и должно быть, это и есть социализм, когда каждый хочет улучшать свое положение, когда все хотят пользоваться благами жизни».

И этими благами полны магазины лесных поселков, не уступающие по ассортименту товаров магазинам областного центра и даже Москвы.

ЗЕМЛЯ
наших працьков

«А ВСЕ ЛИ МЫ ОСМОТРЕЛИ?»

ЭТИМ вопросом обратился ко мне один из моих спутников — московский искусствовед. Он приехал сюда в Кириллов на два-три дня, но пробыл здесь вместе со мной все лето. Мы ездили с ним в Белозерск, Ферапонтово, путешествовали на лодке по озерам, окружающим Кириллов. Нас объединили интерес к старине, которой мы гордились, и страстное любопытство ко всему новому. Новое мы находили прекрасным. И он и я хорошо помнили нищету нашей убогой родины, а поэтому явственно ощущали ее новизну. Оба мы верили в еще более чудесное будущее родного края.

— Итак, все ли мы осмотрели? — спросил осенью меня друг.

— Кажется, все, — ответил я.

— А библиотеку? А запасник музейный?..

Он был прав. Эти интереснейшие пункты музея остались вне нашего внимания.

Однако получить доступ в «запасник» — бывшую сокровищницу монастырскую — оказалось не таким легким делом. Только перед самым отъездом моего друга в Москву директор музея показал нам это помещение.

... Ход в сокровищницу темен, извилист и узок. Крупные кирпичные ступеньки словно придавленной камнем лестницы обрываются перед массивной железной дверью.

Лязгают замки, отпираемые хранителем музейных ценностей, и перед нами открывается большое круглое помещение. Из верхних окон льется яркий свет. Глаза разбегаются, скользя по золоту чаш, драгоценным камням покрывал и церковных одежд.

Но не это привлекало мое внимание. На одном из огромных столов лежали древние рукописи и книги...

В хранилище монастырском, как свидетельствует ряд историков прошлых столетий, хранилось 17 рукописей, писанных самим основателем монастыря, евангелие, написанное уставом в первой четверти XV века по повелению великого князя Василия Ивановича, псалтырь Кирилла, писанный в те же годы, и многие другие книги.

Собрание книг и рукописей в Кирилловской библиотеке относится к началу XV столетия, а в XVII веке она уже была самой крупной во всей Руси. Даже из Москвы присыпали сюда за книгами. При монастыре существовала собственная мастерская со строго соблюдаемым разделением труда. Переплетчики переплетали листы, линоварьщики проводили линии, переписчики писали текст, ювелиры пышно украшали переплеты золотом, серебром и драгоценными камнями. Даже труд переписчиков был разграничен: иные «черное письмо» делали, иные «златом прописывали», иные же искусно заставки и концовки рисовали. Эта мастерская находилась в особой палате, стоявшей на берегу Свиряги.

Помимо изготовления в своей мастерской, книги покупались в Новгороде и в Москве, а также дарились монастырю богатыми покровителями.

Мое внимание надолго привлекла одна из книг, хранящихся в «запаснике». Книга эта писалась самими монахами. В ней содержится богатый материал о боярских

и знатных родах местного края. Это «Синодик» — летопись поминовений Кирилло-Белозерского монастыря. Богатые люди вносили крупные денежные или земельные вклады, которые тщательно оценивались монахами. В зависимости от оценки умершие принимались на временное или на вечное поминование. Так, боярин Андрей Сицкий, подаривший монастырю сельцо, поминался «вечно». Крестьянин же «Волоку Словенского, деревни Филимонова, Петр Иванов Соболев сын» — только один год...

Покидая сокровищницу, я слышал сетования директора музея по поводу того, что виденное мною — это ничтожная часть ценностей, имевшихся в монастыре. Еще в XVI веке началось «выбирание» рукописных книг Москвой. Царь Михаил Федорович, а позднее и патриарх Никон продолжали это выбирание. В 1682 году большое количество книг было взято в Москву для составления «Степенных книг». Еще позже книги выбирались Святым синодом, духовными академиями и библиотеками Петербурга... И все же богатства музеяного «запасника» огромны. Его сокровища все еще ждут своего научного исследования.

Другой сокровищницей музея я считаю библиотеку. Она помещается у Святых ворот.

Мы входим в это помещение, освещенное двумя рядами окон, и буквально теряемся... Перед нами тысячи книг! Они стоят на полках, лежат на длинных, похожих на верстаки столах. Ряды полок уходят в глубь этого помещения, служившего ранее хранилищем монастырских ценностей.

Вы подходите к полкам, читаете одно за другим названия книг и не решаетесь, какую же из них взять первой. Все они необычайны, все привлекают вас. В самом деле, разве не заинтересуют «Речи, говоренные кавалером Рейнольдсом», или загадочный «Тупикон», или «Ветроград мысленный», или «Гусли добrogласные», или ин-

ригующее, даже странное в этой библиотеке название книги «Маргарет»...

Библиотека содержит около 12 тысяч томов, преимущественно духовных книг. Здесь десятки библей, евангелий, апокалипсисов и толкований «смысла» этих книг. Тут и руководство по анафемствованию — чину проклятия с церковного амвона инаковерующих, отступников церкви и церковных «мятежников».

Перейдем к книгам светским. А их немало, судя по каталогу. Эти книги переданы были музею из бывших помещичьих усадеб, из закрытого музея в Белозерске, приобретены от частных лиц, некоторые пожертвованы ими.

В библиотеке много учебников, изданных в XVIII веке. Снимаю с полки один из них, раскрываю наугад и, стоя у слюдяного окна, с увлечением перелистываю плотные страницы бумаги. Это учебник географии, напечатанный в 1771 году. Во введении к учебнику объясняются географические термины, такие, как «ландкарта», «глобус», «река», «озеро», «провинция»...

Листая страницы, натыкаюсь на описание Китая и узнаю, что это «государство самое наилучшее в Азии» и что «китайцы... гораздо прежнее нас имели у себя печатание книг, артиллерию, бумагу, почты и шелковые фабрики».

Перейдем в другой отдел. Это различные справочники, энциклопедии, словари. Здесь и «Всеобщий стряпчий» (руководство по судебным тяжбам), и «Словарь поваренный», и «Лечение простыми средствами или наставления барона Штерна». Здесь же собраны и весьма ценные по изложенным в них материалам «Вестники Новгородского земства», «Памятные книжки новгородской губернии», а также «Статистические сборники», периодически выпускавшиеся тем же земством...

Просматривая каталог, я с недоумением прочел при-

мечание против одного названия: «Рукопись». Это была тетрадь в затрапанном переплете, писанная безымянным монахом, очевидно, в начале прошлого столетия. Называется она «Описание жизни инока» и имеет подзаголовок: «К благородному читателю».

Есть много свидетельств о невоздержанности и распутстве монахов, исходящих от видных деятелей православной церкви. Однако в рукописи об этом рассказывается более откровенно, нежели в официальных документах.

Но довольно о монахах! Скажем лучше несколько слов о современном состоянии библиотеки. Оно оставляет желать лучшего. Помещение, где хранятся книги, не отапливается. Зимой книги «мерзнут», весной отсыревают, а потом сохнут. Каталог неполон, составлен неточно, без соблюдения элементарных правил библиотечной работы.

В библиотеке, пополненной из разных источников в послереволюционные годы, большое количество дубликатов. Их список следовало бы разослать ряду библиотек СССР. Вместо дубликатов можно получить ценные книги, которые еще более обогатят это замечательное в своем роде книгохранилище.

Что же касается запасника музеиного, называемого мною «сокровищницей», то необходимо как можно скорее научно определить ценности, хранящиеся в ней, и представить их всеобщему обозрению.

САМЫЕ ДОРОГИЕ ГОСТИ

С КАЖДЫМ годом растет известность Кирилловского историко-художественного музея. Только за три летних месяца 1958 года в Кириллове побывало десять тысяч экскурсантов. 116 организаций совершили сюда групповые поездки. Рабочие, колхозники, служащие, уча-

шияся, архитекторы, искусствоведы и художники остались в музее записи, в которых восхищаются увиденными памятниками зодчества и живописи. Больше всего, как и в прошлые годы, здесь было художников: из Москвы, Ленинграда, Архангельска, Уфы и многих других городов Советского Союза.

Были в музее и зарубежные посетители. Но самыми дорогими гостями Кириллова, тепло приветствуемыми жителями города, были гости из Народного Китая — студенты Ленинградского художественного института. Здесь, в Кириллове и Ферапонтове, они проходили производственную практику.

Китайские друзья в колхозе имени Ленина познакомились с трудом наших колхозников и работали вместе с ними. 225 трудодней заработали студенты Ван Бао-кан, Дэн Шу, Джоу Бянь-и, Го Шао-кан и девушки Цзы Сяо-ци и Ма Юнь-хун. Свой заработок они подарили колхозу.

— Еще когда мы ехали первый раз в Ленинград, ехали много дней и видели тайгу Дальнего Востока, просторы Сибири и горы Урала, — рассказывал **колхозникам** студент Го Шао-кан, — то мы поняли слова вашей — и нашей! — любимой песни: «Широка страна моя родная!..» И нам захотелось увидеть вблизи эти реки, леса и поля, а главное — людей этой замечательной страны!

Китайские художники сделали в колхозе имени Ленина, в Горицах, в самом музее, в Ферапонтове и в живописных окрестностях Кириллова десятки прекрасных этюдов и лучшие из них подарили так гостеприимно принявшему их музею.

На вопрос, что же гостям больше всего понравилось здесь, Ван Бао-кан ответил:

— Леса! Мы никогда не видали их вблизи. Нам понравились замечательные памятники русской архитектуры и бережное отношение к ним. И, конечно, ваши лю-

ди, необыкновенно простые и дружественные. Мы чувствуем себя здесь, как в родной семье.

А в книге записей музея они написали по-китайски и по-русски: «Здесь мы впервые познакомились с древним русским зодчеством, с местными памятниками архитектуры, прекрасной природой и простыми, дорогими нам советскими людьми. Все это произвело на нас незабываемое впечатление. Ознакомившись с материалами музея, мы лучше поняли историю культуры этих древних мест. Спасибо, дорогие кирилловские товарищи! Да здравствует вечная дружба между Советским Союзом и Китаем! Пусть развивается культура Советского Союза и Китая!».

Хорошую память оставили по себе дети великого китайского народа. Всюду, где побывали дорогие гости, тепло вспоминают о них.

ПУТЕШЕСТВИЕ К ВОЛГО-БАЛТУ

ПОЛЬЗУЯСЬ последними теплыми днями, продолжают прибывать экскурсанты. Больше всех среди них детей. Это пионеры и школьники из разных сел и городов Севера. Так уж повелось, что мне приходилось беседовать с ними, рассказывать им о старине и новизне кирилловской.

Но вот пионеры, прибывшие сюда с берегов Онежского озера, сами рассказали мне много интересного о новостройках Севера, о Волго-Балте. А перед отъездом они пригласили меня проводить их.

Мне давно уже хотелось побывать в Белозерске, но эта поездка по разным причинам откладывалась мною с дня на день. Приглашение вытегорцев подтолкнуло меня. Мы вышли из Кириллова в солнечный полдень, направляясь к горе Мауре. В Горицах, расположенных по ту сторону горы, намеревались мои спутники сесть на па-

роход, совершающий рейсы по Шексне, между Череповцем и Белозерском.

Спутники мои скоро ушли вперед, а я с вершины Мауры все еще любовался родным краем. Все казалось мне праздничным, ликующим. Страна озер принимала дорогую гостью — осень, принесшую народу богатый урожай.

Синий ковер лесов перемежался золотыми пятнами лиственных массивов. Ярко-красные островки осинника рдели под синевой прозрачного неба. С Мауры виднелась сиреневая глыба Соколиной горы, цепь убегающих к югу голубовато-серебряных озер и четко вырисовывались белоснежные аркады грозной некогда крепости Севера — Кирилло-Белозерского монастыря.

В холодной синеве неба плыли белобокие облака, и тени их переливались через гору. Внизу под горой виднелась широкая лента Шексны, а на ее берегу строения Горицкого монастыря.

«Шексная» — старинное название Шексны — означает «тихая». Но высокие берега ее не раз видели страшные казни, совершившиеся здесь. Горицкий монастырь, служил местом ссылки. Немало слез пролито было русскими женщинами здесь, в Горицах! И не только в древности, но и в более близкие нам годы.

Идя по селу, я отчетливо представлял Горицы такими, какими видел их в детстве. Отсюда уезжали мы вместе с отцом в далекий Питер. Здесь, на пристани, я слушал пение «белиц» — девушек, обреченных в монастыре на безбрачие. Юные «послушницы» пели на пристани для пассажиров, и грустно звучали их голоса. «За еду, обутку и одежду», выдаваемую им монастырем, работали они от зари до рассвета, обслуживая кучку именитых и богатых монахинь.

Сейчас на пристани было людно и оживленно. На берегу прогуливались девушки и парни, группами рассыпались пассажиры, ожидающие пароходов.

Все пути открыты из Гориц по воде: и в Вологду (через Топорню), и в Череповец, и в Рыбинск (а дальше хоть до самой Астрахани или Москвы), и в Белозерск, Вытегру и дальше — в Ленинград.

Оживленная Шексна показывала нам блестящие образцы новой техники водного транспорта. Мощный и важный буксир-толстяк тянет за собою тяжелые пузатые баржи. А другой, со странным приспособлением на носу, похожим на ворота, толкает пару пытающихся увильнуть с курса неуклюзых барж. Самодовольные баржи «самоходки» с двухэтажными каютами на корме кажутся аристократками среди обычных. Они не уступают в скорости даже пароходам. Изящные по очертаниям, нарядные катера, только что покинувшие стапеля верфей, спешат куда-то на юг, очевидно в «свои» пароходства.

Вечер с голубыми тенями уже опускался к темной воде, отражавшей багровые блики заката, когда из-за поворота реки показался большой пароход. В его «сиянии» и на корме красовалось гордое имя коммуниста — «Димитров». Началась суэтная, как обычно, посадка пассажиров. Пионеры разместились на верхней палубе.

Принятый в общество моих юных друзей, с которыми познакомился еще в Кириллове, я выполнял роль гида. Еще засветло миновали мы Федосыин городок. Я объяснил ребятам историю этого названия, сообщил им о том, что это селение существовало еще в XIV веке!

... 8 сентября 1380 года на Куликовом поле «костьюми полегли» белозерский князь Федор Романович с малолетними и взрослыми сыновьями. Вдове покойного князя — Федосье оставлены были во владение несколько деревень на Шексне и на Волоке Словенском. В числе их был городок, называющийся с тех пор Федосыиным.

Я рассказал и о том, что здесь, в Федосыином город-

ке, жил летом 1879 года писатель Всеволод Михайлович Гаршин. Он писал отсюда матери в Петербург:

«Не говоря о людях, которых я очень люблю, и место прекрасно. Дом с церковью на высоком одиноком холме, над самою Шексною, по которой каждую минуту ходят пароходы, барки, туера и прочее. Кругом вода и леса».

— А что такое «туера»? — спросили меня мои слушатели.

Пришлось рассказать и о туерах, ходивших здесь по Шексне еще в начале этого века.

— Пароходы-туера, — объяснял я, — следовали по цепи, которая положена была на дне реки. Цепь, общим весом в 200 тысяч пудов, протянута была от Рыбинска до Белозерска¹). На туере стояли три чугунных колеса: на носу, посередине корпуса и на корме. Паровая машина вращала среднее колесо с обернутой вокруг него цепью. Туер шел вперед, цепляясь за цепь, не сбавляя скорости даже против сильного течения. С машиной всего лишь в 40 лошадиных сил он легко тянул за собою до десятка тогдашних судов.

Туера ускоряли поток грузов, следующих с Волги к Балтийскому морю. А раньше суда тянулись на буксире за лошадьми или силой лошадей. На каждом судне требовалось 14 лошадей. Удобнее оказалось применение коноводной машины. Эта «машина» представляла собою шкив, стоящий вертикально на носу баржи. С судна заился якорь, и лошади крутили шкив, наматывая канат.

Ещетише, чем лошадьми, двигалось судно, буксируемое бурлаками. Всего лишь 20—25 верст в сутки. Тридцать суток следовало оно от Рыбинска до Белозерска. Поэтому введение туеров было шагом вперед по сравнению с прежними способами буксировки.

¹) Эта цепь, сделанная в Англии, стоила около миллиона рублей. Длина ее была равна 422 верстам.

В 1860 году на Шексне появился первый пароход «Смелый», а за ним «Курьер» и «Белозер». Это были пароходы и пассажирские и буксирующие одновременно. Благодаря удобству маневрирования, пароходы постепенно вытеснили туера. Все реже и реже раздавалось лязганье цепи над водой — характерная музыка Шексны тех лет.

Движение судов от Рыбинска в Петербург постепенно становилось все более интенсивным. Если в 1870 году по Шексне и Белозерскому каналу прошло 2700 судов, то в начале века это число увеличилось почти до пяти тысяч.

Нелегким было, однако, плавание по Шексне. Ниже Гориц, близ села Ниловицы на протяжении около 15 верст были пороги. Их нет уже теперь, но в памяти старых людей сохранились названия этих каменистых гряд: «Бесповоротное плёсо», «Кривец», «Змеиная гряда» и другие. Немало затрудняло навигацию и мелководье.

Глеб Успенский, побывавший здесь в конце прошлого века, писал, что «... река эта утомляет глаз и перестает интересовать после самого непродолжительного с ней знакомства... Есть в ней что-то особенно скучное...»

Но такой была Шексна раньше!

Плыя на «Димитрове», видели мы Шексну оживленной самыми разнообразными судами, которым тесно уже на этой водной артерии. Теснота особенно заметна на пути от Шексны до Онежского озера — на канале Волго-Балтийском, в старину называемом Мариинским. Этот канал, существующий уже полтораста лет, был реконструирован в 1898 году, однако его ширина и глубина остались недостаточными. К тому же на пути от реки Шексны до Онежского озера расположено множество шлюзов. Эти шлюзы не вмещают в свои камеры современных волжских пароходов. Перед шлюзами часами простаивают очереди судов и плотов.

Вокруг озер Онежского и Белого — бурных и мелких — суда идут по узким обходным каналам.

— Ныне, — рассказывал я ребятам, — строится новый канал, значительно более мощный и технически совершенный. Длина его превысит в три с половиной раза длину Волго-Донского канала имени Ленина и в три раза канал имени Москвы.

В новом канале количество шлюзов сократится в несколько раз, причем каждый из них будет иметь автоматическое управление и такие размеры камер, которые позволят следовать по каналу самым крупным волжским судам. К тому же эти суда, минуя обводные каналы, пойдут по озерам Белому и Онежскому напрямик.

С началом движения по обновленному Волго-Балтийскому каналу, Неве и Свири в строй войдет огромная водная магистраль¹⁾). Она соединит Балтийское и Чёрное, Каспийское и Белое моря. Новые гидростанции будут давать с избытком электроэнергию колхозам и леспромхозам Кирилловского района, будут содействовать развитию производительных сил и культуры Белозерского края.

Мгла уже закутала Шексну темным пологом, и яркими огоньками светились бакены, дробясь в чернилах реки. Ночь была очень теплой, а небо звездным и ясным.

Пароход приближался к Крохину — древнейшей точке древнего Белозерья. А я рассказывал своим друзьям о Синеусовом кургане, и седою древностью веяло имя Синеуса, якобы завоевавшего некогда этот край.

¹⁾ Еще в двадцатых годах при жизни Владимира Ильича Ленина был предложен проект перевода течения рек с севера на юг. Среди них называлась и Онega, воды которой текут сейчас в Белое море. Поворот течения реки Онеги на юг входит в комплекс работ Волго-Балта второй очереди. С этой целью в районе Каргополя будет создана плотина, которая поднимет уровень вод озер Воже и Лаче, заставит их вытекать на юг — в Шексну и далее в Волгу.

Неожиданно откуда-то с нижней палубы послышалось пение. Пели девушки, и нежные голоса их оттенялись мужскими. Прекрасной и волнующей, трогающей душу и вызывающей в памяти образы давно ушедших людей, — такой звучала эта, слышанная мною в детстве, родная моя песня...

ЗДЕСЬ СОБИРАЛСЯ ПЕСНЯ

В ТИХИЕ летние вечера, когда багряное солнце, распеваясь в сиреневой дымке Соколиной горы, из-за озера прилетела песня.

«Соловьем залетным юность пролетела...» — грустили песней молодые учителя Волокославинской школы. Еще позднее, когда белая ночь окрашивала всё видимое в розовый цвет зари, слышалось пение девушек в заречной деревне Осаново. Музой разливались их голоса над окрестными деревнями, скользили по озеру. И явственно различалась в этих звуках жалоба юных певиц на ожидающий их горестный бабий век.

Словно ласточкино крыло, касалась песня озерной глади, облетала окрестности и снова возвращалась на берега Порозовицы. А на другом берегу ее сидели пожилые крестьянки и, вспоминая давно ушедшую юность, слушали тосклившую песню. А если замолкали девушки, то кричали им из деревни Кудрина:

— Эй, осановски певуньи, затепливайте другую!

Пели в деревнях не только девушки, но и старики и старухи. Их пение, полное мрачных и угрюмых диссонансов пришло из седой древности, когда предки наши осваивали Страну озер. Однако и оно не угнетало сердца, а звало к борьбе с суровой природой, внушало твердую, как кремень, волю к жизни.

Бытовали здесь и веселые песни, из которых искрами брызгало веселье, жизнерадостность и лукавство, но

таких было меньше. Грустная песня сопровождала человека от колыбели до гроба. Еще в детстве, засыпая в зыбке, слышал ребенок голос матери, поющей ему заунывную колыбельную песню. С песней приучались мальчик или девочка к тяготам сельской жизни. С песней проходили первые встречи влюбленных, смотрины невесты и проводы ее к венцу.

В тоскливы осенние вечера и в ясныеочные зори складывались песни. Их много было в Белозерском крае.

Не поэтому ли именно сюда дважды приезжала из Петербурга энергичная и смелая женщина, которую уважали и слушали Стасов, Танеев и Мусоргский. Здесь отыскивала она утрачиваемые народной памятью древние песни, записывала их целостными — такими, какими создавал их народ. Это была собирательница северных песен Евгения Эдуардовна Линева, которую я видел в детстве. Мы, дети, с благоговейным восторгом слушали впервые человеческий голос, заключенный в волшебной коробочке, которую возила она с собою.

Это был фонограф. История появления его в деревнях Белозерского края весьма оригинальна, а может быть, и поэтична.

В 1893 году русский народный хор, работой которого руководила Е. Э. Линева, был приглашен в Америку. Во время всех его выступлений в Нью-Йорке в первых рядах зрительного зала неизменно появлялся молодой американец. Мистер Чарльз Крэн, так звали американца, был очарован русской песней. Впрочем, не он один...

После шумного успеха в Нью-Йорке хор был приглашен на Всемирную выставку в Чикаго. Неизвестны точно причины, почему выставка задержала выплату гонорара, но хор оказался в бедственном положении. Неожиданно мистер Крэн предложил финансовую помощь. Возвратившись в Петербург, Линева перевела долг в Аме-

рику, однако Крэн вернул деньги в адрес председателя Русского географического общества П. Н. Семенова. Американец предназначал их на собирание русских песен.

Председатель С.-Петербургской песенной комиссии А. С. Танеев предоставил эти средства именно Е. Э. Линевой. Вначале она побывала в Воронежской губернии, но была разочарована результатами этой поездки. Затем Евгения Эдуардовна совершила две поездки в Белозерский край.

Вначале старики и старухи боялись петь в трубку: «Как бы в город за это не потребовали», но быстро привыкли к фонографу; недоверие и даже страх уступили место чувству восхищения. Записав какую-нибудь песню, Линева давала послушать запись исполнителям.

— Машинка, — удивлялись певцы, — а как скоро песне нашей обучилась.

Полторы тысячи верст проехала по Озерному краю Линева, записала здесь 230 песен. Запись при помощи фонографа позволяла точно определить схему песни, ее мелодию, ритм.

Линева запечатлела пение и знаменитой в округе старой певицы Митревны. Вот как она рассказывает об этом:

«...вышла она со своим хором, строго смотря на зрителей, без всякой застенчивости. Вслед за ней вышли бабы, многие из них явно конфузясь. Встали в кружок, притихли, как-то по-особенному взглянули на Митревну, а та на глазах у зрителей переменилась лицом. Наклонила голову, пригорюнилась. Пригорюнились и певицы...

И вот она запела изящно, просто, и каждое слово и музыка его, соединяясь, падали в душу слушателей, находили ответное чувство.

...Она (Митревна) пела, явно наслаждаясь пением, вкладывая в него свою душу, переживая содержание

песни. Запевала она низко и звучно, удивительно свежим голосом. Непохоже, что это поет старуха.

Ах, кукушечка кукует.
Я у матушки во тереме горюю, горюю...

Пела Митревна просто, словно жалуясь соседке на свою горькую жизнь...

Но вот поется другая песня, разудалая, пришедшая, очевидно, из времен язычества, шутливая и разухабистая.

Притоптывая, заражая своим весельем певиц, ведет Митревна свой хор, как заправский дирижер и режиссер. Но она строга и гневается на своих певиц и молодых и старых: «Колено-то выше подымай, смелей напев-то давай!.. Не виляй голосом-то, не в трахтере поешь... Не корежь песню-то старую, пой, как народ поет!..»

И наверное испытала высокое эстетическое наслаждение Евгения Эдуардовна, слушая в этой глупи сохранявшуюся здесь подлинно народную песню, не «искореженную» бесцеремонными обработчиками. Все эти песни, записанные в их первозданном звучании она демонстрировала в Петербурге.

2 ноября 1902 года в зале Русского географического общества впервые услыхали любители народной музыки неизвестные ранее песни: «Тясяцкой, ты боярин мой большой!», «Подуй, повей, погода!», «Стояла березынька близко у реки», «Ах, что при вечере, вечере» и страшную бытовую песню, записанную в деревне Трофимово, Кирилловского уезда, — «За озерье, во сторонке»...

А затем совершила Евгения Эдуардовна турне по Америке, читая лекции-концерты. Ее сопровождал мистер Крэн. Великое искусство русского народа сблизило их...

Но разве Линева собрала все песни, что и поныне (всё реже, к сожалению) звучат в этом древнем крае?..

Почему же сюда не приезжают наши композиторы, музыканты, руководители хоров?
В самом деле, почему?..

* * *

...Узкий канал, прямой, как стрела, приводит нас к цели — в Белозерск.

Что влекло меня сюда? Мне хотелось еще раз увидеть с высоты Белозерского вала родное озеро, подышать воздухом, принесенным из Заозерья, поклониться сердцу родного края...

Я снова побывал на земляном валу, возвышающемся на горе, с которого виднелось Белое озеро. Ветер дул с севера, тучи шли сплошной чередой, и серо-желтой, подернутой сединою волн, рисовалась пустыня воды. В бинокль я отчетливо различал огромные волны, перекатывавшиеся через дамбу обходного канала.

Чистенький, живописный Белозерск казался после тихого Кириллова шумной столицей. Это не только районный центр, но и оживленный порт, через который ежедневно проходят десятки судов. Многое можно было бы рассказать о нем, но это выходит из рамок моей книги.

Путь до Кириллова недолог. И вот уже впереди вырастают одна за другой громады Белозерской, затем Московской башен, и, наконец, перед нами раскрывается весь огромный ансамбль. Потомки его созидателей строят сейчас здесь новую жизнь, о которой лишь в сказках мечтали их предки.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

ОСЕНЬ с каждым днем всё отчетливее оказывает яркие свои приметы. Сиверское озеро до полудня скрывается за пологом тумана. В открытые окна всё чаще залетают сорванные сиверком желтые листья. Верхушки

деревьев совсем поредели, и снова, как и весной, я вижу золотой купол собора. Обрывки облаков цепляются за его кресты и серебристой пылью оседают на луковице главы.

В моей келье, в которой я провел лето, повеяло холодом. Полукружия тяжелых сводов, незамечаемые летом, казались каменными глыбами, висящими над головой. Но работалось в одиночестве хорошо, и я со дня на день откладывал отъезд. К тому же в будущей рукописи этой книги не хватало материала для одной очень важной части ее. Нужно было еще раз побывать в музее. И вот я снова в этом огромном и светлом зале. Отовсюду виден здесь огромный портрет великого Ленина.

Начинаю осмотр экспозиций, посвященных первому в крае революционному кружку в селе Волокославинском. Здесь посетитель может увидеть ряд фотографий во главе с фотографией основателя этого кружка череповецкого семинариста Георгия Деньгина.

Из искры разгорелось пламя... Отсюда, из этого кружка, стала распространяться революционная мысль среди кирилловского крестьянства. Нелегко было разбудить дремавшую в народе волю к действию. Особенно в этом краю — краю влияния монастырей, кулаков, купцов-кровососов и церквей. Церковная проповедь учила крестьян смиренiu.

«Всякая власть от бога!» — эта мысль была основной при воспитании у крестьянства «смирения и любви» к власти имущим и к «батюшке-царю». Отметив это явление, Владимир Ильич Ленин говорил, что «...они воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены...» Но, развивая эту мысль, он утверждал, что именно капитализмом трудящиеся и «закалены в борьбе».

На выставке отражены попытки выступлений крестьянства против своих классовых врагов, в частности их выступление в Кириллове, имевшее место в 1914 году.

...20 июля (по старому стилю) 1914 года в связи с объявлением мобилизации монахи Кирилловского монастыря, духовенство, купцы и косная часть городского мещанства устроили крестный ход. Среди церковных икон и хоругвей, несомых духовенством, колыхался и царский портрет. Перед домом воинского начальника Трубникова начался молебен.

В этот момент крестьяне, пришедшие в город, и мобилизованные на войну солдаты напали на толпу монархистов. Примчались конные стражники, руководимые полицейским исправником, и стали стрелять в толпу. После первых залпов, площадь опустела. На ней остались лежать убитые солдаты Ненилин и Таракцов.

Убийство безоружных юношей, протестовавших против навязанной народу войны, вызвало сильное возмущение среди крестьянства уезда. Усилинию революционного брожения содействовали и «похоронные», получаемые с фронта, а также возвращение домой искалеченных на войне.

К концу войны в Белозерском крае уменьшилась запашка, так как почти все взрослые мужчины были на фронте... Начался голод, и одновременно усиливалась кабальная зависимость населения от кулаков и торгаши.

С каждым днем вырастало недовольство чиновниками, правительственные учреждениями, эксплуататорами всяческого рода. Взрыв негодования назрел... В стране победила социалистическая революция.

Однако в Кирилловском уезде передача власти большевистским Советам была провозглашена лишь 17 декабря 1917 года на уездном съезде Советов.

В муках рождалась новая власть в этом обывательском, купеческо-церковном городишке, каким был тогда Кириллов. В нем не было рабочих, и одни лишь солдаты да немногие представители интеллигенции (из учительства) боролись за Советскую власть.

Не лучше обстояло дело в селах и деревнях. «При всех решениях, — рекомендовал Кирилловский исполнительный комитет сельским большевикам, — надлежит помнить, что мы находимся в самой острой и решительной борьбе с капитализмом». А борьба была суровой.

Об этом рассказывает в своих воспоминаниях первый председатель волисполкома в селе Волокославинском М. Алешин. Вот отрывок из этих воспоминаний, предоставленных Матвеем Павловичем для моей книги:

«Под давлением солдат-фронтовиков, настроенных по-большевистски, был созван волостной сход сельских представителей для избрания Советской власти. Собрание было бурным. Кулацко-зажиточная часть его всеми силами пытались протащить своих ставленников, и это им отчасти удалось».

В новый комитет, помимо большевиков, вошли кулачи и даже купцы. Именно они и мешали осуществлять политику Советской власти на селе.

Однако через месяц большевики выгнали врагов народа из состава комитета. Председателем первого в уезде волисполкома был избран Матвей Павлович Алешин. В этом же комитете деятельное участие принимали Василий Иванович Зимин и Василий Федорович Суслов. Именно на их долю выпала тяжесть руководства борьбой с кулачеством в эти грозные для молодого социалистического государства дни.

В процессе работы волисполком обращался по телеграфу лично к товарищу Ленину. Вопрос касался отправки военнопленных немцев из этого голодного края в более обеспеченные хлебом места. Ответ был получен немедленно: «Волокославинскому волисполкому... Немедленно направьте всех военнопленных на станцию Вологда... Ленин»¹). Из этого примера видно, какой ти-

¹⁾ Публикуется по тексту В. И. Зимина впервые.

танический труд выполнял в те годы Владимир Ильич, как внимателен он был к низовым работникам молодого государства.

В конце 1918 года лучшие партийные работники волости были призваны в первую партийную мобилизацию для защиты завоеваний революции. Среди них был и тот, кто руководил волостной партийной организацией,— Иван Николаевич Хропов. А в 1919 году был мобилизован и ряд других волокославинских большевиков — Аleshин, Зимин, Хазов, Кузнецов и другие.

...На стенах выставки музея, посвященной 1917—1920 годам, мы видим фотопортреты большевистского агитатора П. И. Шейновой, организатора первых колхозов в крае В. П. Воронова, первого председателя Кирилловского уисполкома Ф. Д. Степанова, членов уисполнко-ма И. А. Бажина и А. М. Никитина, коменданта Смольного кирилловца П. А. Смирнова, организатора первых комбедов в уезде А. Н. Сизьмина, председателей волисполков А. А. Плещкова (Ухтомский волисполком), Ф. И. Качалова (Иваноборский волисполком), Н. П. Янусова (Коварзинский волисполком) и многих других. Эти люди, не боясь врагов, проводили политику большевистской партии в уезде. Они отобрали у монастырей, купцов и кулаков и передали бедноте свыше 60 тысяч десятин земли. Немногие помышленные предприятия уезда также были национализированы.

Именно в те дни на заре новой власти в Кирилловском уезде родилась идея организации первого коллективного хозяйства — коммуны. Эта идея была осуществлена сразу же после окончания гражданской войны. В деревню Юсово, бывшей Талицкой волости, вернулся солдат Анатолий Дмитриевич Иванов. Во время империалистической войны он выступил в присутствии Керенского против войны «до победного конца». «Долой войну!» — такую резолюцию вынесли солдаты 432-го Вал-

дайского полка, в котором служил Иванов. Солдату грозил расстрел, но ему удалось скрыться.

Вернувшись из рядов Красной Армии, Иванов организовал артель из крестьян своей деревни. Кирилловский земельный отдел отвел коммунарам сто десятин земли. Артель снимала на гаревой земле хорошие урожаи.

Организатор этой первой сельскохозяйственной артели в Кирилловском уезде уехал учиться. А после окончания учебы вернулся домой, где работает и поныне в колхозе «Борец», выросшем из первой коммуны в уезде.

ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ

ВОДИН из непогожих осенних вечеров у меня собрались мои сверстники. Это были люди, уже упоминавшиеся мною в предыдущей главе, люди, родившиеся в прошлом столетии. На рубеже двух веков учились мы в сельской школе, собирали ягоды в Сяминской роще и грибы в Плешковском лесу, купались в Благовещенском озере...

Судьба разбросала нас после революции, и редкий случай соединил земляков в этот вечер. На улице завывал осенний ветер, но нам было тепло то ли от воспоминаний детства, то ли от жаркого пламени дров в устье огромной монастырской печи. Из-под потолка кельи разливала яркий свет электрическая лампа, и веселая музыка приглушенно звучала из репродуктора. Горячим и вкусным был крепкий чай с клюквой. «Северный виноград», — шутили мы.

Всех нас привлекла сюда любовь к родине, желание увидеть радость в глазах наших земляков. Суровым и безрадостным было наше детство...

Напротив меня сидел совершенно седой, но румяный человек. Его никак нельзя было назвать стариком. Гла-

за его светились живо и весело, движения были по-юношески быстры и ловки. Я знал, что в дни героической обороны Петрограда от банд Юденича он в первой цепи полз к вражеским окопам. Я знал и о том, что в самом раннем детстве, оставшись единственным кормильцем семьи, он после смерти отца ходил «по кусочкам».

Каким невероятным казалось нам сегодня явление нищенства, существовавшее здесь всего лишь полвека назад!...

Нет теперь и еще более страшного явления — добровольного ухода из жизни потерявших трудоспособность стариков. Мои собеседники вспоминают подобные случаи, происходившие на их глазах. Старик залезал на печку, отказывался от пищи и безропотно и тихо умирал.

Один из собеседников заговорил о любви к своей родине, о современной молодежи, стремящейся часто в большие города. Мы знали, что говоривший об этом почти с детства работал плотовщиком. Но у него ни разу не мелькнула мысль бросить опасное занятие, требующее огромной ловкости и здоровья. Лишь потеряв ногу на фронте первой мировой войны, он изменил любимому делу. После Октябрьской революции он долгое время избирался председателем сельсовета...

В руках у него была районная газета «Ленинское знамя». Он только что прочел нам вслух взволновавшее нас объявление. Колхозники сельхозартели «Возрождение» призывали рабочих и служащих Кирилловского района вступить в их колхоз. Они рассказывали о своих успехах, о расцвете экономики колхоза, сообщали о крупных личных доходах колхозников, делились планами на будущее.

— Дело, — горячо говорил наш оратор, — дошло до того, что в колхозах не хватает рабочих рук!

Но тут вмешался в разговор еще один «старик» — в прошлом учитель. Он напомнил нам о новых школьных

планах производственного обучения, о том, что уже сейчас десятки и сотни оканчивающих школу молодых людей района остаются в колхозах.

— Новая система обучения и производственная практика, — говорил он, — уже дают свои результаты.

С этим утверждением мы согласились единодушно.

— Наша партия, посоветовавшись с народом, прислушавшись к его голосу, многое сделала для блага тружеников земли и роста их хозяйств. Колхозники уже ощущают плоды этих забот и, в первую очередь, увеличение их доходов, позволивших лучше удовлетворять возросшие материальные и культурные запросы.

Затем тема беседы перешла на будущее, и вот уже собеседники, перебивая друг друга, оживленно рисовали радужные картины завтрашнего дня нашей деревни.

Поздно вечером, проводив своих гостей в город, возвращался я домой по берегу озера. Монастырские стены смутно белели впереди. Пересягивая по камням, лежащим в заливчике, достиг я Водяных ворот. Вдали рисовались мрачные очертания Белозерской башни. Небо перечеркивала тоскливая полоска заката. У берега скрипела трассом чем-то рассерженная баржа.

Сидя на бревнах, мысленно прощался я с Сиверским озером. Тишина царила над водным пространством, полузакрытым светлой полосой тумана. В полумраке еле угадывались огоньки бакенов. Неожиданно со стороны пристани донеслись по радио так знакомые звуки часов Московского Кремля...

На рассвете неожиданно ясного и даже теплого дня меня разбудили бесчинствующие на подоконнике воробы. Недолгие сборы, и чемодан с рукописями закрыт!

В последний раз взглянув на храмы, я шел через Водяные ворота к Сиверскому озеру. Молодой гребец медленно правит нашу лодку по извилистой протоке в Долгое озеро.

Солнечное утро с розовыми облаками плывет над краем озер, отражается в зеркальной воде и в самом деле очень долгого озера. На другом берегу его расположен аэропорт.

Самолет прибывает из штаба строительства Волго-Балта — из Вытегры. Его ведет кирилловский юноша, недавно окончивший школу гражданских пилотов и по-желавший работать у себя дома. Скоро он пролетит над родным домом в селе Барбушино, где живет его мать-учительница.

Проходит с полчаса, и мы в воздухе. Кириллов показывает сверху расчерченные квадраты улиц и скрывает позади. Самолет стремится к югу по прямой на небольшой высоте. Тень его скользит справа и впереди.

Никогда не догнать самолету своей тени, не опередить ему времени! Но мысль человеческая опережает время, и я отчетливо вижу свою страну, страну еще большего изобилия, счастья и радости, которую созидает советский человек — строитель новой жизни, уверенно идущий к коммунизму.

Кириллов — Вологда — Москва, 1957—1958 гг.

Н. С. БОБРОВ
(Биографическая справка)

Писатель Николай Сергеевич Бобров (Новгородский) родился в 1892 году в селе Волокославинском, находящемся ныне в Кирилловском районе Вологодской области. Получив начальное образование, он поступил в Вологодскую гимназию. Но ввиду тяжелого материального положения вскоре вынужден был прекратить учебу и пошел на заработки.

В 1913 году Н. Бобров переехал в Москву. Здесь работал электромонтером. В начале первой империалистической войны был мобилизован в армию и направлен в Первый авиапарк в Петрограде. В 1916—1917 гг. находился на фронте. С весны 1918 года Н. С. Бобров редактировал газету «Воронежская коммуна».

В 1922 году Н. Бобров вернулся в Москву. Некоторое время преподавал в Институте Красной профессуры, а затем перешел на газетную работу. В качестве специального корреспондента журнала «Самолет» много ездил по стране и побывал в Германии.

В годы Великой Отечественной войны Н. Бобров работал в газете политотдела BBC Северного морского флота и в госпиталях Красноярского края.

Более чем за 30 лет литературной деятельности Н. Бобров создал свыше двадцати книг. Наиболее значительные из них: «Сокол»

(о русском авиаторе Нестерове), «Чудесные крылья», «Жизнь летчика», «Человек в воздухе», «На воздушных путях», «По волнам воздушного океана», «Хочу быть летчиком». Книжка очерков «Хочу быть летчиком» выдержала десять изданий и переведена на ряд языков народов СССР.

Книга «В сердце Руси Северной» — последнее произведение Н. Боброва. Она возникла в результате поездок писателя на свою родину.

«Мои земляки, — пишет Н. Бобров в своей автобиографии, — с которыми я некогда учился в сельской школе, а ныне председатели колхозов, работники культуры и организаторы новой жизни, помогли мне написать эту книгу».

«В сердце Руси Северной» — книга о безрадостном прошлом нынешнего Озерного края, о его светлом настоящем и еще более радостном будущем. Много внимания уделяет автор историческим памятникам, созданным руками русских зодчих, живописцев и других умельцев, подчеркивая одновременно ту пагубную роль, которую играли в прошлом монастыри в жизни народа. Но главные герои книги — наши современники: учителя, врачи, садоводы, рабочие гармонной фабрики, кружевницы, труженики сельского хозяйства.

Умер Н. С. Бобров в 1959 году в Москве.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Чудо народа-зодчего	7
По залам музея	13
Там, где творил Дионисий	79
На горе Соколиной	107
На волоке Словенском	127
Новизна кирилловская	165
Земля наших предков	203
